

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK № 67 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

TARTU 1958

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
VIINIK 67 ВЫПУСК

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

ТАРТУ 1958

Редакционная коллегия ученых записок:

Ответственный редактор — доц. Г. М. Сапожников.

Члены редколлегии: доц. Б. Ф. Егоров, канд. философских наук
Л. Н. Столович

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ СЛУЧАЙНОСТИ В УЧЕНИИ Ч. ДАРВИНА.

М. Г. Макаров

В недалеком будущем мир будет отмечать столетнюю годовщину создания материалистической теории развития живой природы и столетие со дня рождения ее гениального творца — Чарлза Дарвина. Это — праздник не только самой биологической науки, но и в не меньшей мере торжество материалистической философии. Высшее достижение последней — диалектический материализм — развился во всепобеждающее учение, опираясь в значительной мере на дарвиновскую теорию эволюции, как на свою естественно-научную основу. Величие и правота учения Дарвина неотделимы от правоты и величия учения Маркса.

Настоящая статья рассматривает некоторые вопросы философской стороны применения Дарвином категории случайности, несомненно представляющей еще значительный интерес для дальнейшей разработки диалектико-материалистической теории категорий. Задачей статьи ни в коем случае не может являться попытка выносить решения по какому-либо вопросу собственно биологической теории. Только эксперимент, точно проверенные факты в их совокупности могут разрешить вопросы, по которым ведется дискуссия в советской биологии. Статья в этом отношении могла бы, в лучшем случае, лишь обратить внимание на необоснованный, как нам кажется, с точки зрения диалектического материализма характер отдельных положений, выдвигаемых некоторыми советскими философами, способными толкать естествоиспытателей на поспешные выводы из недостаточного количества фактов.

Случайными, согласно Дарвину, являются, во-первых, изменения, относящиеся к так называемой «неопределенной изменчивости». «Мы видим неопределенную изменчивость, — пишет Дарвин, — в тех бесконечно разнообразных слабых различиях, которыми отличаются особи того же вида и которые не могли быть унаследованы ни от одного из родителей, ни от более отдаленных предков. Все подобные изменения, слабые или более резко выраженные, проявляющиеся у особей, живущих вместе, могут быть

рассматриваемы как неопределенные воздействия условий существования на каждый индивидуальный организм, подобно тому как простуда действует неопределенным образом на различных людей соответственно их сложению или состоянию, вызывает то кашли и насморки, то ревматизмы или воспаления различных органов».¹ Таким образом, «неопределенность» заключается здесь в неоднозначной зависимости следствий — наследственного изменения различных организмов одного и того же вида — от вызывающей их внешней причины. Эта неопределенность вытекает, как показывает Дарвин, из индивидуальных различий между организмами. В результате столкновения бесчисленных черт, унаследованных от двух различных линий родства и воздействия бесконечно сложной совокупности внешних условий, которая не может быть совершенно одинаковой для двух организмов, возникают «бесконечные возможности комбинаций»,² неповторимые даже у близко-родственных организмов. Это диалектическое по своему существу положение дарвинизма хорошо выразил Т. Д. Лысенко: «Никогда в мире не бывает ничего абсолютно одинакового — никогда нельзя себе представить даже двух растений самого чистого сорта, абсолютно одинаковых как по морфологии, так и по своей сущности, то есть по наследственной основе».³ Поэтому один и тот же фактор среды (на самом деле также всегда в той или иной мере различный), действуя на организмы одного вида или разновидности, не может не вызывать значительно отличающихся друг от друга изменений. Между тем, некоторые советские философы видят в положении о случайном характере изменчивости («неопределенная изменчивость») проявление индетерминизма, вейсманистской концепции о «зародышевой плазме». При этом они указывают на необходимость «адекватности» изменения. Понятие «адекватности» применяется в биологической науке в различном смысле. В философии вполне правомерно, как это и делают указанные товарищи, говорить об адекватности следствия причине. Зависимость следствия от причины, его порождающей, должна неизбежно проявляться в пропорциональности следствия причине. «Действие не содержит в себе ничего такого, чего не содержит в себе причина».⁴ Но именно в силу этого соответствия, «адекватности» следствия причине изменения столь различных явлений, какими являются отдельные организмы, должны быть в значительной степени различными. Если бы имело место обратное, то есть, если бы различные объекты изменялись под воздействием одной и той же причины всегда только одинаковым образом, то неизбежно возник бы вопрос о каких-то других причинах, обуславливающих своим действием

¹ Ч. Дарвин, Происхождение видов, Государственное издательство сельско-хозяйственной литературы, 1952 г., стр. 90.

² См. Л. Бербанк, Избранные сочинения, 1955 г., стр. 67

³ Т. Д. Лысенко, Агробиология, 1949 г., стр. 257.

⁴ Гегель, Сочинения, том V, 1937 г., стр. 677.

эту одинаковость. Здесь полностью применима мысль Маркса, высказанная им, правда, в совершенно другой связи, о том, что равное состояние неравных индивидуумов предполагает неравное воздействие на них.⁵ Таким образом, именно детерминизм, положение об «адекватности» следствия своей причине требует в биологии признания того, что Дарвин, правда, не совсем удачно, назвал «неопределенной изменчивостью».

Дарвин не ставил своей задачей изучение законов, скрывающихся под покровом случайной изменчивости и управляющих взаимоотношением изменений и порождающих их условий, но он никогда не сомневался в существовании этих законов. В труде «Изменения домашних животных и культурных растений» Дарвин сделал значительный шаг в направлении их исследования. Как известно, именно в этой области сделал принципиально важные открытия Мичурин, разработавший на основе открытых им закономерностей методы управления изменчивостью у культурных растений.

«Для каждого легкого индивидуального различия, — говорит Дарвин, — должна существовать какая-нибудь действительная причина и если неизвестная причина будет действовать упорно, то почти несомненно, что все особи данного вида изменятся сходным образом».⁶ Если бы одни и те же физические причины «действовали одинаковым образом в течение длинного ряда поколений на значительное число особей, то все они, вероятно, изменились бы одинаковым образом».⁷ Такое понимание Дарвином соотношения случайностей и осуществляющейся через них, охватывающей их, общей необходимости, полностью соответствует требованиям материалистической диалектики, согласно которым случайности входят «составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями», и поэтому «чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область»,⁸ тем значительнее это уравнивание и определеннее выявляется общее, необходимое направление изменения.

Итак, неопределенность изменчивости есть случайность индивидуальных различий по отношению к необходимому закону, осуществляющемуся через эту случайность и определяющему общую тенденцию изменчивости большого количества особей в течение весьма продолжительного срока. По отношению же к тому взаимодействию факторов среды и наследственной основы, которое определяет развитие каждого отдельного организма, эта же индивидуальная изменчивость является необходимой, непосредственно вытекающей из необходимости данного взаимодействия.

Товарищи, увидевшие в учении о «неопределенной изменчи-

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, 1948 г., стр. 15.

⁶ Ч. Дарвин, Происхождение видов, 1952 г., стр. 232.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947 г., стр. 264, 471.

ности» философскую ошибку Дарвина и выступившие в защиту закона причинности от имени детерминизма, вероятно забыли один из эпизодов борьбы Ленина против эмпириокритицизма. Эмпириокритик И. Петцольдт, не допуская «неопределенности» в изменениях природы, выдвинул некий универсальный «закон однозначной определяемости». В этот закон Петцольдт «перекрестил» понимавшийся им механистически закон причинности, как будто бы требующий всегда строго определенной направленности изменений, не допускающей никаких отклонений. Оценивая «однозначную определяемость» Петцольдта, понимание им детерминизма, В. И. Ленин отмечал: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого».⁹

Так называемая «определенная изменчивость», согласно Дарвину, состоит в неглубоких изменениях, общих для всей, или почти всей совокупности изменяющихся организмов одного и того же вида (рост — в зависимости от количества, окраска — от качества пищи, толщина кожи — от климата, величина органа — от его упражнения и так далее). Различия между подобными изменениями у индивидов одного и того же вида зависят почти исключительно от различий между воздействиями внешних причин. Но и определенные изменения несут в себе элемент случайности. Так, упражнение может привести к различной степени развития определенного органа у разных особей. Место случайности здесь иное, чем в неопределенной изменчивости, она касается лишь количественной стороны изменений. Таким образом, различие между двумя типами изменчивости с точки зрения случайности или необходимости их является в значительной мере относительным.

Случайность в теории Дарвина выступает и в виде другого отношения. Изменения организмов могут повысить их жизнеспособность и способность к оставлению потомства, могут быть безразличными в этом отношении и, наконец, могут быть вредными для жизнеспособности. При этом оказываются случайно полезными или случайно вредными не только изменения, относящиеся к неопределенной изменчивости, но и так называемые определенные изменения.¹⁰

Так, в приводимых Дарвином примерах упоминается, что снегири и некоторые другие птицы при кормлении их конопляными семенами становятся черными. Галлы на шиповнике, дубе и других растениях окрашиваются в ярко-красный цвет. «Эта яркая ок-

⁹ В. И. Ленин, Сочинения, том 14, стр. 150.

¹⁰ Общий характер определенной изменчивости не означает, что в указанном отношении она не может быть случайной. Случайность не всегда единична. Последнее справедливо показано в диссертации А. Чунаевой (см. рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук — «Марксизм-ленинизм о необходимости и случайности», Ленинград, 1954 г.), а также в статье С. Ф. Анисимова «К вопросу об определении категории случайности» (см. «Вопросы философии», № 3, 1957 г.).

раска, — говорит Дарвин, — не может приносить пользы ни насекомому, образуемому галл, ни дереву».¹¹ В предыдущем случае бесполезность такого изменения для птиц столь же очевидна. К. А. Тимирязев среди определенных изменений организмов, полезных для них, указывает, например, на зеленую окраску кузнечиков и некоторых других насекомых, зависящую от присутствия в них хлорофилла. Когда под влиянием света хлорофилл растительности приобретает бурый цвет, в подобный же цвет окрашиваются и насекомые. Возникает приспособление насекомых к окраске обитаемой среды, полезное для них в их взаимоотношениях с врагами.¹² Действие земного притяжения придает боковым цветам соцветия шалфея двугубую форму. Подобная форма цветка оказывается полезной для растений, так как нижняя губа представляет удобную точку опоры для насекомых, посещающих цветы, и тем самым осуществляющих перекрестное опыление растений.¹³ Может ли быть прямая необходимая связь между законами, управляющими физико-химическими процессами взаимодействия света и хлорофилла и закономерностями деятельности органов зрения птиц, истребляющих кузнечиков? Или — между законом тяготения и закономерностью повышения жизненности растений в результате перекрестного опыления? Совершенно ясно, что «внутренняя связь» этих процессов «настолько отдаленна», что мы можем «считать, что ее не существует», то есть, что здесь мы имеем, в соответствии с определением Энгельса, дело со случайностью.¹⁴ Иногда может, однако, казаться, что такая внутренняя общая необходимая связь имеется. Такое впечатление может сложиться, когда фактором, вызывающим непосредственно какое-либо защитное свойство, является то самое условие существования, от вредного влияния которого организм путем данного изменения устраняется. Так, например, засуха способствует выработке у растений приспособлений, ограждающих их от вредного действия засухи. Из наличия фактов такого рода нельзя, однако, делать вывода, что прямое воздействие внешнего условия вообще должно необходимо вызывать приспособление, полезное для организма. «Необходимость неотделима от всеобщего».¹⁵ Здесь же имеет место не всеобщая, а отдельная связь, случайная по отношению к всеобщей изменчивости организмов под воздействием изменяющейся среды. Это прекрасно выразил К. А. Тимирязев в следующих словах: «Из того факта, что приспособления вырабатываются как бы автоматически под влиянием окружающих факторов, еще не вытекает обратное заключение, что действие этих факторов само по себе всегда целесообразно. Рядом с кажу-

¹¹ Ч. Д а р в и н, Изменения домашних животных и культурных растений, Сочинения, том 44, стр. 663—665.

¹² К. А. Т и м и р я з е в, Избранные сочинения, том. III, стр. 564.

¹³ Т а м ж е, стр. 346.

¹⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Избранные письма, 1947 г., стр. 422—423.

¹⁵ В. И. Л е н и н, Философские тетради, 1947 г., стр. 319.

щимися целесообразными действиями засухи мы знаем, что она может превращать нормальные формы в карликовые, а еще чаще просто уничтожать их. Логически рассуждая, мы должны признать, что изменчивость, вызываемая средой, сама по себе безразлична. Изменения могут быть полезны для организма, безразличны или прямо вредны. Печать приспособления, полезности налагается не физическим процессом изменчивости, а последующим историческим процессом устранения, или элиминации бесполезного, то есть отбором».¹⁶ Случайный характер полезности изменений по отношению к непосредственному воздействию условий, вызывающих первичную изменчивость, особенно ярко виден там, где отбор приводит к выработке целесообразных приспособлений, противоположных по своему характеру самому общему направлению изменений, вызываемых прямым действием факторов, на приспособление к которым осуществляется отбор. Засуха, прямое действие которой иссушает ткани растения, действуя как фактор отбора, приводит к возникновению сочных кактусов. Прямое воздействие голодания приводит, как известно, к рассасыванию жировых тканей. Между тем, голодные условия пустынной жизни, как причина отбора, вызвали развитие отложений резервного жира в горбах верблюда, как приспособление к частому голоданию. Очевидно, не приходится доказывать, что громадные скопления жира у верблюда не могли образоваться приспособительно к воздействующему условию путем ассимиляции этого условия — голода.

Внешние условия, изменяя организм, выступают в разных ролях, разными своими сторонами: и как причины, вызывающие своим прямым действием изменчивость, и как факторы, уничтожающие или угнетающие менее приспособленных и тем создающие приспособление.

Вопрос приспособления нельзя смешивать с вопросом наследования приобретаемых свойств. Известно, что необходимость наследования приобретенных признаков Дарвином признавалась. Между тем некоторые наши философы,¹⁷ используя многозначность термина «адекватность», отождествляют «адекватность», как, всеобщую прямую приспособительность изменений организмов, и «адекватность», как наследственность приобретаемых организмом отличий («соматическая индукция»). — то есть «адекватность» изменения потенций половых клеток изменениям органов и признаков особи. Между тем ясно, что наследование приобретенных признаков само по себе никак не может объяснить полезности приспособления, целесообразности устройства организма. Ведь продолжение в поколениях воздействия определенного условия должно было бы вызвать неизбежную гипертрофию признака, губительную для организма. Почему же изменение останавли-

¹⁶ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, том III, стр. 518.

¹⁷ Например, Г. В. Платонов, Мировоззрение К. А. Тимирязева, 1951 г., стр. 86.

вается тогда, когда оно полезно, хотя факторы, его вызывающие, продолжают действовать? На недопустимость смешения положения наследования признаков и телеологического учения о прямом, целесообразном приспособлении давно уже указывалось в литературе по дарвинизму.¹⁸

В зависимости эволюции организмов от среды мы встречаем два основных необходимых причинно-следственных ряда: во-первых, необходимую зависимость наследственных изменений организмов от внешних условий, выражающуюся в сложнейших физико-химических процессах, во-вторых, необходимую зависимость сохранения и накопления этих изменений от внешних условий, как факторов исторического процесса отбора, осуществляющегося на основе совершенно других закономерностей.

Возникновение первичного приспособительного, полезного изменения происходит на стыке обоих рядов. Оно порождается первым, его полезность есть отношение ко второму. «Случайность есть нечто относительное. Она является в точке пересечения необходимых процессов».¹⁹ Именно в этом и состоит случайность полезности первичных изменений, по Дарвину. В известной метафоре Дарвин сравнивает действие закона естественного отбора с работой архитектора, строящего здание из специально подобранных камней, различных по форме. Форма каждого камня зависит от ряда условий, подчиненных естественным законам, и необходима в этом отношении. Но при пересечении этой необходимости с закономерной деятельностью зодчего возникает случайность. «По отношению к тому употреблению, которое можно сделать из обломков, их форму можно строго назвать случайной».²⁰

В диалектике проводится вполне правомерное различие случайности на внешнюю и внутреннюю, делающее эту категорию еще более гибкой и содержательной. Такое различие делалось уже в какой-то мере Гегелем. В современной литературе по диалектическому материализму его проводит, например, товарищ Гароди в своей докторской диссертации о категориях свободы и необходимости.²¹

По отношению к необходимости некоторой общей закономерности в качестве внутренней случайности выступает движение отдельного явления, необходимое по отношению к законам другого порядка, суммарное действие которых в движении множества подобных же явлений охватывается первой необходимостью и пред-

¹⁸ К. Guenther, Der Darwinismus und die Probleme des Lebens. C. Detto, Die Theorie der direkten Anpassung, Jena, 1904.

¹⁹ Г. В. Плеханов, К вопросу о роли личности в истории, Сочинения, том VIII, стр. 294.

²⁰ Ч. Дарвин, Изменения домашних животных и культурных растений, сочинения, том IV, стр. 778.

²¹ Р. Гароди, Проблема свободы и необходимости в свете марксизма. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва, 1954 (рукопись). См. также М. Гайдаров, Диалектика необходимости и случайности, автореферат, Москва, 1957.

полагается ею. В таком случае «необходимость содержит. в себе случайность»,²² а последняя входит «составной частью в общий ход развития»,²³ то есть в необходимость, которая без нее не может осуществляться. Для того, чтобы необходимость проявилась, она нуждается в такого рода случайности. Существование этой случайности для нее необходимо. Так, по отношению к необходимости законов термодинамики случайным является движение отдельной молекулы газа, но без этой внутренней случайности невозможна и сама необходимость первых законов. Внешняя же случайность возникает при пересечении необходимых рядов, из которых существование одного не предполагает само по себе существования другого. Внешней случайностью в вышеприведенном примере явились бы, скажем, отклонения от необходимой плотности газа, происходящие в результате реакции молекул этого газа с веществом стенок сосуда, подчиняющейся законам химического движения. Конечно, само разделение случайности на две формы относительно, условно. Между ними нет резкой грани, они в свою очередь разделяются на целый ряд градаций, взаимно переходят друг в друга.

Если у Дарвина случайность неопределенной изменчивости, как мы видели уже, носит характер внутренней случайности по отношению к общей необходимости зависимости изменений организмов от внешних условий, то случайность целесообразного характера изменений является случайностью, внешней по отношению к закономерностям самой изменчивости. По отношению же к закономерности естественного отбора — закона исторического развития организмов, несводимого к физиологическим, в основе своей физико-химическим, законам изменчивости, случайность полезного характера данного отдельного изменения служит внутренней случайностью, через которую и посредством которой осуществляется действие естественного отбора.

Случайностью же внешнего порядка по отношению к необходимости отбора выступает имеющее иногда место массовое истребление организмов случайно, безотносительно к их приспособленности. Дарвин понимал отличие случайности этого рода от случайности неопределенной изменчивости и приспособительного характера первичных изменений, называя первую «чистой случайностью».²⁴

Из рассмотренных нами относительных случайностей различных порядков для правильного понимания взглядов Дарвина особенно важное значение имеет случайность полезного, целесообразного характера первичных изменений. Эта случайность есть отношение между отношениями, с одной стороны, отношением характера внешнего воздействия к наследственному изменению, и, с другой стороны, отношением данного изменения ко всему ор-

²² Гегель, Сочинения, том V, стр. 664.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 264.

²⁴ Ч. Дарвин, Происхождение видов, Москва, 1952 г., стр. 143.

ганизму как целому и через это к подвижному комплексу окружающих организм условий органической и неорганической среды, определяющему выживание и возможность размножения организма. Случайность индивидуального изменения может входить в это отношение, как видно отсюда, составным элементом, но случайный характер полезности зависит, как говорилось уже выше, не только от случайности этого составного элемента.

В диалектике относительно само «различие между релятивным и абсолютным».²⁵ Между случайным и необходимым нет непреходимой грани. То или иное полезное изменение в определенном отношении, как мы уже видели, всегда необходимо. Кроме того, случайность полезности изменений в «борьбе за существование» в широком смысле этого слова, как результат перекрещивания различных необходимых (и случайных) отношений не означает совершенно отсутствия какой бы то ни было связи между этими необходимыми отношениями. Она заключается уже в том, что тот же самый фактор, который вызывает изменчивость, входит, как правило, и в состав факторов, осуществляющих отбор, а также в возможном воздействии отбора на изменчивость, то есть отбора на самую способность изменяться в определенном направлении.²⁶ Очевидно, что подобное наследственное стремление к изменчивости, будучи блестящим примером диалектики взаимодействия причины и следствия, их обратной связи, не есть нечто первичное, но само опосредовано естественным отбором, может быть объяснено только при помощи его и не может рассматриваться как прямая приспособительность организмов.

Учение диалектики о взаимоотношениях случайности и необходимости отнюдь не исчерпывается диалектическим положением — «случайность есть форма проявления необходимости». Самое основное в диалектике этих категорий, — взаимопроникновение противоположностей, переход случайности в необходимость и обратно в процессе развития. «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга».²⁷ Диалектический характер соотношения случайности и необходимости в теории Дарвина с особенной силой проявляется именно в этом. Целесообразность организма, возникая первоначально как случайность, не вытекающая из законов его изменчивости, в процессе отбора развивается в общий необходимый признак данной группы организмов. Действие закона естественного отбора строго необходимо: «Органический мир управляется железным законом необходимости, все бесполезное и вредное заранее обречено на смерть».²⁸ Это необходимое действие закона превращает случайность в необходи-

²⁵ В. И. Ленин. *Философские тетради*, 1947, стр. 328.

²⁶ Ч. Дарвин, *Происхождение видов*, Москва, 1952, стр. 164.

²⁷ В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 83.

²⁸ К. А. Тимирязев, *Избранные сочинения*, том IV. стр. 347.

мость. Необходимо само превращение случайного в необходимое. Общая приспособленность организмов, как необходимый результат действия закона отбора с необходимостью предполагает случайность исходного материала, как один полюс предполагает существование другого, — своей диалектической противоположности. Изумительное многообразие целесообразных приспособлений даже внутри родственных форм возможно только благодаря случайной стороне неопределенной изменчивости, предоставляющей почти бесконечное поле для действия отбора, «покоится», по выражению Энгельса, на этой случайности. «Огромное поле неопределенной изменчивости имеется готовым для естественного отбора и может быть освоено ради любой цели, полезной каждому отдельному существу».²⁹

Следует подчеркнуть, что образование органической целесообразности в ходе отбора представляет собою, таким образом, вполне необходимый, закономерный процесс, но в диалектическом понимании необходимости. Естественно, что для метафизиков, не понимающих относительности различия между случайностью и необходимостью и противопоставляющих закономерность случайности, как полностью исключающую последнюю по формуле «да — да, нет — нет; что сверх того то от лукавого», учение Дарвина о возникновении целесообразности не может не казаться построенным на одной случайности.

Своей теорией отбора Дарвин подобно тяжелому молоту вдребезги разбил основы телеологии во взглядах на органическую целесообразность, выковал материалистическое ядро биологической науки, непроницаемое для «внутренних целей», «внутренних стремлений» и проч. Теория естественного отбора дала материалистическое объяснение объективной целесообразности органической природы именно благодаря тому, что вскрыла диалектический переход случайности в необходимость в развитии живой природы. Тем самым, величайшее открытие в биологии явилось одновременно решением и древней философской проблемы. Уместно вспомнить, что именно случайность целесообразного устройства органических форм по отношению к законам физиологии казалась Канту навеки непреодолимой тайной для человеческого познания. Методологически Кант исходил из недопущения самой мысли о превращении случайности в необходимость в природе и поэтому оставил человеческому познанию лишь право представлять эту «закономерность случайности», как он называл природную целесообразность, «только опд условием цели».³⁰ Гегель, показавший впервые в общей форме внутреннюю связь между понятиями случайности и необходимости, не допускал, в силу своего идеалистического отрицания развития природы во времени, перехода в природе случайности в необходимость. Роды (виды) ор-

²⁹ Ч. Дарвин, Избранные письма, Москва, 1950 г., стр. 150.

³⁰ И. Кант, Критика способности суждения, СПб. 1898 г., стр. 290, 297

ганизмов представляются Гегелю в качестве неких разумных сверхорганизмов, жизнь которых состоит в постоянном возникновении и отмирании особей. Род, — это общее обьективированное понятие, представляя собою внутренний разум живого и действуя как бессознательное влечение, внутренняя цель, направляет организмы в их целесообразном приспособлении к внешней среде.³¹ Природная необходимость осуществляется в форме случайности в силу своего несовершенства, как отражения движения духа. Случайности суть погрешности в этом отражении, выражение «бессилия природы». ³² Дух же «безусловно не подвержен случайностям». ³³ Развивается только дух, в природе развития нет. Случайная для рода особенность индивида не может поэтому превратиться в новый необходимый признак рода. Поэтому Гегель не может правильно оценить тенденции к диалектике в стремлении материалистов решить с позиций детерминизма вопрос целесообразности живых существ. ³⁴ Логика же борьбы против телеологии подводила материалистов не раз, начиная от Эмпедокла и Демокрита, к предвосхищению идеи отбора. И не только уровень естествознания того времени, отсутствие достаточного фактического материала были причиной того, что подобные предвосхищения остались лишь очень туманными догадками даже у французских материалистов (Ламетри, Гольбах, Дидро), но и их механистическая методология, не допускавшая существования случайности в природе, не позволяла им оценить даже эти свои догадки. Надо сказать, что и сам Дарвин, исходивший сознательно в своей общей методологии из метафизического материализма бэконовского типа и не принявший материалистической диалектики, остро чувствовал противоречие между механистическим пониманием необходимости природы и обьективно-диалектическим содержанием его теории. ³⁵ Логической основой «путаницы» во взглядах, на которую жалуется Дарвин, была его неспособность осознать им же открытую в природе диалектику случайности и необходимости, которая «раздавила и сломала» «старое представление о необходимости». ³⁶

Теория естественного отбора явилась, по словам Энгельса, «практическим доказательством» ³⁷ учения Гегеля о диалектической связи между необходимостью и случайностью, тем применением этого учения, от которого отказался Гегель в силу своего идеализма. Одновременно теория Дарвина явилась исполнением заветов благороднейших борцов за освобождение разума человека, от чарваков и Демокрита до Фейербаха, — отстаивавших

³¹ Гегель, Сочинения, том II, стр. 487.

³² Там же, стр. 32.

³³ Гегель, Сочинения, том VIII, стр. 52.

³⁴ Гегель, Сочинения, том X, стр. 261.

³⁵ Ч. Дарвин, Избранные письма, Москва, 1950 г., стр. 145, 223.

³⁶ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1948 г., стр. 177.

³⁷ Там же, стр. 250.

детерминизм против телеологии в вопросе целесообразности живых существ.

Классики марксизма-ленинизма связывали этот научный подвиг Дарвина с решением им проблемы случайности и необходимости, которое они принимали как истинно диалектическое без всяких оговорок. Мало того, можно с полным правом утверждать, что само диалектико-материалистическое учение о случайности и необходимости в своем разработанном виде явилось в значительной степени результатом глубокого изучения и обобщения Энгельсом теории Дарвина. Поэтому не могут не вызвать удивления попытки некоторых советских философов утверждать, что теория Дарвина трактует вопрос соотношения случайности и необходимости в какой-то мере неверно, что, якобы ошибочное, положение Дарвина о неопределенной изменчивости связано с его «недопониманием диалектической связи между необходимостью и случайностью», как пишет Г. В. Платонов.³⁸ Что же «недопонимал» Дарвин? Оказывается, что это заключалось в фактическом признании последним перехода случайности в необходимость, возникновения целесообразности как случайности и превращения ее в необходимость силой отбора. Другими словами, Дарвину ставится в вину, что он решил этот вопрос диалектически, и одновременно он обвиняется в том, что он отрицал прямое полезное приспособление организмов, то есть, другими словами, в том, что он был Дарвином, а не Ламарком. Мы узнаем, что теория естественного отбора не дает решения проблемы целесообразности, оставляя «значительный пробел»³⁹ в ее объяснении. Изменчивость организмов, «строго» закономерно протекающая в направлении полезного приспособления,⁴⁰ например, в виде «стремления» растений в сухой атмосфере образовывать волоски, удлинять корни,⁴¹ должна, оказывается, заполнить этот «пробел». Признание прямого полезного приспособления организмов к внешним условиям объявляется при этом основой «материалистического понимания законов развития живой природы».⁴² Энгельс, однако, был в свое время иного мнения о теории прямого приспособления. Он считал, что сущностью этого учения является идеализм, телеология. «Внутренняя цель в организме прокладывает себе затем, согласно Гегелю, дорогу через посредство влечения. Влечение должно, по Гегелю, привести отдельное живое существо более или менее в гармонию с его понятием. Отсюда ясно, насколько вся эта внутренняя цель сама является

³⁸ Г. В. Платонов, В. И. Ленин и развитие биологической науки, Журнал общей биологии, 1954 г. № 1, стр. 15.

³⁹ В. М. Каганов, Некоторые философско-теоретические вопросы мичуринского учения, Журнал общей биологии, 1955 г., № 5, стр. 327.

⁴⁰ Г. В. Платонов, там же, стр. 15.

⁴¹ Г. В. Платонов, Мировоззрение К. А. Тимирязева, 1951 г. стр. 84—85.

⁴² Г. В. Платонов, Некоторые философские вопросы дискуссии о виде и видообразовании, Вопросы философии, 1954 г. № 6, стр. 118.

идеологическим определением. И тем не менее в этом суть Ламарка». ⁴³ В литературе имеются попытки истолковать эту оценку ламаркизма Энгельсом ограничительно, относя ее только к учению Ламарка о градации. ⁴⁴ Поскольку Энгельс здесь отождествляет «цель» у Ламарка с «целью» в телеологической натурфилософии Гегеля, исключающей развитие (градиацию): но выдвигавшей представление о прямом приспособлении «желающего органического существа» к окружающим предметам, ⁴⁵ то совершенно очевидно, что Энгельс имеет здесь в виду именно ламарковскую идею прямого приспособления. Как известно, Ламарк по своим философским взглядам был противником телеологии, решительно отрицал существование целей в природе. ⁴⁶ Однако в своей биологической теории он, вопреки этому, пришел к фактическому утверждению внутренних целей в понимании живой природы. К этому его привела логика учения о прямом приспособлении.

Приведенной оценке Энгельсом ламаркистского положения о прямом приспособлении отнюдь не противоречит то, что Энгельс вместо понятия «изменчивость» употребляет понятие «приспособление». Как он указывает, последнее он принял от Геккеля и называет его поэтому «геккелевским». ⁴⁷ Геккель же этим понятием хотел, как он сам об этом говорит, подчеркнуть зависимость изменений организма от «внешнего мира» и их внутреннюю связь с процессом питания. Развивая эту глубокую мысль, Энгельс противопоставляет «приспособление», как изменение живых существ, «изменениям» неживых тел, в результате которых последние «перестают быть тем, чем были раньше». ⁴⁸ Изменение живого тела является, по Энгельсу, приспособлением, поскольку живое существо в результате его не погибает, ⁴⁹ а сохраняется в силу обмена веществ и свойственной живому белку пластичности. Таким образом, «приспособление» у Энгельса и Геккеля не равноценно ламаркистскому «приспособлению», как полезному для организма в его взаимодействии с вызывающим изменение внешним фактором. Геккель решительно возражал против попыток придать подобный ламаркистский смысл его «приспособлению». Он указывает, что «приспособление» понимается им в широком смысле, как наследственное изменение, которое может быть как полезным, так и безразличным и вредным для организма. ⁵⁰ Поэтому попытку Г. В. Платонова опереться в своей защите идеи прямого при-

⁴³ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, 1948 г., стр. 166.

⁴⁴ П. П. Сахаров, Наследование приобретаемых свойств, Москва, 1952 г., стр. 35.

⁴⁵ Гегель, Сочинения, том II, стр. 487

⁴⁶ Ламарк, Анализ сознательной деятельности человека, 1899 г.

⁴⁷ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 67. Дialeктика природы, 1948 г., стр. 254.

⁴⁸ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 77.

⁴⁹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 321.

⁵⁰ Э. Геккель, Чудеса жизни, Спб., 1908 г., стр. 183.

способления на Энгельса⁵¹ нельзя признать удачной, так же, как и его попытку показать, что К. А. Тимирязев не разобрался в кардинальном вопросе биологической теории.⁵² Упрек Г. В. Платонову в том, что он, вопреки своему намерению, подходит к телеологии, был бы несправедлив, если бы Платонов понимал «приспособление» в смысле безразличного в отношении пользы для организма изменения, то есть так, как понимали его Геккель и Энгельс, а не в смысле полезного, целесообразного. Но Г. В. Платонов достаточно ясно показывает (как мы могли уже убедиться выше), что он понимает «приспособление» именно в последнем смысле. «Целесообразность, — пишет он, — представляет собой лишь более полно выраженную приспособленность»,⁵³ то есть приспособление есть целесообразность, только менее полно выраженная. Одновременно Г. В. Платонов дает понять, что изменчивость не только целесообразна, но и в общем идет по линии прогресса без помощи отбора.⁵⁴

Имеются два возможных, основывающихся на метафизическом понимании соотношения случайности и необходимости, направления борьбы против материалистической и диалектической основы учения Дарвина. Первое идет по линии обвинения Дарвина в том, что его учение построено якобы всецело на случайности. Клевета телеологов на материализм, что он якобы представляет собою «доктрину случайности», столь же древняя, как и вся борьба «линий Платона и Демокрита». Естественно, что нападки на Дарвина «от случайности» с самого начала сделались излюбленным общим местом идеалистов в биологии. Так, литератор Н. Я. Данилевский, злополучный зачинатель похода реакции против Дарвина в России, утверждал, что учение последнего «случайность выставляет верховным принципом», делает случайности «истинными, единственными господами мира и природы».⁵⁵ Метафизика может признать существование случайности и необходимости рядом друг с другом в природе, она может даже допустить внешнюю связь между ними. Но метафизическое мышление в принципе не способно понять взаимопревращения противоположностей, перехода случайности в необходимость. Французский философ-метафизик П. Жанэ, выступавший против Дарвина в защиту телеологии, писал: «. Если даны известные типы то не трудно понять, что вследствие столкновения с общими законами природы могли произойти случайные отклонения от этих типов; но никак нельзя представить, чтобы единственно из многократного воспроизведе-

⁵¹ См. «Вопросы философии», 1954 г., № 6, стр. 118.

⁵² См. Г. В. Платонов, Мировоззрение К. А. Тимирязева, стр. 83—85.

⁵³ Г. В. Платонов, Принцип детерминизма в мичуринском учении, Известия Академии Наук СССР, серия биологии, 1956 г., № 3, стр. 29.

⁵⁴ Там же, стр. 25.

⁵⁵ Н. Я. Данилевский, Дарвинизм, Спб., 1885 год, том I, часть I, стр. 18—19.

ния подобных случайностей могло произойти и установиться согласие и однообразие феноменов». ⁵⁶

Диалектическое положение Дарвина о возникновении необходимости из случайности, общего из единичного, воспринимается метафизиками как отказ Дарвина от признания закономерного, необходимого характера развития. Представители витализма, неоламаркизма, ортогенеза не думают отрицать наличие случайностей в природе, но они хором заявляют, что общая для всех организмов целесообразность не может возникать как переход случайного в необходимое, что живым существам свойственно необходимо, прямо, как бы разумно, приспосабливаться к действующим условиям. Так, виталист Г. Вольф писал: «Витализм утверждает: в организмах мы находим такой вид реакции, характерную черту которого составляет целесообразность», в материализме же «непонятным является не то, что вообще встречаются случайности, но то обстоятельство, будто одни случайности приводят к возникновению целесообразных изменений». ⁵⁷ Исходя из таких же доводов, Дарвина обвиняют в построении на случайности учения о возникновении целесообразности яростные защитники телеологии, психоламаркисты А. Паули, ⁵⁸ Р. Франсэ, ⁵⁹ А. Вагнер, ⁶⁰ сторонник теории ортогенеза Т. Эймер, ⁶¹ проводник философии британского колониализма в биологии холист Д. С. Холдейн, считающий целесообразное приспособление первичным свойством жизни, ⁶² и другие. Подавляющее большинство из них не отрицает полностью естественного отбора, отводя ему второстепенную роль средства доработки прямо возникающей приспособленности. Естественный отбор действует, согласно этим представлениям, лишь в сфере случайного, на поверхности процесса. ⁶³

Если открыто виталистические теории, неоламаркизм и теории ортогенеза отвергают теорию Дарвина, как якобы «доктрину случая», то второе направление борьбы идеализма против материалистического существа теории видит в якобы «чистой случайности» у Дарвина не порок, а достоинство. Общелогическая основа обоих направлений в данной проблеме одна: метафизическое противопоставление случайности необходимости, находящейся у Дарвина в диалектическом единстве. Абсолютизация случайности вейсманиз-

⁵⁶ П. Жанэ, Конечные причины, Труды Киевской Духовной Академии, 1877 г., том IV, стр. 286.

⁵⁷ Г. Вольф, Механизм и витализм. Сборник «Сущность жизни» под редакцией Фаусека, СПб, 1903 г., стр. 235—237.

⁵⁸ А. Паули, Darwinismus und Lamarckismus, 1905, S. 3.

⁵⁹ Р. Франсэ, Философия естествознания, СПб., 1908 год, стр. 30. и других. См. настоящее издание, статью Т. Лойта.

⁶⁰ А. Вагнер, Geschichte d. Lamarckismus, 1908. S. 296.

⁶¹ См. Т. Эймер, Orthogenesis d. Schmetterlinge, Leipzig, 1897.

⁶² J. S. Haldane, Die Philosophie eines Biologen, Jena, 1936, S. 64.

⁶³ Таковы взгляды и палеонтологов-идеалистов типа Гайэтта, Осборна и других. См. статью Т. Лойта в настоящем издании.

мом-морганизмом неразрывно связана с его основным порочным положением о «зародышевой плазме», якобы независимой от изменений сомы — тела организма. В настоящей статье нет необходимости повторять всю ту справедливую и острую критику, которой подвергли вейсманистско-морганистское понимание роли случайности советские биологи — последователи Мичурина и философы. Метафизические «крайности сходятся» (Энгельс). Если, как мы видели, абсолютизация необходимости логически ведет в теории эволюции к телеологическим выводам, то к последним же приводит в конце концов и абсолютизация случайности. Огромный фактический материал, со все возрастающей скоростью аккумулируемый современным естествознанием, вынуждает представителей вейсманизма-морганизма все чаще говорить об определенных направлениях изменчивости. Но поскольку наследственные изменения не ставятся при этом в закономерную связь с воздействием внешних условий на тело организма, а рассматриваются как проявление спонтанных флуктуаций частиц «наследственного вещества», то направление изменчивости оказывается в принципе лишенным основы в материи и принимает мистический характер ортогенеза. Так, Г. С. Картэр говорит о тенденции организмов длительно изменяться в определенных направлениях, «обусловленной внутренними свойствами животного и не вызванной взаимодействием со средой».⁶⁴ Р. Гольдшмидт признает, что «мутации не полностью случайны и могут даже быть направленными». Но он категорически отрицает возможность направленного изменения «зародышевой плазмы» внешними факторами, например, возможность определенного наследственного изменения бактерий, объясняя факты, подтверждающие возможность направленного изменения, целесообразной реакцией генетического материала без какого-либо изменения самого гена.⁶⁵ Меллер, утверждающий, что между направлением фенотипического изменения и характером природных условий «нет никакого отношения», и что спонтанные природные мутации совершенно случайны, вынужден объяснить определенное направление изменчивости как результат селекции своего рода ген, управляющих ходом мутирования ген, так сказать, первого порядка.⁶⁶ Гены оказываются наделенными чудесными свойствами определять высоко приспособленную организацию вида без естественного отбора до того, как организм попадает в соответствующие этой организации условия. Теория преадаптации видов приобретает в современном вейсманизме телеологический характер, вопреки желанию ее некоторых представителей, выступающих в своих общих положениях против витализма и телеоло-

⁶⁴ G. S. Carter. *Animal Evolution*. London, 1951. p. 291.

⁶⁵ R. B. Goldschmidt, *Fifty Years of Genetics*. The American Naturalist. Vol. LXXXIV 1950. N 818. p. 331, 335.

⁶⁶ H. J. Muller. *Redintegration of the symposium on genetics, paleontology and evolution, Genetics, Paleontology, and Evolution*, 1949, Princeton, p. 424, 433.

гии.⁶⁷ На внутреннюю логическую связь индетерминизма, возводящего случайность в ранг основной категории бытия, и телеологизацией законов развития живой природы совершенно справедливо указывает вице-президент Немецкой Академии Наук ГДР Г. Эртель. «Акаузальная» микрофизика, — пишет он, — привела к возрождению психо- и неовиталистических направлений и телеолого-финалистических течений. «Целестремительные направляющие силы» и телеологические факторы «формирующие целостность», казались вновь обнаруженными в строении атома».⁶⁸

Современная буржуазная философия использует абсолютизацию случайности индетерминистическим направлением к квантовой физике и вейсманизмом-морганизмом — в биологии для открыто телеологических и фидеистических построений. Примером могут служить взгляды, развиваемые английским философом Реджинальдом Кэппом. Поскольку в физическом мире господствует беспорядочная случайность, то очевидная закономерная организация живых существ должна быть объяснена, по Кэппу, действием некоторых нематериальных реальностей — «дайзетес», создающих внутреннее предрасположение живых существ к определенному направлению процессов. «Дайзетес» — это, оказывается, на выбор — «бог, жизнь, разум или душа». Справедливости ради следует заметить, что подобные воинствующие обскурантистские выводы из метафизических ошибок буржуазного естествознания далеко не приводят в восторг многих из самих буржуазных ученых, даже весьма далеких от последовательно материалистической философии. Но протесты последних⁶⁹ не могут, конечно, быть успешными в сколько-нибудь значительной мере. Разного рода «дайзетес» империалистической философии отражают лишь в чистом виде методологическую порочность их собственного решения проблемы случайности в теоретическом естествознании. Отказ от данного Дарвином в биологии и развитого в общем виде в философии марксизма диалектического решения ее ведет их к неизбежности к взглядам порядка философии Кэппа.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Практическое решение Дарвином вопроса отношения случайности и необходимости соответствует положениям материалистической диалектики. Категория случайности выступает у Дарвина в ее диалектической гибкости и многогранности

⁶⁷ См. например, J. Huxley, *Evolution, The Modern Sythesis*. London. 1945.

⁶⁸ H. Ertel, *Kausalität, Teleologie und Willensfreiheit*. Sitzungsberichte d. Deutschen Akademie d. Wissenschaften zu Berlin Klasse für Mathematik. 1954. N. 1.

⁶⁹ См. критику Кэппа в журнале «Nature» 1956, Febr. 25, и 1956, May 26.

(относительность случайности, разнопорядковость случайности, внутренняя и внешняя случайность, переход случайности в необходимость).

Диалектическое превращение случайности в необходимость методологически лежит в основе теории естественного отбора, этого, по мысли Энгельса, основного закона развития органического мира на нашей планете.⁷⁰ Открытие его позволило Дарвину дать материалистическое объяснение органической целесообразности и тем самым нанести смертельный удар «телеологии» в естественных науках.⁷¹

Попытки ревизии решения Дарвином вопроса соотношения случайности и необходимости в его теории философски не обоснованы с точки зрения диалектического материализма и подводят, независимо от намерения, к отрицанию или преуменьшению роли отбора, а тем самым, к логической неизбежности телеологических выводов.

⁷⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, том XV, стр. 648.

⁷¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947 г., стр. 121.

О КРИЗИСЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВВ.

Т. В. Лойт

Современная палеонтологическая наука — эволюционная палеонтология. Она образовалась на основе применения основных принципов учения Дарвина к изучению ископаемого материала. Это был длительный и ожесточенный процесс борьбы со старой креационистско-катастрофической трактовкой изменения жизни на земле. Эволюционизм вышел из этой борьбы победителем. Примерно через двадцать лет после появления «Происхождения видов» Дарвина он восторжествовал во всех странах. «Вопрос об изменяемости или неизменяемости видов уже перестал быть предметом споров, и едва ли можно указать теперь хотя бы одного серьезного натуралиста, который держался бы додарвиновских воззрений на постоянство видов»,¹ — сказал известный русский палеонтолог А. П. Павлов в 1897 г.

В своей сущности это была прежде всего победа материалистического объяснения живой природы над идеалистическим. Наука окончательно отбросила открытый теологический креационизм и обратилась для объяснения развития организмов к самой природе. Одновременно это была и победа диалектики над метафизикой. Органический мир перестал казаться застывшим, неизменным божественным творением и стал представляться в виде постоянно изменяющегося, непрерывного исторического процесса. В палеонтологии в то время, как вообще во всех биологических науках, доминировали материалистические тенденции. Среди естествоиспытателей «было широко распространено мнение, что вера в эволюцию несовместима с верой в бога. Нужно выбирать, говорить тогда, между той или другой».²

Из того, что эволюционизм победил в биологических науках благодаря дарвинизму, нельзя делать вывод, что он везде высту-

¹ А. П. Павлов, Полвека в истории науки об ископаемых организмах. СПб. 1897, стр. 30.

² Lloyd, Morgan. Mind in evolution, in Mason, F. Creation by evolution. 1928, p. 351.

пал в виде дарвинизма. Эволюционизм и дарвинизм, различные, не идентичные понятия. Дарвинизм — одна из возможных форм эволюционизма. Так и в палеонтологии — то, что эволюционная палеонтология возникла как применение идей дарвинизма в изучении ископаемых остатков органической природы, не значит еще, что все палеонтологи-эволюционисты были дарвинистами. Хотя эволюционную палеонтологию в первый период ее развития в целом и характеризует дарвинистское объяснение развития органического мира, в то же время встречались и недарвинские трактовки эволюций. Не говоря уже о т. н. «вынужденных» эволюционистах, и среди убежденных сторонников идеи развития организмов были такие, которые процесс эволюции трактовали не дарвинистски.

Одним из таких был В. Вааген (W. Waagen — 1841-1900), работы которого имели большое значение для возникновения эволюционной палеонтологии. Вааген работал преимущественно по изучению аммонитов. Он первый установил родословный ряд морских ископаемых животных. Большую роль играет вышедшая в 1869 г. работа Ваагена о ряде форм юрских аммонитов,³ в которой он ввел в науку понятие мутаций. Вааген считает нужным строго различать изменения в пространстве от изменений во времени, называя последние мутациями («вариации во времени»). а первые — по-прежнему разновидностями.

Это понятие, установленное Ваагеном, сыграло довольно существенную роль в истории палеонтологической мысли. Современники Ваагена видели в мутациях прежде всего подчеркивание временного изменения форм и рассматривали мутации как последующие этапы эволюции. Мутациями называли отдельные звенья филогенетических линий, принадлежащие разным геологическим горизонтам. Таким образом, в мутациях видели прежде всего утверждение и подчеркивание генетического принципа классификации. «Мутации» Ваагена сыграли в этом отношении известную прогрессивную роль в возникновении и укреплении эволюционной палеонтологии (и вообще эволюционной теории).

Но есть и другая сторона дела. Абсолютное различение мутаций и разновидностей, т. е. обособление изменений во времени от изменений в пространстве, содержит в себе старое метафизическое начало, которое было основой как телеологической, так и механическо-трансформистической трактовки развития организмов. Непонимание взаимосвязи пространственных (географических) и временных изменений, непонимание перехода первых во вторые приводит к тому, что изменения в пространстве считают возможным объяснить естественными причинами (как влияние внешних условий и т. д.), тогда как для объяснения изменений во времени естественные причины объявляются недостаточными. Это обуслов-

³ W. Waagen, Die Formenreihe des Ammonites subradiatus. Benecke's geognost. Palaeontol. Beiträge, Bd. II, 1869.

ливают признание особых сил в качестве главного фактора развития.

Вааген, характеризуя эти два вида вариаций, пишет: «В то время как первая (разновидность), имеет небольшое систематическое значение, вторая, «мутация» — в высшей степени постоянная. .»⁴ Мутации, по Ваагену, имеют главное значение в эволюционном изменении организмов, — и выражают развитие в одном определенном направлении, происходящее вследствие свойственного организмам особого внутреннего закона. Придавая большое значение естественному отбору и географическому распространению в процессе эволюции, Вааген основным законом эволюции признает не «закон вариаций, согласно Дарвину, а закон развития, или тенденцию организмов давать потомство, изменяющееся в известном, хорошо определенном направлении».⁵ Внешние условия могут влиять на этот процесс либо благоприятствуя, либо препятствуя. В подкрепление своей точки зрения относительно факторов и законов эволюции Вааген приводит изумительный параллелизм между филогенетическими рядами юрских аммонитов Кача в Индии и Европы, который будто бы невозможно объяснить только с позиции теории Дарвина. И Вааген предлагает свою «тенденцию развития в определенном направлении», как дополнение к учению Дарвина. Но Вааген, «дополняя» дарвинизм, в действительности сделал шаг назад от материалистических позиций объяснения развития органической природы к старым идеалистическим автогенетическим концепциям. Отклонение Ваагена в сторону автогенетической трактовки эволюции выражается и в том, что он считает характерной для растений и животных (для «одушевленного мира», — как он сам пишет) свойственную им «силу жизни».

Возможность автогенетической трактовки эволюции, скрывающаяся в резком обособлении мутаций и разновидностей, которая у Ваагена осуществляется еще очень осторожно, в виде «маленького дополнения» к дарвинизму, получает широкое распространение некоторое время спустя.

Видным представителем недарвинистского направления эволюционной палеонтологии в первый период ее развития был известный французский палеонтолог А. Годри (A. Gaudry, 1827—1908). Годри был один из первых эволюционистов-палеонтологов во Франции. Широкою известностью крупного естествоиспытателя принесла Годри его капитальная монография о плиоценовых млекопитающих Пикерми в Греции.

Годри был убежденный эволюционист. Он придерживался мнения, что «изменение есть. по-видимому, высший закон природы».⁶

⁴ W. Waagen, Die Formenreihe des Ammonites subradiatus. Benecke's geognost. Palaentol. Beiträge, Bd. II, 1860, S. 186.

⁵ W. Waagen, Jurassic fauna of Kutch. Vol. I, I. Ser. IX. The Cephalopoda. Memoirs of the Geological Survey of India. Calcutta, 1873, p. 143.

⁶ А. Годри, Палеонтология (La paleontologie philosophique). СПб, 1896, стр. 72.

Вся органическая природа представляет собой единый продукт развития, идущего от простейшего к высшему. «Следует признать, что ископаемый мир не обособлен от нынешнего, существует один только мир организмов, продолжающийся от древнейших времен до наших дней».⁷ Научные работы и деятельность Годри сыграли, несомненно, большую роль в распространении эволюционной идеи во Франции. «Заслуга Годри заключается в том, что он один из первых, по крайней мере во Франции, воспринял теорию изменчивости видов и приложил ее к изучению ископаемых млекопитающих».⁸ Но Годри понимал эволюцию совершенно идеалистически. Его концепция развития живой природы представляет собой компромисс между материализмом, с одной стороны, и идеализмом, телеологией и теизмом с другой.

Основой трактовки развития организмов, эволюции органического мира, как и вообще всей его «философии палеонтологии», у Годри является его положение о всеобщей гармонии, господствующей в природе как в целом в ее устройстве, так и в самых маленьких деталях. Это положение, как и другие основные тезисы философского порядка его учения, заимствовано Годри у немецкого философа-идеалиста Г. Лейбница.

«В природе все — гармония».⁹ Поэтому и эволюция органической природы представляет, по Годри, совершенно прямолинейный, неуклонный прогресс, где каждая ступень, эпоха, стадия является воплощением гармонии. «История мира животных обнаруживает эволюцию, в которой все так же сочетается, как в последовательных превращениях зерна, становящегося великолепным деревом, покрытым цветами, или яйца, превращающегося в сложное и прекрасное существо. Головастики, конечно, гораздо ниже взрослой лягушки, прогуливающейся по суше; но он хорошо организован для выполнения своих скромных функций. То же можно сказать о древних организмах: их функции были менее совершенны, но их органы находились в соответствии с функциями: все было прекрасно упорядочено. Не следует думать, что порядок вышел из хаоса. Геологический мир не был ареною истребления, но величественно и спокойною сценою. На самом деле, борьба была исключением: следует представить себе великую природу, где, как и теперь, все было гармонией».¹⁰ Такое понимание эволюции как осуществления абсолютной гармонии и прогресса неизбежно ведет к идеализму в понимании причин развития. Эволюция органической природы происходит, по Годри, на основе общего плана, созданного богом. Каждое изменение «представляет стадию эволюции, так что посредством связи между видами в

⁷ Там же, стр. 6.

⁸ Ш. Депенер. Превращения животного мира. Петроград, 1921, стр. 60.

⁹ А. Годри, Палеонтология (*La paleontologie philosophique*) СПб., 1896, стр. 39.

¹⁰ А. Годри. Палеонтология (*La paleontologie philosophique*). СПб., 1896, стр. 12.

последовательные эпохи мы устанавливаем историю семейств, как и историю особи. Один общий план господствовал в истории организмов; палентология есть изучение этого плана».¹¹

К богу, как первопричине всего существующего, приводит Годри и его виталистическое рассмотрение жизни как особой силы или комбинации сил. Это тоже, как он и сам признает, взято им у Лейбница. «Подобно Лейбницу, я полагаю, что одушевленное существо характеризуется как сила или комбинация сил».¹² Эти силы различные. Одни из них не нуждаются для действия в материи, «они образуют факты чистого разума», другие «овладевают частями материи и образуют из них органы». Годри пишет, что неизвестно, какие были первые силы жизни, но что начиная с кембрия можно проследить прогрессивное развитие живых существ. Но он решительно утверждает, что «живые существа не могли сами произвести своих жизненных сил; никто не может дать того, чего сам не имеет. Стало быть первая причина, т. е. Бог создал силы».¹³

Таким образом, Годри, будучи несомненно эволюционистом, трактовал эволюцию открыто идеалистически. При этом небезынтересно, как Годри примиряет существование бога, как начала всего, с идеей всеобщего развития. Годри не деист. Его бог не ограничивается только созданием первичных сил, а беспрестанно вмешивается в дела природы — «божественная деятельность проявлялась непрерывным образом». Но Годри не удовлетворяет и точка зрения пантеизма, по которой бог и природа представляют в сущности одно и то же, который видит бога везде и во всем. Годри теист, его бог неизменный и не сливается с природой. «Многие философы утверждают, что для Бога время не существует. Это справедливо, если рассматривать Бога независимо от мира, но если рассматривать его отношения к миру, то они проявлялись в разные времена. Бог близок к природе, но не сливается с нею, так как история мира указывает на единство плана, стало быть на неизменную организующую силу, тогда как палеонтология доставляет нам зрелище непрерывного изменения живых существ. Эта изменчивость противоположна вечно тождественному с собою Творцу».¹⁴

Положения Годри представляют собой компромисс между старой церковной и новой эволюционистской точками зрения. Годри, под влиянием фактов признавая эволюционизм, отрицая неизменяемость природы и катастрофическое развитие, не осмеливается сразу полностью отказываться от прежнего. Его как-будто пугает картина вечного изменения и уничтожения. «Есть нечто

¹¹ Там же, стр. 70.

¹² Там же, стр. 70.

¹³ Там же, стр. 71.

¹⁴ Там же, стр. 71—72.

грустное в этом зрелище необъяснимой гибели стольких существ. Душа палеонтолога, утомленная переменами, удрученная этой бременностью, старается найти точку опоры: она находит ее в идее бесконечного Существа, которое среди этих изменений остается постоянным». ¹⁵

Таким образом, в эволюционной палеонтологии уже с самого начала возникают тенденции, характерной общей чертой которых является идеалистическая трактовка эволюции органического мира в виде разных автогенетических, телеологических и т. п. концепций. В этом отношении особое внимание заслуживает направление, известное под названием неоламаркизма, которое тоже возникло уже в материалистически-дарвинистский период развития эволюционной палеонтологии и которое имело особенно большое распространение и влияние в конце прошлого и начале настоящего столетия.

Видным представителем неоламаркизма был крупный американский палеонтолог-зоолог Э. Д. Коп (1840—1897), которого некоторые считают основателем данного течения. ¹⁶ Коп работал главным образом в области палеонтологии позвоночных, и его заслуги в изучении ископаемой фауны Северной Америки не малые. Но еще более широко Коп известен как теоретик, который много работал в области эволюционного учения. Он дал в своих трудах детально разработанную систему неоламаркизма, опирающуюся преимущественно на палеонтологический материал. Его идеи оказали сильное влияние на умы палеонтологов, особенно в Америке.

Коп уже в начале своей исследовательской работы встал на путь решительной ревизии теории Дарвина в направлении уменьшения значения принципов этого учения в объяснении процесса эволюции. В вышедшей в 1860 г статье «Происхождение родов», ¹⁷ наряду с законом естественного отбора Коп выдвигает закон акцелерации и ретардации, как закон о средствах и способах развития. При этом, рассматривая закон акцелерации и ретардации как фактор эволюции, Коп приписывает ему гораздо большее значение в развитии организмов, чем естественному отбору. Естественный отбор, по Копу, выступает преимущественно как причина эволюирования видов. А признаки родов и других высших таксономических групп развились в силу действия закона акцелерации и ретардации, при некотором вмешательстве отбора.

Коп привели к отрицанию естественного отбора как главного фактора эволюции в основном два обстоятельства: во-первых, трактовка естественного отбора как чисто пассивного, несозидательного фактора, и, во-вторых, отрицание случайного характера изменений организмов. Коп в результате своих палеонтологиче-

¹⁵ Там же, стр. 72.

¹⁶ Ш. Делере, Превращения животного мира. Петроград, 1921.
Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней, Москва, 1948; и др.

¹⁷ E. D. Cope, The origin of genera; Chicago, 1869.

ских исследований приходит к выводу, что «вариации, в результате которых происходит эволюция, не многообразные и случайные, а определенные и направленные, в противоположность методу, который не ищет иного источника вариаций, кроме естественного отбора».¹⁸ Такое толкование действия естественного отбора и положение, что «путь эволюции есть, очевидно, путь последовательного увеличения или уменьшения частот по определенным линиям»,¹⁹ логически приводят к выводу о второстепенной роли естественного отбора в эволюции организмов. Естественный отбор, по Копу, не может быть возбудителем изменений (вариаций) Он играет лишь чисто пассивную роль, которая среди приспособительных вариаций ликвидирует более слабые экземпляры.

Причинами филогенетических изменений организмов Коп считает физико-механические факторы. В зависимости от характера влияющих факторов Коп различает два типа процессов филогенетического развития: процесс, происходящий на основе физико-химических (молекулярных) влияний, который он называет физиогенезисом, и процесс, происходящий вследствие механических (молярных) влияний — т. н. кинетогенезис. Физиогенезис выступает главным образом как способ эволюирования растительного царства, тогда как кинетогенезис свойствен в основном животным. Собственно говоря, они встречаются вместе в обеих областях живой природы, только один из них находится на первом плане в одной, а второй — в другой области.²⁰ В физиогенезисе важное место занимают атмосферные и почвенно-геологические условия, тогда как в кинетогенезисе механическое движение, и особенно упражнение и неупражнение органов. Для характеристики кинетогенезиса Коп приводит в качестве примера возникновение рогов у млекопитающих и других позвоночных, которое происходит на известных местах вследствие постоянного раздражения, обыкновенно задних боковых углов черепа и носа.²¹ Но физиогенезис и кинетогенезис не приводят к прогрессирующему развитию в одном определенном направлении, а только «от общего к специализированному». Физиогенезис и кинетогенезис принадлежат к классу т. н. катагенетической энергии, которая «удаляется от явлений жизни», под которыми Коп понимает «явления роста и эволюции».²²

Чтобы правильно понять концепцию Коп в вопросах эволюции, надо иметь в виду, что под эволюцией он понимал видоизме-

¹⁸ E. D. Cope, The primary factors of organic evolution. Chicago, 1904, p. 9.

¹⁹ Там же, p. 24, разрядка моя — Т. Л.

²⁰ Там же, p. 225.

²¹ Там же, p. 314.

²² Там же, p. 475.

нения особой энергии. «Эволюционное учение, — говорит Коп,²³ — может быть определено как учение, которое считает, что творение совершилось действием энергии, которая присуща эволюирующей материи, и без вмешательства факторов, которые являются посторонними ей. Энергия есть свойство физической основы материи, имеющей три измерения, а не находится вне ее». Употребляя термин «энергия» «для выражения движения вещества» и рассматривая эволюцию как процесс, который осуществляется «движением вещества в некоторых определенных направлениях», Коп подчеркивает, что «энергия, которая выполняет этот акт, не есть один из тех видов энергии, которые характеризуют неорганическое вещество».²⁴ Эволюция органической природы, по мнению Коп, происходит на основе деятельности особой органической энергии, которая характеризуется тем, что направлена к явлениям жизни, и которую Коп называет «анагенетической энергией». Эта анагенетическая энергия, особая, «исключительно жизненная» энергия, и является основой эволюции как прогресса органической жизни, определенно направленного развития — анагенезиса. Физические и химические явления образуют класс т. н. катагенетической энергии, и на основе этой энергии происходящие процессы называются Копом катагенезисом. «Анагенетический класс стремится к восходящему прогрессу в органическом смысле, т. е. к увеличивающейся власти организма над окружающей его средой и к прогрессивному развитию сознания и разума. Катагенетическая энергия стремится к созданию стабильного равновесия вещества, при котором молярное движение не вызывается изнутри, и ощущение невозможно. Говоря простым языком, один класс энергии стремится к жизни, другой к смерти».²⁵ На основе анагенетической энергии происходит процесс, в ходе которого строятся «машины», которые не только не сопротивляются деятельности катагенезиса, но которые и ставят катагенетическую энергию себе на службу.²⁶ Коп решительно настаивает на принципиальном различии между органической (анагенетической) и неорганической (катагенетической) энергией. Первая из них какая-то особая жизненная энергия, которая свойственна только живым существам, и не может быть создана искусственно, без участия живого организма.

В анагенетическом процессе этой особой силой, которая ведет к прогрессивной эволюции организмов, является особый вид анагенетической энергии, особая «энергия роста» или «батмизм». «Все механизмы, необходимые для зрелого периода жизни особи, строятся деятельностью особого вида энергии, известного как

²³ Там же, р. 1.

²⁴ Там же, р. 473.

²⁵ Там же, р. 475—476.

²⁶ Там же, р. 478.

энергия роста, или батмизм. Видоизменения этой энергии и составляют эволюцию. .».²⁷ Таким образом, по Копу, эволюцией руководит какая-то таинственная сила — особая энергия батмизм, которая очень похожа на пресловутую силу жизни откровенных виталистов. Как эта загадочная энергия действует, на этот вопрос искать ясного и удовлетворительного ответа у Копы было бы напрасной тратой сил. Коп понимает батмизм как «способ движения молекул живой протоплазмы, посредством которого последняя строит ткань в определенных точках, не делая это в других точках».²⁸ Развитие организма происходит путем изменений, которые возникают на основе локализационной деятельности батмизма. На месте, где происходит какое-то изменение, мы имеем дело с особой активностью батмизма или силы роста. Коп приводит в качестве примера деятельности батмизма развитие зародыша: «При всяком образовании складки или инвагинации (зародыша, находящегося в стадии бластулы) имеется избыток роста в области, которая становится выпуклой стороной складки, т. е. локализация или особенная активность батмизма в этом пункте. Таким образом, все видоизменения формы могут быть приведены к деятельности этой энергии в определенных точках».²⁹

Но батмизм у Копы является не только особой силой, причиной и руководителем эволюционного развития организмов, а одновременно и носителем наследственности. И Коп иногда свою концепцию батмизма называет теорией наследственности. Коп стоит на точке зрения, что приобретенные организмом признаки передаются по наследству, но это может происходить только тогда, когда новый признак приобретен не только сомой, но и зародышевой плазмой. Каким образом влияния на сому переносятся на зародышевую плазму? Коп, отвергая точку зрения передачи новых признаков сомы к воспроизводительным клеткам посредством особых частиц вещества (теория пангенезиса и др.), придерживается мнения, что наиболее рациональная концепция наследования признаков строения заключается «в переносе модуса (способа) движения от сомы к зародышевым клеткам. Это — гораздо более постижимый способ, чем способ переноса частиц вещества, кроме обычного материала для питания».³⁰ Здесь, по Копу, мы имеем дело с передачей энергии. Этой энергией и является батмизм.

Положения Копы относительно наследования приобретенных признаков являются в своей сущности компромиссом между лamarковскими положениями о влиянии внешней среды и наследовании приобретенных признаков с одной стороны, и идеали-

²⁷ Там же, р. 479.

²⁸ Там же, р. 448.

²⁹ Там же, р. 448.

³⁰ Там же, р. 480.

стической теорией наследственности Вейсмана с другой. Коп не отвергает концепцию Вейсмана о вечной зародышевой плазме, а только пытается приспособить последнюю к духу неоламаркизма. Развитие организма, по Копу, происходит посредством действия, во-первых, унаследованной формы энергии — унаследованного батмизма, который Коп называет «простой силой роста», или эмфитизмом, и, во-вторых, посредством действия энергии, происходящей из источников, находящихся вне зародышевой плазмы (и притом либо внутри сомы, либо вне ее), которую Коп называет батмизмом в узком смысле. Батмизм в ограниченном смысле разделяется на физиобатмизм, зависящий от физических и химических внешних агентов (молекулярных движений), и кинетобатмизм, зависящий от молярных движений. В этом смысле фактором эволюции является т. н. батмогенезис, который состоит из двух факторов: физиогенезиса и кинетогенезиса, при этом последнему Коп приписывает главную роль в эволюционном развитии организмов. Резюмируя свои взгляды на причины эволюции, Коп пишет, что «факторами эволюции является батмогенезис, корректируемый естественным отбором. Батмогенезис охватывает два фактора: физиогенезис и кинетогенезис, или продукты молекулярного и молярного движения. Батмогенезис исключительно свойствен живым существам. Кинетогенезис есть основной принцип органической эволюции, так как он определяет размеры и характер физиогенезиса, потому что он создает среду, которая дает условия физиогенезиса. Итак, прогрессивную органическую эволюцию можно представить зависящей от кинетогенезиса, корректируемого естественным отбором». ³¹

Здесь мы подходим к самым глубоким основам эволюционной теории Копы и вообще его «палеонтологической философии». Дело в том, что, хотя Коп приписывает кинетогенезису, т. е. механическому фактору развития главную роль в эволюции организмов, тем не менее, это не первопричина эволюции. Источники молярного движения, причины кинетогенезиса Коп ищет не в материальных, а в нематериальных явлениях жизни, в первую очередь в психике организмов. Он выдвинул теорию архэстетизма, согласно которой «чувствительность (сознание) предшествовало во времени и истории эволюции в большей части растений и животных». ³² У Копы первопричиной развития, единственным действительно активным началом, является сознание. «Сознание так же, как и жизнь, предшествовало организму и было *primum mobile* в создании органического строения. Я считаю возможным показать, что согласно правильному определению жизнь есть энергия, управляемая чувствительностью или механизмом, который возник под управ

³¹ E. D. Cope, The primary factors of organic evolution. Chicago, 1904, p. 496.

³² Там же, p. 509.

л е н и е м чувствительности. Если это правильно, то суждения, что жизнь предшествовала организму и что сознание предшествовало организму, являются равнозначными выражениями». ³³ Коп приписывает сознание как источник развития исключительно всем живым существам, даже самым низко организованным организмам, как, например, слизистые грибы (*Muchomycetes*), относительно которых он писал: «В этом низшем типе органического движения трудно усмотреть какую-либо причину последнего, отличающуюся от тех причин, которые приводят в движение высшие организмы». ³⁴ Этой причиной является усилие, как «непосредственный источник всех движений» у организмов. Усилие выступает как факт сознательной деятельности организма, целью которого является преодоление какого-то неприятного, или, наоборот, получение приятного ощущения (например чувство голода, половое чувство и т. п.). Точку зрения Копы в этой части самым лучшим образом характеризуют его собственные слова: «Весьма важно, что у большинства животных направление таких изменений (т. е. молярных изменений — кинетогенезиса) непосредственно служит достижению некоторого положения, благоприятного для освобождения от какого-нибудь неприятного ощущения или для получения какого-нибудь приятного ощущения, или и для того, и для другого. Ламарк приписывал движения животных необходимости удовлетворять их инстинкты, не входя в рассмотрение связанных с этим метафизических вопросов. Я подошел к этому вопросу как к метафизическому, утверждая, что необходимой предпосылкой движения является усилие. Каков бы ни был его характер, предпосылкой всякого движения у животных, которое не является автоматическим, служит везде и всегда усилие. А поскольку адаптивное движение не является автоматическим, когда оно совершается в первый раз, то мы можем считать усилие непосредственным источником всякого движения. Однако усилие есть состояние сознания и является ощущением сопротивления, подлежащего преодолению». ³⁵

Таким образом, причиной эволюционного развития, прогрессивного изменения организмов — причиной анагенезиса — является сознание, идеальная категория, которая действует через кинетогенезис (и физиогенезис). Явления материального мира являются, следовательно, по выражению самого Копы, лишь «физической базой» сознания.

Из основного исходного положения Копы, что первопричиной движения является сознание, которое он рассматривает как примитивное, первоначальное состояние энергии, ³⁶ неизбежно сле-

³³ Там же, р. 513, разрядка автора.

³⁴ Там же, р. 503.

³⁵ Там же, р. 497—498.

³⁶ Там же, стр. 508.

дует вывод о последовательности эволюции, которая является обратной той последовательности, какая принимается обычно, — что жизнь есть результат развития от неорганического к органическому, что сознание есть продукт высоко организованной органической материи. У Коп, напротив, общее развитие происходит «от жизни к смерти». Живые существа не могли развиваться из лишнего жизни вещества. Живое, по Копу, нельзя выводить из неживого. «Поскольку факты и логика не подтверждают происхождения анагенетической энергии от неорганической, то быть может, последовательность, имевшую и имеющую место в природе, представляет обратный процесс, происхождение катагенетической формы от анагенетической? В подкрепление этой гипотезы мы имеем всеобщее преобладание регрессивного метаморфоза энергии как в неорганическом царстве, так и в органическом. Явления структурной дегенерации хорошо известны в органическом мире, а чисто химические явления и в органических и в неорганических процессах — все дегенеративные. Поэтому представляется гораздо более вероятным, что катагенезис идет за анагенезисом как следствие, а не предшествует ему как причина. Иными словами, более вероятно то, что смерть есть последствие жизни, чем то, что живое есть продукт неживого». ³⁷ По Копу, во вселенной господствует процесс всеобщей деградации, процесс катагенезиса, хотя в органическом мире и наблюдается обратный процесс, процесс анагенезиса. Прогрессивная эволюция организмов возможна лишь из-за наличия сознания.

Таким образом, Коп, становясь на позицию эволюционизма, трактовал эволюцию явно идеалистически. В своей «философии» Коп — эклектик. Вопрос о соотношении сознания и материи Коп рассматривает как идеалист, причем связь между этими двумя сторонами мира он рассматривает в духе механицизма.

Существенную роль в возникновении антидарвинистского направления в эволюционной палеонтологии сыграли работы другого видного неоламаркиста, американского палеонтолога А. Гайэтта (Alpheus Hyatt 1838—1902), ученика Агассиса, современника и друга Коп. Гайэтт изучал ископаемых головоногих. Он пытался установить филогению этих животных и выяснить закономерности их филогенетического развития путем изучения отношений между развитием особи и историей данной группы животных (т. е. между онтогенезом и филогенезом). Эту отрасль исследований он называл биопластологией. Гайэтт был одним из первых ученых, работавших в этом направлении. В этой области у него было много последователей. Но Гайэтт оказал большое влияние и на умы палеонтологов, особенно конца XIX и начала XX веков, как теоретик неоламаркизма.

Гайэтт, как и Коп, с самого начала становился на путь реши-

³⁷ E. D. Cope, The primary factors of organic evolution. Chicago, 1904, p. 482.

тельной ревизии положений Дарвина, хотя он не доходит до откровенного отрицания дарвинского учения об эволюционном развитии организмов. Но он всячески снижает значение дарвиновских принципов объяснения развития органического мира. Он уделяет этой теории лишь второстепенное место и рассматривает естественный отбор как «мешающую силу, с которой надо считаться, но которая серьезно не влияет на признаки раньше, чем они возникают».³⁸ Такое отношение Гайэтта к естественному отбору и вообще дарвинистскому объяснению эволюции организмов прежде всего обусловлено тем обстоятельством, что Гайэтт трактует естественный отбор — главный фактор эволюции у Дарвина — тоже только как пассивный элемент, который не может быть активным созидательным началом изменений (вариаций) в ходе развития. Так как естественный отбор не может быть причиной возникновения изменений организмов, новых признаков, он не может быть рассматриваем как движущая сила хода эволюции. Такой вывод относительно роли естественного отбора среди факторов развития живых существ был подкреплен еще тем обстоятельством, что Гайэтт, как неоламаркист, отрицает случайность в изменении организмов и считает возникновение новых признаков вполне определенным процессом, неизбежно идущим в известном направлении. «Признаки животных, таким образом, не развивались случайно и неопределенно в большом количестве путем выбора и увековечения только таких, которые являются благоприятными, а в соответствии с определенным законом изменения Ламарка и Копа.

Динамическая школа (т. е. неоламаркизм) не отвергает дарвинское учение, но использует эту гипотезу в своих частных применениях как второстепенный закон, разъясняющий известные явления переживания и увековечивания признаков после того, когда они возникли посредством деятельности этого закона».³⁹

Этим «законом Ламарка и Копа», действие которого является причиной появления новых признаков, является изменение организмов на основе физических воздействий окружающей среды. Возникшие изменения Гайэтт называл органическими эквивалентами, а весь процесс возникновения признаков организмов — органической эквивалентностью. «Все новые признаки, даже те, которые являются чисто механическими реакциями тканей, возникают одинаковым образом, как реакции, вызываемые возбуждающим действием более общих или более локализованных физических причин. Поэтому они являются неизбежно и — в силу такого способа возникновения — соответствующими органическими или подходящими дополнительными эквивалентами этих физи-

³⁸ A. Hyatt, Phylogeny of an Acquired Characteristic. Proceedings of the American Philosophical Society, vol. XXXII, No. 143, May 1893, p. 387.

³⁹ Там же, p. 387

ческих причин как в структурном, так и в функциональном отношении».⁴⁰

По Гайэтту изменения организмов происходят главным образом путем механического реагирования на физические условия среды. Здесь важную роль играет употребление и неупотребление органов. В общем эти изменения имеют приспособительный характер. Но приспособление Гайэтт понимает совершенно по иному, чем Дарвин. У Дарвина приспособление в общем итоге связано с развитием от низшего к высшему. Появление новой, более приспособленной формы означает в то же время появление и высшей организованной формы. Это и является основой того, что изменение живых существ ведет в конечном итоге к прогрессу органического мира. А у Гайэтта приспособление — это просто эквивалентное изменение организма в зависимости от влияний среды или, как он сам выражается, органический эквивалент на физические причины. При такой трактовке приспособление выступает как простое механическое уравнивание. Поэтому эволюция, по Гайэтту, может идти в ту или другую сторону, может быть как прогрессивной, так и регрессивной, в зависимости от того, являются условия жизни благоприятными или неблагоприятными.

Эволюционное развитие филогенетических рядов в одном или другом направлении происходит на основе закона акцелерации и ретардации. Этот закон у Гайэтта выступает в роли главного определяющего фактора филогенетического развития организмов. Признак, однажды возникший и закрепившийся как «органический эквивалент», будь этот признак прогрессивный или дегенеративный (по терминологии Гайэтта «здоровый» или «патологический») — безразлично, в дальнейшем подвергается действию закона акцелерации и ретардации, который и определяет ход эволюции данной группы. Вся прогрессивная эволюция филогенетических рядов происходит путем акцелерации, путем концентрации признаков взрослого организма более низких видов в молодом состоянии более высоких видов. «Все модификации и вариации в прогрессивных рядах стремятся появляться впервые в юношеской или во взрослой стадии роста, а затем наследоваться следующими друг за другом поколениями во все более и более ранних стадиях, согласно закону акцелерации, до тех пор, пока они не станут эмбриональными или не будут вовсе вытеснены из организации и замещены в развитии признаками более позднего происхождения».⁴¹ Действие этого закона неуклонно ведет к повышению организации. Регрессивная эволюция идет по обратному пути, вместо прибавления и накопления признаков происходит постепенное выпадание уже имеющихся, в результате чего

⁴⁰ A. Hyatt, *Genesis of the Arietidae*. Smithsonian contributions to knowledge, No. 673, Washington, 1889, p. VIII.

⁴¹ Там же, p. X.

взрослые особи повторяют в обратном порядке прогрессивный ряд и все более и более приближаются к примитивным эмбриональным стадиям. Этот процесс совершается по закону ретардации или замедления в скорости роста таксономических признаков, который неизбежно ведет к дегенерации форм и в конце концов к вымиранию группы.

Таким образом, эти явления, действительно наблюдаемые в процессе филогенетического развития организмов, названные Гайэттом и Копом акцелерацией и ретардацией *, возводятся ими в ранг абсолютных законов эволюирования живых существ. Эта односторонняя абсолютизация некоторых сторон процесса эволюционного развития и является причиной того, что Гайэтт, несмотря на серьезные попытки в этом направлении, в конечном итоге не может объяснить процесс эволюции организмов естественными причинами. Так Гайэтт, раскрывая причину акцелерации, говорит о «полезности и более высокой приспособленности» новых признаков,⁴² которые мешают развитию менее полезных предковых стадий и занимают их место. Но Гайэтт отрицает роль отбора, и «полезность» у него, как отмечает Л. Ш. Давиташвили,⁴³ «лишена рационального смысла», а развитие по закону акцелерации, как и ретардации, принимает у Гайэтта значение какой-то врожденной тенденции к прогрессивному или регрессивному развитию.

Допущение, в конце концов, особых сверхъестественных сил, «внутренних законов», «тенденций к развитию» и т. п. как самых основных причин развития и движения органической природы, является следствием не только одностороннего метафизического подхода к явлениям эволюционного процесса, но и механистического понимания жизни вообще и особенно формы движения, свойственной живой природе. Трактровка явлений жизни организмов в духе механицизма, которая вообще свойственная неоламаркистам, особенно характеризует Гайэтта. Все вопросы, связанные с эволюцией организмов, он пытается разрешить посредством действия механических и физических сил и отвергает откровенно виталистические объяснения в отношении развития живых существ. Но с ограниченной точки зрения механицизма нельзя вполне объяснить явления живой природы, и поэтому Гайэтт, вопреки своим стараниям, вынужден прибегать к силам другого порядка, к нематериальным причинам, так как он под материальными причинами понимает комплекс только механически действующих сил. Объясняя возникновение изменений организмов действием физических сил окружающей среды, он так же, как и Коп, тем не менее считает

* Эти явления были известны уже Дарвину, и он в своей книге «Происхождение видов» дает им объяснение с позиции естественного отбора, как и позднее его последователи, например Л. Вюртенбергер и Ф. Мюллер.

⁴² A. Hyatt, *Genesis of the Arietidae*. Smithsonian contributions to knowledge, No. 673. Washington, 1889, p. 44.

⁴³ Л. Ш. Давиташвили, *История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней*. Москва, 1948, стр. 207.

эти физические явления только возбуждающими факторами, внешним стимулом, а действительной причиной изменения организма — внутреннюю деятельность самого организма в виде усилия, как внутреннюю реакцию на внешние физические влияния. Гайэтт считает немислимым изменение в строении организма, которое не было бы результатом усилия животного приспособиться к «физическим требованиям среды».⁴⁴ Гайэтт, как и Коп (впрочем, как уже Ламарк) считал усилие исключительно внутренним фактором нематериального характера. «Современная школа динамической эволюции, или неоламаркистская школа. рассматривает усилие как внутреннюю энергию, способную отвечать на внешние стимулы. Она понимает под этим названием как чисто механические или произвольные, так и волевые реакции организмов, будь они просто пласматические или клеточные, или происходят в более высоко дифференцированной форме нервной деятельности».⁴⁵

Правда, Гайэтт понимает усилие несколько по иному, чем Коп. Если Коп рассматривал усилие как форму появления сознания, а этому последнему он придавал значение всеобщей основы развития органической природы, то Гайэтт не приписывает сознанию такой роли в развитии природы, и усилие трактует как форму выступления особенной внутренней энергии, которая может действовать и несознательно. И здесь проявляется стремление Гайэтта объяснить все механистически. Он даже выдумал новое «механистическое» выражение для обозначения усилия, предлагая заменить слово «усилие», как слишком «психическое» и намекающее на сознание, термином энтергогенизм (происходящим от греческого слова «entos» — внутри, и «ergon» — работа или энергия), который Гайэтт считает «более подходящим». Это, конечно, не изменяет существа дела. Действительной причиной изменения организмов, первопричиной органического развития остаются у Гайэтта не материальные, а духовные, не физические, а психические факторы. Гайэтт, как и Коп, несмотря на физическую терминологию и попытки объяснить все явления жизни при помощи законов механики и физики, является в сущности чистейшим идеалистом. И он недвусмысленно приписывает идеальной категории, духовному, первичную роль в соотношениях материи и идеи.

Таким образом, уже в период торжества идей Дарвина, у отдельных палеонтологов встречаются взгляды относительно эволюционного развития органического мира, отличающиеся от дарвинистских, общей тенденцией которых является отход от материалистических положений дарвинизма и попытка примирить идею эволюции со старым идеалистическим представлением о мире и природе как о разумном творении. Это имеет место либо

⁴⁴ A. Hyatt, Phylogeny of an Acquired Characteristic. Proceedings of the American Philosophical Society. vol XXXII, No. 143, May 1893, p. 367.

⁴⁵ Там же, p. 386.

в виде откровенного признания существования бога (А. Годри), либо более «тонким образом», как это сделали Коп и Гайэтт. Возникает и распространяется, особенно среди американских палеонтологов, неоламаркистская школа. Так, почти уже с самого начала возникновения, в эволюционной палеонтологии, в противоположность ее материалистическому дарвинистскому направлению, возникает идеалистическое направление. Для правильного понимания развития науки надо иметь в виду, что эти направления в эволюционной палеонтологии, с самого начала их возникновения, были не безразличны друг к другу. Между ними велась непрерывная борьба по вопросам факторов и закономерностей эволюционного развития организмов. Однако в первый период развития эволюционной палеонтологии эта борьба не имела еще особой остроты и находилась, так сказать, на заднем плане, так как главным вопросом борьбы материализма и идеализма в биологических науках, в том числе и в палеонтологии, был в то время вопрос об изменчивости или неизменяемости живых существ. Решался вопрос о креационизме и эволюционизме. В этом вопросе эволюционная палеонтология выступала тогда единым фронтом. В первый период развития революционной палеонтологии идеалистическое течение делает первые шаги и не находит особого сочувствия у большинства палеонтологов того времени. Ведущие палеонтологи (В. О. Ковалевский, Н. Неймайр и др.) тогда твердо стояли на материалистических позициях дарвинизма. Но в конце прошлого столетия обстановка существенно изменилась. Начиная примерно с 90-х годов XIX-го века (эта граница, конечно, является условной) отмечается сильное распространение идеализма среди палеонтологов. Появляется множество работ, в которых вопросам эволюции ископаемых организмов дается идеалистическое толкование. Особенно широкую популярность приобретает неоламаркизм. Многие палеонтологи развивают положение Коп и Гайэтта. Но в изобилии, как грибы после дождя, создаются и другие новые неоламаркистские концепции эволюционного развития организмов.

Так, одним из видных неоламаркистов был известный немецкий палеонтолог О. Иекель. (O. Jaekel) Он выдвинул свою теорию эволюционного развития. Иекель считал естественный отбор как фактор эволюции ненужным, так как приобретение новых, более полезных, и вытеснение старых признаков, старых особенностей происходит, по Иекелю, вследствие непосредственной способности организма реагировать, и тело организма можно рассматривать «прямо как выражение его функций».⁴⁶ Основой филогенетических изменений Иекель считает внешние влияния. Но внешние влияния окружающей среды у Иекеля, как у всех психоламаркистов, выступают лишь в качестве возбудителя, раздражи-

⁴⁶ O. Jaekel, Wege und Ziele der Palaentologie. Palaentologische Zeitschrift, Bd. I, H. I, 1913, S. 45.

теля, а изменение в действительности совершается вследствие активной деятельности самого организма. Иекель считает, что неправильно рассматривать организм как нечто пассивное, а это обычно делается, когда говорят о приспособлениях. Наоборот, «всякое изменение проводится организмом активно и автономно». ⁴⁷ Таким образом, настоящей причиной изменения являются внутренние действия и функции организма, потребности и желания животного. «*Omnis transformatio ex vi et anima formae*» — «всякое превращение исходит от силы и души формы» — говорит Иекель. ⁴⁸

Общий процесс филогенетического развития стволов и ветвей органического мира, по Иекелю, представляет собой процесс т. н. ортогенетического развития. Этот процесс, по мнению Иекеля, не связан с образованием видов, а представляет процесс направленного развития высших таксономических групп. ⁴⁹ Термин «ортогенез» ввел в науку немецкий зоолог Т. Эймер (Th. Eimer) в 1897 году. Но основные принципы этого понятия, его сущность была дана уже ботаником К. Нэгели (C. Naegeli) гораздо раньше, в 1865 году. Нэгели был один из первых представителей идеалистического направления эволюционизма, основные взгляды которого являются характерными для всех ученых, истолковывающих эволюцию идеалистически.

Нэгели считал идею изменения видов, т. е. идею эволюции единственным, бесспорно правильным положением. Но дарвинизм, по его мнению, является недостаточным для полного и всестороннего объяснения эволюционного развития живых существ. Причиной этого, по Нэгели, является то обстоятельство, что теория Дарвина основывается полностью на случайности изменений организмов. Это ошибочное утверждение (которое, как ни странно, имеет некоторое распространение и в нашей советской литературе) о том, что учение Дарвина основывается только на случайности изменений живых организмов, будто бы самым основным тезисом дарвинизма является положение о неопределенности изменчивости и отрицание необходимости, определенности развития органического мира, получило довольно широкое хождение среди естествоиспытателей. Это — результат непонимания основных принципов теории Дарвина.

Если изменение организмов имеет исключительно случайный характер, то отсюда естественно вытекает, что развитие органической природы не идет в определенном направлении от низшего к высшему, что оно не ведет к прогрессу животного мира, а представляет собой лишь случайное колебание. Но факты науки, особенно палеонтологические, показывали противоположное.

⁴⁷ Там же, S. 46.

⁴⁸ Там же, S. 46.

⁴⁹ O. Jaekel, Ueber verschiedene Wege phylogenetischer Entwicklung (Abdruck aus Verhandlungen des V internationalen Zoologen-Kongresses zu Berlin, 1901); Jena, 1902.

Победа эволюционизма разрешила основное противоречие палеонтологии, обострение которого приводило науку об ископаемых организмах к абсурду: наука, которая в самом широком масштабе и конкретными научными фактами показала изменение жизни и единство происхождения организмов на земле, считала своим самым надежным фундаментом положение о неизменяемости живых существ, а главной задачей — поиски различий форм. Палеонтологов ни в малейшей мере не интересовала та история живого мира, которую они фактически открыли, а только возможно точное описание отдельных видов ради их различия. Конечно, не точное описание — «вина» тогдашней науки. Точное описание материала — первое необходимое условие естествознания. Но не в этом дело. Важно то, для чего описывается материал, и с какой целью. Общее исходное положение науки, ее главные задачи и цели определяют также способ и метод описания. Это ярко показывает история наук. Общие основы биологических наук в рассматриваемый период обуславливали то, что в палеонтологии описание превратилось в самоцель, из научного изучения материала — по меткому выражению Л. Ш. Давиташвили, — в иконографию, в описание ископаемых форм, которые не имели почти никакого биологического значения. Победа эволюционизма положила конец такой науке и поставила перед палеонтологией ее настоящую задачу — изучать историю развития органических форм.

Новая эволюционная палеонтология взялась смело за эту огромную и важную работу, тем более, что от нее ждали веского ответа на сложный вопрос об историческом развитии живых существ. Выполнить свой долг эволюционная палеонтология могла только путем изучения и выяснения родственных связей между ископаемыми формами. Это нашло свое выражение в установлении и изучении т. н. рядов форм в смысле родословных рядов — филогенетических рядов. Это и стало «основным звеном» исследований новой науки и вообще является конечной целью палеонтологии как исторической науки. Изучение филогенетического развития ископаемых организмов и выяснение родословных отношений между различными формами и группами животных является столь типичным для этого периода — первого периода развития эволюционной палеонтологии, что его можно называть периодом филогенетических рядов. Здесь эволюционная палеонтология достигла больших успехов, особенно в изучении филогенеза ископаемых позвоночных. Но и в области выяснения истории развития ископаемых беспозвоночных были серьезные достижения. Беспозвоночные, которые тогда представляли из-за состояния науки еще в известной мере неблагодарный материал для палеонтолога в филогенетических исследованиях в сравнении с позвоночными, с развитием палеонтологической науки, совершенствованием ее методов изучения и увеличением данных, потеряли постепенно эту свою «особенность». Здесь интересно отметить, что эволюционная

палеонтология для установления родства, единства между ископаемыми формами применяла тот же самый метод точного детального описания и сравнительного изучения форм, что и Кювье и его последователи для различения. Один и тот же метод, один и тот же способ изучения, но какие различные, более того, прямо противоположные результаты! Это еще раз наглядно показывает, что факты сами по себе представляют для науки лишь сырой материал, который надо еще «обрабатывать», чтобы открыть истину — то, о чем говорят эти факты. Для этого осмысления фактов необходима научная теория как руководящая линия.

В относительно короткое время после появления книги «Происхождение видов» Дарвина усилиями палеонтологов — эволюционистов было много сделано в области накопления новых фактов, особенно в изучении данных палеонтологии с точки зрения исторического развития живой природы. В результате этой работы эволюционная палеонтология действительно установила родственные связи между рядом форм ископаемых организмов, неопровержимыми фактами доказывая изменение живых существ в течение их существования на земле и превращение одних видов в другие путем постепенных переходов.

Но что показало изучение филогенетических отношений организмов? Исследование истории происхождения и образования ископаемых форм, установив на фактах постоянное постепенное изменение организмов, в то же время показало, что это изменение живых существ, развитие органического мира не происходило беспорядочным образом, а имело планомерный характер, шло по известным определенным путям. На этот факт, выступающий в виде направленности филогенетического развития организмов, указывали все исследователи, занимавшиеся изучением рядов форм в смысле филогенетических рядов. А направленность развития филогенетических рядов означает, что изменения организмов не колеблются во все стороны беспорядочно, что изменения не неопределенные, а определенные. Это подчеркивали в своих трудах как основатели эволюционной палеонтологии В. О. Ковалевский и М. Неймайр, так и другие палеонтологи, исследовавшие развитие ископаемых организмов. Таким образом, палеонтология, изучая развитие организмов в течение истории земли и доказывая постепенное непрерывное изменение живых существ, в то же время неопровержимыми фактами показала, что изменение организмов, их филогенетическое развитие не подчиняется случайности, а происходит в силу необходимости. Изменчивость не неопределенна, а определена, и идет по известным путям в определенных направлениях.

Это обстоятельство вызывало большую путаницу у многих, метафизически мыслящих, учёных, которые не могли выйти из противоположности случайности и необходимости. Они не понимали, что несмотря на прямую противоположность, эти категории образуют диалектическое единство, что, по выражению Гегеля,

«. случайное имеет некоторое основание, ибо оно случайное, но точно так же и не имеет основания, ибо оно случайно; что случайное необходимое, что необходимость сама определяет себя как случайность и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость».⁵⁰ Именно так разрешили этот вопрос ученые, мыслящие диалектически, такие как В. О. Ковалевский, М. Неймайр, сам Ч. Дарвин и др. Но многие палеонтологи в силу своего метафизического склада мышления предпочли «просто игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бессмыслицу».⁵¹ По их мнению, явление может быть либо необходимым, либо случайное, но не является одновременно тем и другим. Поэтому на основе фактов, установленных эволюционной палентологией, они и утверждали, что в филогенетическом развитии организмов нет случайности, что оно представляет собой определенный процесс, происходящий в силу необходимости и ведущий к прогрессу живых существ. Поэтому и Нэгели «дополняет» учение Дарвина принципом усовершенствования. «Вследствие этих причин я считаю необходимым, кроме теории полезности (теории Дарвина), признать и теорию усовершенствования».⁵²

Это утверждение становится главным боевым оружием неоламаркистов в их борьбе против основных принципов объяснения развития живой природы дарвиновским учением. Поскольку Дарвин особенно подчеркнул значение момента случайности (неопределенности) в изменчивости организмов, то вместе с отрицанием случайности изменений отрицали и дарвиновское учение как недостаточное для объяснения направленного определенного развития филогенетических ветвей и стволов. В лучшем случае ему приписывали только второстепенное место среди других «законов» развития. Это положение является первым и основным пунктом неоламаркистских и других подобного рода концепций.

Неоламаркисты рассматривают необходимость, определенность в филогенетическом развитии организмов как неизбежное, роковое, которое независимо от условий жизни ведет к одной определенной цели. Одним словом, необходимость в понимании неоламаркистов принимает вид предрасположения развития, предначертания путей изменений. Такое понимание развития филогенетических рядов как предопределенного процесса логически и неизбежно ведет к телеологии и идеализму в объяснении причин этого изменения. И действительно, метафизическое противопоставление случайности и необходимости, как полностью исключаящих друг друга понятий, отрицание случайности как формы проявления необходимости, с одной стороны, и абсолютизированное понимание необходимости как незыблемого предопределенного по-

⁵⁰ Цит. по Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 174.

⁵¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 174.

⁵² К. Нэгели. *Происхождение естество-исторического вида и понятие о нем*. Спб., 1866, стр. 34.

рядка, не подлежащего изменению сцепления причин и следствий, с другой стороны, делает невозможным объяснить развитие, подчиненное такой необходимости, естественными материальными причинами и силами. Признание предопределенного изменения в направлении определенной цели предполагает и признание целесообразно действующей силы как причины такого развития либо в виде сознания, психики самих организмов, либо в виде особого таинственного «внутреннего закона развития», «стремления к усовершенствованию» и т. п. Эти особые «внутренние» силы филогенетического развития, как «стремление к усовершенствованию» у Нэгели, являются уже первоначально свойственными организмам, врожденными свойствами, которые обуславливают изменение живых существ по строго определенным путям до той высшей формы, которая с самого начала предвидена в плане. Таким образом, снова вводится в науку старый, разбитый Дарвином принцип телеологии. Развитие, по Нэгели, «не идет ощупью без всякого плана», но «все повинуетя предначертанным законам».⁵³ Тем самым Нэгели отбрасывает (хотя он и не говорит об этом открыто) теорию Дарвина, а вместе с тем исследование причинных связей развития живой природы, и заменяет последнее «новой идеею сообразности с установленными законами природы и созерцанием вечных божественных сил, окружающих строем природы; приятные ощущения чувств удовлетворением высших духовных потребностей».⁵⁴

Т. Эймер называл это определенно направленное развитие ортогенезом, который является выражением «органического роста» (органофизиса), главной причины трансмутаций по Эймеру. Ортогенезис, по Эймеру, представляет собой закономерное, неуклонно в определенном направлении происходящее изменение, безотносительно к пользе.

Иекель понимает ортогенезис несколько иначе. Например, если Эймер считал возбудителями ортогенетического процесса только внешние влияния, то Иекель, как и Нэгели, допускает, кроме этого, в качестве фактора ортогенетического развития стремление к совершенствованию. Иекель полагает, что ортогенетические изменения могут иметь важное отношение к пользе и т. д. Но все это не изменяет существа дела, так как главное — развитие в определенном направлении как выражение особого, вечного неизменного закона, предначертающего весь ход развития живых существ — объединяет как Нэгели, Эймера и Иекеля, так и всех неоламаркистов, несмотря на второстепенные вариации их взглядов.

Данное обстоятельство, связанное с развитием палеонтологии, еще раз показывает, что разрешение научных вопросов зависит прежде всего от общего уровня развития человеческого позна-

⁵³ К. Нэгели, Происхождение естество-исторического вида и понятие о нем. Спб., 1886, стр. 34 и 46.

⁵⁴ Там же, стр. 46.

ния в целом и во многом от разрешения основных гносеологических проблем. Именно метафизичность мышления, неспособность правильно отражать диалектику некоторых существенных сторон процесса изменения живых существ является первой причиной ложного идеалистического толкования факта направленности развития организмов. Открытие этого факта было большим достижением науки. Это было прямое фактическое научное доказательство закономерности развития живой природы. Направленность изменений филогенетических ветвей и стволов органического мира неопровержимо подтвердила положение философского материализма, что развитие природы не является случайным колебанием, а подчиняется строгим закономерностям. Природа не изменяется случайным образом, а развивается в определенном направлении от низшего к высшему, от простого к сложному. Но из этого факта палеонтологи метафизически мыслящие ученые в силу предвзятых положений, сделали идеалистические телеологические выводы о целенаправленном развитии живой природы, которым руководит какая-то сила идеального порядка — сознание самих индивидов или некоего высшего существа. Это — совершенно ложное и ненаучное заключение, к которому привели естествоиспытателей не факты науки, а их ошибочные положения совершенно иного порядка. М. Неймайр совершенно правильно сказал, что «в действительности изменения не колеблются во все стороны», а подчиняются известному порядку, и что «в этом ограниченном смысле можно, конечно, говорить об определенно направленном изменении организмов, но в нем не должно видеть, как это случалось, ни причину первого появления признаков, ни приписывать ему роли какого-то предначертания».⁵⁵

Таким образом, первой основной причиной возникновения и распространения идеалистического понимания развития организмов среди палеонтологов в рассматриваемый период было неправильное телеологическое толкование факта направленного и целесообразного изменения органического мира в силу метафизического рассмотрения некоторых основных гносеологических проблем — метафизическое понимание соотношений необходимости и случайности в процессе изменения живых существ. В результате этого вместо эволюционного развития как причинно-следственного взаимодействия естественных причин и сил выдвигают изменение на основе каких-то особых внутренних автогенетических сил и законов, которые скорее имеют значение божественного плана, чем действительных законов природы как выражений всеобщих и необходимых причинных связей.

Так, французский палеонтолог Ш. Депере (Ch. Deperet) стоял на той точке зрения, что эволюционный процесс филогенетического развития, превращение животного мира, как он сам предпочи-

⁵⁵ М. Неймайр, Корни животного царства. Петроград, 1919, стр. 225—228.

тал выражаться, «происходит, повидимому, так сказать, самопроизвольно и независимо от воздействия причин, лежащих во внешней среде. Таким образом, процесс медленной изменчивости является для каждого наблюдателя общим правилом прямой эволюции филогенетических ветвей».⁵⁶ Филогенетическое развитие, по Депере, подчинено «двум главным законам: закону возрастания роста и закону постепенной специализации».⁵⁷ Эти законы имеют всеобщий и абсолютный характер, и действие их является автономным, независимым от условий существования, в результате которых неизбежно происходит увеличение размеров тела в ходе филогенетического развития. «Филогенетические ветви подчинены общему закону, который более или менее быстро и часто без видимой механической или функциональной причины направляет их по пути все более и более выраженной специализации».⁵⁸ Причиной такого абсолютного и рокового развития в сторону увеличения размеров и специализации может быть только какая-то таинственная виталистическая сила вроде батмизма Копы или непостижимого «стремления к совершенствованию». Хотя Депере прямо не говорит о тех причинах, которые обуславливают развитие по «закону возрастания роста», но на виталистический характер этого изменения недвусмысленно указывает уже то обстоятельство, что Депере развитие филогенетической ветви сравнивает с развитием особи.⁵⁹ Эта довольно старая идея, по которой развитие филогенетических стволов и ветвей имеет, как и развитие особи, стадию юности, стадию зрелости и, наконец, стадию старости, проходя «в некотором роде геологическую карьеру»,⁶⁰ является в том или другом виде неотъемлемой частью взглядов почти всех неоламаркистов. Она связана с положением о существовании особой виталистической силы, которая и определяет филогенетическое развитие какой-то группы организмов и истощение которой ведет к вымиранию больших групп животных.

В типично неоламаркистском духе рассматривал эволюцию, ее факторы и закономерности известный немецкий палеонтолог Э. Кокен (E. Koken, 1860—1912), которому принадлежит ряд капитальных трудов по нескольким группам ископаемых.

Процесс эволюции организмов, развитие новых видов от старых, происходит по Кокену, в виде т. н. итеративного, или повторного видообразования. Под этим новым термином, введенным Кокеном в 1896 году, скрывается старая метафизическая идея, по которой в общем стойкий (персистентный) вид время от времени проходит период изменения, давая начало разновидностям,

⁵⁶ Ш. Д е п е р е, Превращения животного мира. Петроград, 1921, стр. 210.

⁵⁷ Там же, стр. 180; разрядка автора.

⁵⁸ Там же, стр. 169.

⁵⁹ Там же, стр. 187 и 218.

⁶⁰ Там же, стр. 187.

которые появляются как бы целым роем, а между этими моментами образования разновидностей существуют более или менее длительные паузы, периоды покоя. Такое толкование хода эволюционного развития основывается на метафизическом понимании отношений между качественным и количественным развитием как совершенно различных явлений, которые не связаны, не образуют единства в процессе изменения организмов. В таком видообразовании естественный отбор, конечно, не может играть сколько-нибудь заметную роль. Поэтому и Кокен считает, что результаты изучения рядов ископаемых говорят против учения Дарвина и в пользу ламарковских принципов объяснения эволюции.⁶¹

Кокен полагает, что «видообразование зависит, по-видимому, от конструкции и от воздействий, идущих извне».⁶² Но в это, в основном правильное, положение Кокен вкладывает чисто неоламаркистское содержание. Внешние влияния среды, эти «воздействия, идущие извне», являются главным образом лишь возбудителями, а изменение в большинстве случаев осуществляется посредством активной деятельности со стороны организма, через волю и привычки, хотя Кокен допускает и изменение как пассивное приспособление к условиям среды. «Изменение может быть осуществлено как через активное самоприспособление через волю и привычки, что предполагает внутреннее господство животного над своим телом, так и через пассивное приспособление, при котором тело животного делается зависимым от окружающей среды (в более широком смысле)».⁶³ Первый способ, который имеет место при таких общих функциях, как плавание, летание, бег и т. д., играет главную роль в развитии организмов, так как при изменении образа жизни происходящие у животных значительные морфологические изменения осуществляются посредством мощных импульсов, стремящихся создать нечто совсем новое с целью приспособиться к новому образу жизни. И в случае другого способа изменения, при пассивном приспособлении, внешние влияния имеют не определяющее, а лишь незначительное, второстепенное видоизменяющее значение, так как превращению тела ставит границы свойственная филогенетическому стволу конституция, которая выступает как предрасположение относительно варирования вследствие влияния среды.⁶⁴ Так Кокен, рассматривая представителей группы водных ископаемых пресмыкающихся, приходит к выводу, что различия в их приспособлениях к жизни в воде нельзя объяснить ни действием естественного отбора, ни особенностями конституции (которая была в начале очень близка у всех линий). Направление развития у ихтиозавров, мозазавров и у других нельзя считать «заложённым в плане строения животного»,

⁶¹ E. Koken, *Palaentologie und Descendenzlehre*. Jena, 1902, S. 4
und 6.

⁶² Там же, стр. 14.

⁶³ Там же, стр. 14.

⁶⁴ Там же, стр. 15.

а «гораздо правдоподобнее допущение, что эти животные уже с самого начала старались двигаться вперед различным образом, следовательно, прежде всего инстинктивной или направленной волей объясняется возникновение у ихтиозавров такого приспособления, при котором главную работу по продвижению вперед взял на себя хвост, а у плезиозавров к этому привлечены и соответственно развились ласты»⁶⁵

Таким образом, воля и привычки животного являются главными причинами эволюирования.

Интересны взгляды другого известного немецкого палеонтолога Г. Штейнмана (G. Steinmann, 1856—1929) относительно развития органического мира. Штейнман поставил своей задачей борьбу против витализма и с этой целью выдвинул свое учение о персистентности рас живого мира. Основную идею этого учения выражают следующие слова Ламарка, избранные Штейнманом эпиграфом для своей книги «Геологические основы теории эволюции», вышедшей в 1908 году: «Расы живых существ продолжают существовать все, несмотря на их изменения». Это значит, что все ветви органического мира, как животного так и растительного, сохранялись на протяжении всей геологической истории до настоящего времени, несмотря на более или менее значительные изменения, испытывавшиеся за это время. Ясно, что учение о персистентности рас прямо противоречит дарвинистскому пониманию эволюционного развития организмов. «Поскольку нет излишка видов, из которого природа могла бы отбирать, исчезает единственная действительная основа, на которой может быть построена теория естественного отбора».⁶⁶

Причиной изменений, эволюционного превращения организмов являются влияния, оказываемые на них изменившимися условиями окружающей среды в самом широком смысле, как совокупности всех геологических и климатических процессов и взаимных влияний организмов, с одной стороны, и способность организма изменяться под влиянием изменившихся раздражений, которую Штейнман считает одним из основных свойств живых существ. Таким образом, причины и возникновение изменений он рассматривал в духе механоламаркизма. Но это только возникновение изменений, новых признаков. Процесс эволюционного превращения организмов сам выступает как ортогенезис, что и является основным законом эволюционного развития живого мира, «в высшей потенции, далеко превосходящий то, что под этим понимали Эймер и американские ламаркисты. ортогенез самого Л а м а р к а».⁶⁷ Все превращения во времени (мутации, по Штейнману) представляют собой изменение всегда большого числа осо-

⁶⁵ Там же, стр. 18.

⁶⁶ G. Steinmann, Die geologischen Grundlagen der Abstammungslehre. Leipzig, 1908, S. 276.

⁶⁷ Там же, стр. 276; разрядка автора.

бей в одном направлении, хотя и не одинаково сильно. Они, как ортогенетические изменения, сохраняют однажды принятое направление на протяжении огромных, даже с геологической точки зрения, периодов. Такое развитие не ограничено ни местом, ни временем.

Штейнман думал, что своим учением он борется против виталистических толкований эволюционного развития. Но, хотя его теория свободна от явно идеалистических и виталистических положений, подобно батмизму Копа и др., он все же не может обойтись без особого таинственного закона ортогенезиса, который по существу, хотя и его авторы этого или нет, является лишь скрытым витализмом. Такое явление вообще свойственно всем механоламаркистам. Учение Дарвина, в виде которого эволюционизм одержал победу в биологических науках, не дало всестороннего исчерпывающего объяснения всем вопросам, связанным с проблемой живого мира. Перед Дарвином стояла задача — доказать, что виды животных и растений не являются творением бога, а происходят одни из других путем длительного постепенного изменения. Разрешения этого вопроса требовали как интересы дальнейшего развития биологических наук, так и интересы сельскохозяйственного производства. И эту задачу Дарвин выполнил успешно. Он, исходя из бесконечных неопределенных, случайных индивидуальных изменений, индивидуальных различий в пределах одного вида, показал, что эти различия могут выходить из границ вида. Этим он разрушил все прежние взгляды и убеждения о вечной неизменяемости вида и всего органического мира. Но Дарвин не дал объяснения ни самого процесса жизни, ни ее возникновения и не разрешил многих других существенных проблем, связанных с развитием жизни. Основное свое внимание он обратил на существенный фактор, являющийся внутренним источником, движущей силой процесса изменения организмов в течение истории земли, т. е. на естественный отбор. Но эти вопросы были поставлены с особой силой прежде всего самим учением Дарвина. Именно победа идеи изменяемости органических форм выдвинула вопрос о причинах этого изменения, вопрос о непосредственных факторах, вызывающих различия, изменения в строении организмов. Этот вопрос стоял и перед палеонтологией. Надо отметить, что эволюционная палеонтология уже с самого начала своего развития обратила на данную проблему большое внимание. Палеонтологи, изучая историю развития ископаемых организмов и исследуя изменения филогенетических ветвей и стволов, всегда, одновременно с установлением родственных отношений, пытались раскрыть причину возникновения различий, изменений в строении организмов. Такой подход к материалу особенно характеризует основателя эволюционной палеонтологии В. О. Ковалевского, М. Неймайра и других эволюционистов-материалистов среди палеонтологов. Для установления генеалогии лошадиных В. О. Ковалевский, подробно изучая каж-

дую кость какого-нибудь представителя этого рода с целью установить ход изменения в строении организмов, никогда не отрывал малейшего изменения, различия скелета от причин их возникновения. При разрешении данной проблемы палеонтология становилась сразу на верный путь, ища эти причины в условиях существования организмов. При изучении истории изменений ископаемых эволюционная палеонтология исходила из правильной идеи единства организма и окружающей его среды, считая основой возникновения различий, изменений в строении организмов взаимодействие между условиями жизни и организмом. При изучении ископаемых форм и их развития в палеонтологии все больше и больше укреплялась и расширялась их экологическая характеристика. Данный метод исследования, основывающийся на идее неразрывности организма и среды, основные принципы которого даны уже в работах В. О. Ковалевского, в конце XIX и начале XX веков становится благодаря работам многих выдающихся ученых, особенно трудам И. Вальтера и знаменитого бельгийского палеонтолога Л. Долло основным методом исследования в палеонтологии. Образовалась даже особая отрасль палеонтологической науки — палеоэкология. Исследования в этом направлении блестяще показали истинность идей единства организма и среды и неопровержимыми фактами доказали зависимость процесса эволюции от изменений окружающих их условий жизни. Из таких работ напомним здесь (не считая первых ранних работ В. И. Ковалевского, М. Неймайра и других) блестящие работы Н. И. Андрусова о моллюсках Понто-Каспийской области.⁶⁸

Но признание взаимоотношений организма и окружающей его среды основой возникновения изменений у живых существ лишь первый, хотя и правильный, шаг в сторону разрешения данного вопроса. От этого вывода можно идти в разных направлениях. Окончательное решение данной проблемы зависит от того, как понимаются и как толкуются соотношения между организмом и средой. Именно здесь скрывается другое существенное обстоятельство, которое неизбежно приводило неоламаркистов в конечном итоге к идеалистическому толкованию всей данной проблемы. Неоламаркисты тоже считают, что основой возникновения изменений в строении ископаемых организмов являлось взаимодействие между средой и организмами. Но взаимоотношения организмов и среды, их единство, они рассматривают исключительно с точки зрения механицизма. Среда, окружающая организмы, в понимании неоламаркистов это — главным образом комплекс механических и физических сил, влияние которой на организмы осуществляется в основном (в том числе и влияние органической среды) через механическое действие компонентов

⁶⁸ Н. И. Андрусов, О характере и происхождении сарматской фауны. Горный журнал 1891, № 2, Н. И. Андрусов, Ископаемые и живущие *Dreissensidae* Евразии. Труды СПб. Об-ва ест. отд. геологии и минералогии, 1897 т. XXV

среды. В основе понимания неоламаркистами природы возникновения изменений у организмов лежит идея, по которой живые существа представляют собой механическое явление, некую особую механическую систему, отношения которой с окружающей средой — тоже механическим комплексом — подчиняются законам механики. Единство организма и среды — это единство двух механических систем, подчиняющихся одним и тем же законам. Жизнь, согласно неоламаркистам, — это механико-физическое равновесие «внутренних» и «внешних» компонентов, основывающееся на законе действия и противодействия механики. Здесь несомненно и влияние «теории равновесия» английского философа Спенсера, крупного представителя «положительной философии», которая оказала громадное влияние на умы естествоиспытателей во второй половине XIX века.

«Механизм» изменения строения организмов состоит, по неоламаркизму, из механического реагирования (противодействия) на механическое влияние, т. е. действие. Так, у Кюппера главным фактором эволюции был кинетогенезис — механическое влияние (молярное движение); по Гайэтту, изменения возникают как «органические эквиваленты» на механическое влияние среды, главным образом путем употребления и неупотребления органов, и весь процесс приспособительных изменений, по Гайэтту (как и по Кюпперу), представляет собой процесс механического уравнивания. По механоламаркизму изменения возникают как непосредственное механическое реагирование на внешние механические влияния. Так, механоламаркист Н. Н. Яковлев, который дал ценные работы по этологии и экологии ископаемых беспозвоночных, толковал изменение структур как непосредственный результат механического воздействия (например, изменение строения кораллов *Rugosa* вследствие «бокового давления»⁶⁹).

Таким образом, в неоламаркистском рассмотрении механическое движение является основной формой движения как неорганического, так и органического мира. Неоламаркисты, особенно механоламаркисты, всячески стараются все явления и процессы, связанные с эволюцией организмов, объяснить исходя из закономерностей механики и физики, представить жизненные явления как механические процессы. Этот метафизический механицизм, который всегда отождествляет движение с механическим движением, становится для неоламаркизма роковым. Корни и сущность механического понимания движения материи всесторонне освещены в работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Основной «порок» механицизма, определяющий всю ограниченность и ошибки его, заключается в непонимании качественного различия разных форм движения материи, в объяснении всех качественных различий количественными. Механическая концепция движения не понима-

⁶⁹ Н. Н. Яковлев, Строение кораллов *Rugosa* и происхождение их характерных особенностей. Известия Академии Наук, VI серия, 1915, № 5, стр. 451.

ет, как сказал Энгельс, что «движение, в применении к материи — это изменение вообще», это не только перемена места, и вне механики прежде всего является изменением качества. Механическое движение является лишь одной и при этом относительно простой формой движения материи, и хотя другие, более высокие формы движения необходимым образом связаны с механическим движением, переменной места (как и со всеми другими более низкими формами движения), все же «наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом рассматриваемом случае».⁷⁰ Так и существо органической жизни и процессов ее эволюирования как особой формы движения материи, хотя оно невозможно без механического, физического, химического и т. д. изменения, не исчерпывается сведением к механическим и молекулярным движениям.

Главным результатом такого подхода является непонимание того, что каждая, качественно различная, форма движения материи имеет свои собственные внутренние источники изменения, свои специфические закономерности движения. В метафизической концепции механицизма «остаётся в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc)».⁷¹ При механическом толковании движения «остаётся в тени» изменение материи как самодвижение. Движение не просто свойство материи перемещаться в пространстве, но форма бытия материи, внутренне присущий материи атрибут. Органическая жизнь как особая форма движения материи, как новое, более высокое качество в развитии материи, имеет свои собственные внутренние источники движения, и она подчиняется собственным специфическим закономерностям, которые не сводимы к законам механики и физики, собственным качественно низшим формам движения материи. Это не значит, что наука должна отказаться от попыток точно определить явления и процессы жизни как механико-физические и химические процессы. Нет! Наука должна подходить к объяснению и пониманию явлений жизни и ее эволюирования с позиций точного количественного определения жизненных процессов. Но при этом нельзя ни на минуту забывать, что эти механико-физические, химические и т. д. процессы представляют собой лишь более простые «составные» части процессов жизни — количественную основу жизни как особого качества развития материи. Разделением жизненных явлений на механические и физико-химические процессы не объясняется сущность этих явлений, — то, чем жизненные процессы отличаются от механических и физических. Сущность мышления не исчерпывается тем, что, как сказал Энгельс,⁷² оно сводится к молекулярным и химическим движениям в мозгу. Тем, что процесс эволюционного изменения орга-

⁷⁰ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1950, стр. 197.

⁷¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1934, стр. 326.

⁷² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*; 1950, стр. 197.

низмов сводится к механическим и физическим процессам на основе закона действия и противодействия механики, как, например, закон изменения путем механического употребления или неупотребления организмов, или изменение под влиянием атмосферных условий (как механических, так и физико-химических) и т. д., не объясняется главное — процесс эволюирования организмов как процесс развития органической природы (составляющий только часть общего развития материи) от низшего к высшему, от простого к сложному, который в конце концов, при наличии определенных условий, ведет к возникновению сознательного существа — человека, и к новым, качественно высшим явлениям общественной жизни. С метафизической позиции механицизма нельзя понять внутренний источник движения органической природы и ее эволюционного процесса как качество особой формы движения материи. «Механизм в применении к жизни — беспомощная категория».⁷³ Неоламаркистский механицизм не был в состоянии объяснить таких очень важных и существенных явлений, связанных с эволюированием органического мира, как относительно быстрое вымирание известных групп животных в определенные геологические периоды и появление вместо них новых, как определенное направленное изменение организмов; прогрессивный характер общего хода эволюционного изменения и т. д. Эти явления из-за одностороннего метафизического объяснения жизни и ее эволюирования стали еще более таинственными, чем они были до того. Так как механицизм не был в состоянии раскрыть внутренних источников развития органического мира как самодвижения, он был вынужден для объяснения специфически жизненных процессов обратиться к силам иного порядка, к силам надматериального и сверхъестественного характера, так как материальное в механицистском понимании — это только механико-физическое. Силы иного порядка механицизм объявляет нематериальными. В силу этого метафизического понимания материи и ее движения неоламаркисты должны были «позвать на помощь» такие таинственные нематериальные силы, как батмизм Копэ и энтергогенизм Гайэтта, «жизненная сила» у Делере и других, «стремление к усовершенствованию» Нэгели и ортогенез Штейнмана, которые они объявили «исключительно жизненными свойствами» и которые в сущности не очень многим отличаются от *vis vitalis* старого витализма, — или приписывать роль первичного, движущего и определяющего фактора эволюции воле и усилиям, одним словом — сознанию самих организмов. Разница здесь в отношении основного вопроса философии несущественная. Таким образом, неоламаркисты, несмотря на свои стремления дать строго научное объяснение эволюирования ископаемых организмов, оказались в конечном итоге в лагере идеализма. Причина этого хорошо раскрыта в словах выдающегося француз-

⁷³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1950, стр. 164.

ского физиолога Клод Бернара (Claude Bernard, 1813—1878) о виталистах: «Они (т. е. виталисты) не умели, а, может быть и не могли еще провести различия между жизненными явлениями и свойствами, лежащими в их основе. Они смешивали жизненное явление, т. е. сложный и по тому самому разложимый комплекс, имеющий нечто исключительно ему присущее, со свойством, которое по существу просто, неразложимо и не представляет ничего исключительного в живой или не оживленной природе. Одним словом, в этом смысле можно сказать, что не существует жизненных свойств, а только физические свойства и жизненные явления, которые представляют только сложные комплексы этих физических свойств».⁷⁴ Именно метафизика, господствовавшая в головах ученых, мешала им понимать как единство, так и качественное различие между двумя формами движения материи — физической и органической, мешала им понять диалектические соотношения между различными качественными ступенями развития материи и привела их в вопросе о движущих и определяющих силах развития органической природы в лоно идеализма.

Наглядным примером этого является научная деятельность знаменитого американского палеонтолога Г. Ф. Осборна (H. F. Osborn, 1857—1935), которого некоторые его приверженцы среди антидарвинистов называют «Дарвином и Гексли нового мира», и который в начале своей исследовательской работы (примерно 1889—1895) был, как он сам говорит, «убежденным неоламаркистом».⁷⁵

Осборн полностью не отвергает дарвинистского объяснения эволюции, но считает дарвинизм недостаточным для объяснения всех случаев изменений организмов. Осборн различал два класса наследственных изменений: случайные изменения и изменения, которые «от начальных своих стадий следуют определенному направлению в сторону приспособления».⁷⁶ Осборн считает возможным допустить естественный отбор в качестве непосредственного фактора только относительно изменений первого класса. Возникновение изменений другого класса, которые играют главную роль в эволюции животных, ведя к развитию в определенном, выгодном для расы направлении, в сторону приспособления, обуславливая целесообразное строение организма, по Осборну, нельзя объяснить действием естественного отбора, и поэтому этот принцип он дополняет ламарковским принципом «происхождения наиболее приспособленных», поскольку приспособленность предполагает те расовые вариации, которые соответствуют модифика-

⁷⁴ Цит. по К. А. Тимирязеву, Исторический метод в биологии. Изб. соч., т. III, 1949, стр. 404.

⁷⁵ H. F. Osborn, The nine principles of evolution revealed by Palaeontology. The American Naturalist, vol. LXVI, 1932, p. 58.

⁷⁶ H. F. Osborn, The paleontological evidence for the transmission of acquired characters. The American Nat. Vol. XXIII, No. 274, 1889, p. 562.

циям, возникающим у особи вследствие «внутренних реакций на воздействие среды».⁷⁷ В действительности это «дополнение» отодвигает дарвинизм на задний план, как неспособный объяснить весьма важные случаи направленного развития, которое необходимым образом ведет к одной конечной цели. В качестве примера такого развития Осборн приводит развитие коренных зубов лошадей: «Главные изменения зубов и скелета следуют определенным целеустремленным линиям».⁷⁸

Позднее взгляды Осборна в области эволюционной теории претерпели значительные изменения, можно сказать, целую эволюцию, общим направлением которой был отход и от этого урезанного дарвинизма и механоламаркизма и обращение к более и более виталистическим концепциям до открытого витализма в виде т. н. теории аристокенеза. Уже в середине 90-х годов прошлого века Осборн отходит от ортодоксального неоламаркизма главным образом под влиянием учения Вейсмана о непрерывности зародышевой плазмы, которое поколебало веру Осборна в наследуемость приобретенных признаков, что являлось основой «ламарковского принципа». Он воздвигал теорию т. н. органического отбора * как компромисс, как «неожиданную гармонию между ламарковскими и дарвиновскими положениями эволюции».⁷⁹ Теория органического отбора основывается на метафизическом положении о ненаследуемости онтогенетических приспособительных изменений и о существовании особых наследуемых филогенетических изменений, накопление которых составляет действительное развитие группы. Ненаследственные изменения, т. е. приобретенные индивидуом признаки, могут случайно совпадать с наследственными филогенетическими изменениями и таким образом становиться филогенетическими. «В результате получается кажущаяся, но не действительная передача приобретенных признаков».⁸⁰

Несостоятельность теории органического отбора очевидна. Единый процесс развития живых существ эта теория разделяет на два совершенно самостоятельных процесса филогенетического и онтогенетического изменения. При этом первый из них является по Осборну действительным развитием живых существ, тогда как

⁷⁷ Там же, стр. 561.

⁷⁸ Там же, стр. 563.

* Эта концепция была предложена почти одновременно и независимо тремя учеными: Балдуином (J. M. Baldwin) в 1895 г., которому принадлежит и авторство термина, Ллойд Морганом (C. Lloyd Morgan) и Осборном в 1896 г. Осборн дал краткое изложение этой концепции в статье: H. F. Osborn, A mode of evolution requiring neither natural selection nor the inheritance of acquired characters (abstract). Transactions of New-York Acad. Sec. vol. XV, 1896, p. 141—142.

⁷⁹ H. F. Osborn, Organic Selection. Science, vol. VI, No. 146, 1897, p. 584.

⁸⁰ H. F. Osborn, The limits of organic selection. Americ. Nat., vol. XXXI, No. 371, 1897, p. 946; так же: Science, vol. VI, No. 146.

второй, хотя имеет существенное значение для жизни индивидов, по существу играет роль лишь второстепенного фактора индивидуальных наследственных изменений. В теории органического отбора Осборна филогенетическое изменение принимает характер автогенетически происходящего процесса, так как не зависит от влияния среды. Эти два процесса связаны между собой чисто механически, в виде случайного совпадения качественно абсолютно различных типов изменений. Органический отбор Осборна представляет собой эклектическое соединение, с одной стороны, положений неоламаркизма (изменение под влиянием среды — приспособление) и неодарвинизма (ненаследственность приобретенных онтогенетических изменений и существование особого рода наследственных изменений) с другой, основой которого является метафизическое рассмотрение явлений развития органического мира, непонимание связи между онтогенезом и филогенезом.

Это метафизическое обособление онтогенетических изменений от филогенетических, так ярко и красноречиво выступающее со всеми своими последствиями в теории органического отбора Осборна, является непосредственным результатом непонимания диалектики соотношений общего и единичного в процессе развития органического мира, которое теснейшим образом связано с проблемой отношений между необходимостью и случайностью в ходе эволюции. Оно характеризует вообще взгляды неоламаркистов и других метафизически мыслящих палеонтологов как одна из основных гносеологических причин ошибок их концепций в отношении факторов и закономерностей развития организмов.

Палеонтологи, отрицающие случайность в развитии филогенетических ветвей и стволов, не отрицали существования случайного в природе вообще. Отрицая случайность в филогенезе, т. е. в развитии общего, неоламаркисты и другие подобного рода антидарвинисты считали индивидуальное развитие, те изменения, которые могут произойти в строении организмов в ходе онтогенетического развития, случайными, неопределенными, происходящими главным образом под влиянием условий окружающей среды. Так как случайное, по мнению метафизиков, есть и остается абсолютно случайным, не может переходить в необходимое, то и онтогенетические изменения (т. е. изменение единичного), хотя могут иметь существенное значение для жизни индивида, но не могут переходить в изменения филогенетические, в изменения общего, происходящие в силу необходимости. Такое понимание соотношений общего и единичного и характера последних в процессе изменения организмов обуславливает абсолютное обособление филогенеза от онтогенеза, ведет к непониманию того, что филогенез образуется из онтогенеза, что развитие вида осуществляется через и посредством развития особей (или развитие высшей таксономической категории из развития низших групп). Так, Э. Д. Коп считал, что изменение родов и высших таксономических категорий совершенно обособлено от изменения видов.

Коп различает два типа родословных линий: «непрерывная линия видовых и такая же непрерывная линия родовых признаков. Одна независима от другой». ⁸¹ При этом видовые изменения, по Копу, имеют второстепенное значение и не оказывают влияния на основное направление эволюции филогенетических линий, состоящей из изменения родов и более высоких таксономических единиц.

Аналогичные взгляды развивал и другой знакомый уже нам неоламаркист О. Иекель, который также считал, что образование видов обособлено от общего процесса филогенетического развития стволов и ветвей живого мира в виде формирования высших таксономических групп. Виды, по Иекелю, основываются на чисто внешних признаках, как то: цвет, форма хвоста и ушей и т. д., возникающих под влиянием внешнего мира. Виды, по Иекелю, представляют собой преходящее явление, выражение каждого данного состояния в развитии филогенетических ветвей, подобно листьям дерева. ⁸²

Отношение к виду, как единичному, и родам (и другим более высшим группам) как к общему в процессе эволюционного изменения живых существ со стороны палеонтологов данного периода обусловлено в первую очередь спецификой палеонтологической науки и историческими условиями. Дело в том, что когда палеонтология начала изучать историю развития органического мира, она главное внимание при установлении родственных связей между ископаемыми формами обратила на роды и высшие таксономические категории, как на основные звенья, ступени филогенетического эволюционного развития. Виды рассматривались тогда, главным образом, как многообразные представители этих ступеней. Свое влияние здесь оказало, конечно, и пренебрежение эволюционизма к «производству» видов — главной задаче креационистской палеонтологии.

Но такое отношение к виду вместе с непониманием диалектической взаимосвязи общего и единичного, необходимого и случайного в процессе изменений организмов ведет к тому, что из причин филогенетического развития исключаются факторы материального порядка, так как они (условия среды жизни) могут вызвать только изменения случайного, неопределенного характера. Так, естественный отбор и влияние окружающей среды как причину развития Коп считает возможным допустить только в отношении изменений видовых признаков. А развитие других признаков (т. е. родовых и более высших), которое, по Копу, составляет действительное эволюирование органического мира, происходит на основе таинственного, автогенетически действующего закона

⁸¹ E. D. Cope, The origin of the fittest. Essays on evolution. London and New-York, 1887, p. 42.

⁸² O. Jaekel, Ueber verschiedene Wege phylogenetischer Entwicklung (Abdruck aus Verhandlungen des V internationalen Zoologen-Kongresses zu Berlin, 1901); Jena, 1902, S. 3.

акцелерации и ретардации. По мнению Иекеля, основное развитие органического мира происходит в силу ортогенеза. То, что является причиной случайного и единичного, не может, по метафизическому рассуждению неоламаркистов, конечно, быть причиной необходимого и общего. Не изменяет сущности дела и механическое соединение филогенетических и онтогенетических изменений в виде случайного совпадения в теории органического отбора Осборна.

Но и теория органического отбора не удовлетворяла Осборна полностью. Он считал, что некоторые случаи эволюционного развития нельзя объяснить с точки зрения этой концепции и вообще каким-либо «механическим» принципом. Таким явлением эволюции Осборн считал филогенетическое развитие коренных зубов млекопитающих, в котором «существуют основные предрасположения изменяться в определенных направлениях. Эти предрасположения пробуждаются под воздействием известных возбуждающих причин, и прогресс развития зубов принимает определенную форму, претворяя в действительность то, что до сих пор было потенциальностью».⁸³ Для объяснения подобных явлений Осборн выдвигает закон гомоплазии или скрытой (потенциальной) гомологии.⁸⁴

В этом законе Осборн делает решительный шаг в сторону открытого автогенетизма. «Это «направление мысли» привело в конце концов Осборна к явно реакционной, противонаучной концепции эволюционного процесса».⁸⁵ Гомоплазия, по пониманию Осборна, это — «самостоятельное развитие гомологических органов или областей тела, приводящее к возникновению сходных новых частей»,⁸⁶ которое не происходит вследствие естественного отбора или прямого воздействия среды, как думал автор этого термина Э. Рей Ланкестер (E. Ray Lankester). а вследствие скрытой, или потенциальной, гомологии, которая предопределяет пути развития. Гомоплазия — это автогенетически происходящая предопределенная изменчивость. Это старый телеологизм в новой форме. Осборн сам хорошо понимал это. «Предопределенные изменчивость и эволюция ведут нас на опасную в философском отношении почву. Если все, что развивается в коренном зубе у третичных млекопитающих, заложено в скрытой, или потенциальной, форме в коренном зубе у меловых млекопитающих, то мы приближаемся к гипотезе *emboitement*, которую выдвигал Бонне,

⁸³ H. F. Osborn, *Organic Selection. Science*, vol. VI, No. 146, 1897. p. 585.

⁸⁴ H. I. Osborn, *Homoplasy as a law of latent or potential homology. The American Naturalist*, vol. XXXVI, No. 424, 1902.

⁸⁵ Л. Ш. Давиташвили, *История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней*. Москва, 1948, стр. 259.

⁸⁶ H. F. Osborn, *Homoplasy as a law of latent or potential homology. The American Naturalist*, vol. XXXVI, No. 424, 1902, p. 261.

или архетипу Окена и Оуена».⁸⁷ Но несмотря на это, Осборн, как отмечает Л. Ш. Давиташвили, «все же пошел ей навстречу», в направлении открытого телеологизма и витализма. Хорошим примером этого является «развитие» знаменитого осборновского закона тетраплазии. Теория тетраплазии *, которую Осборн считал «самым фундаментальным законом биологии»⁸⁸, представляет собой эклектическую смесь разнородных начал. Эти четыре фактора эволюции, которые составляют тетраплазию, являются действительными и возможными факторами развития организмов, но у Осборна их соединение эклектическое и действие этих агентов в виде аксиоматического «закона четырех нераздельных факторов» имеет таинственный и автогенетический характер. Основой деятельности закона тетраплазии является спенсеровское рассмотрение жизни как постоянного равновесия между внутренними и внешними отношениями, у Осборна между выше указанными четырьмя факторами, или, как он их еще называет, комплексами жизни. Изменение в одной части «комплексов условий», т. е. нарушение равновесия приведет за собой неизбежное и соответствующее регулирование в других частях «подобно силам четырех магнитных полей».⁸⁹ Уже в первой разработке данного закона, естественный отбор, хотя причисляется к факторам эволюции, но представляет собой несозидающий, неинициативный фактор, «который не создает ничего».⁹⁰

Такой вывод в отношении роли и места естественного отбора как фактора эволюции характеризует исключительно всех неоламаркистов и является вообще одним из главных возражений антидарвинистов против объяснения развития органического мира на основе учения Дарвина. Отметим кстати, что к этому утверждению привело неоламаркистов главным образом одностороннее механистическое понимание действия естественного отбора.

Естественный отбор — это у Дарвина главный фактор процесса эволюционного изменения организмов, сущностью которого является накопление более приспособленных признаков и вытеснение менее приспособленных, менее полезных, на ос-

⁸⁷ Там же, стр. 270.

* Слово «тетраплазия» образовано из двух греческих слов: «тетра» (четыре) и «плассо» (образовать, формировать), и должна выразить формирующее действие четырех факторов в ходе эволюции организмов: 1) наследственности, 2) онтогении, 3) среды и 4) отбора, которые Осборн обозначал буквами H (heredity — наследственность), O (ontogeny), E (environment — среда) и S (selection), давая даже математическо-графическую схему действия своего закона.

⁸⁸ H. F. Osborn, Evolution as it appears to the paleontologist. Science, N. S. vol. XXVI, No. 674, 1907, p. 744.

⁸⁹ H. F. Osborn, Tetraplasy, the law of the four inseparable factors of evolution. Journ. Academ. Natur. Scienc., Philadelphia, Special anniversary volume, Sept. 14., 1912, p. 279.

⁹⁰ H. F. Osborn, The four inseparable factors of evolution. Science, N. S., vol. XXVII, No. 682, 1908, p. 149.

нове борьбы за существование как движущей силы этого процесса. Мы не намерены рассматривать данный вопрос со всех сторон. Здесь отметим только одну сторону этого очень важного и сложного вопроса. Дарвин рассматривал естественный отбор как главный с о з и д а ю щ и й фактор в процессе изменения живых существ. Процесс естественного отбора не представляет собой простое выживание одних и вымирание других. Естественный отбор — это процесс развития, изменения организмов путем постепенного накопления различий и признаков, в ходе которого образуется новый вид. Так понимали естественный отбор и выдающиеся последователи Дарвина. На это созидательное действие накопления — этого «механизма» естественного отбора — обратил внимание К. Маркс. Он писал по этому поводу: «Накопление здесь представляет а с с и м и л я ц и ю, постоянное сохранение и в то же время преобразование уже созданного, реализованного. В этом именно смысле Дарвин считает «накопление», благодаря наследственности, для всего органического, для растений и животных, творческим принципом их сложения; так что различные организмы образуются благодаря «накоплению» и представляют только «изобретения», постепенно накопленные изобретения живых субъектов».⁹¹ Конечно, естественный отбор не является непосредственной, прямой причиной возникновения какого-нибудь различия или признака в строении организма. Здесь главная роль принадлежит взаимодействию между организмом и окружающей средой, как неорганической, так и органической, в основе которого лежит единство организма и среды, обусловленное обменом веществ и другими моментами жизненной деятельности органических форм. Но надо иметь в виду, что эти изменения возникают в процессе естественного отбора, которому они подчиняются после своего возникновения, который их «ассимилирует», преобразует, и таким образом влияет и на процесс их возникновения. Главное то, что естественный отбор не просто процесс чисто количественного характера, не чисто количественное накладывание признаков, а процесс качественного изменения живых существ. Но именно первое мнение, которое рассматривает накопление с чисто количественной стороны и всю деятельность естественного отбора представляет в виде чисто механического, пассивного избирательного процесса, который не создает ничего, а в лучшем случае может только уничтожать, — нашло очень широкое распространение среди естествоиспытателей, занимающихся вопросами развития органического мира. Как мы видели, все неоламаркисты отрицают созидательное действие естественного отбора и приписывают ему только второстепенное избирательное значение в процессе эволюционного развития организмов. Но вместе с отрицанием созидательного действия естественного отбора снимается и возможность объяс-

⁹¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости; т. III, Партиздат, 1932, стр. 229.

нить процесс эволюционирования и такие его существенные явления, как направленное приспособительное изменение, вымирание больших групп организмов, прогрессивный характер изменения и т. д., естественными, исходящими из самой органической природы, причинами. Механические законы и факторы для этого, как мы видели, недостаточны. Механическое толкование действия естественного отбора вело неоламаркистов вместе с другими антидарвинистами неизбежно к идеалистическим положениям в отношении факторов и закономерностей эволюционного развития живых существ.

Позже теория тетраплазии проделала значительные изменения. Скоро Осборн дал своему фундаментальному закону биологии более «модную» форму соответственно распространенному в конце XIX и начале XX вв. энергетизму. Здесь во взглядах Осборна на жизнь и ее эволюцию наибольшее развитие получает вульгарный механицизм. Согласно точке зрения энергетической концепции Осборн выводит понятие жизни, причины и закономерности ее эволюции из первого и второго законов термодинамики, основанных на третьем законе движения Ньютона,⁹² по которой живой организм «состоит из беспрестанного ряда действий и противодействий, оперирующих в силу динамических законов, которые управляют передачей и превращением энергии».⁹³ Соответственно и четыре фактора эволюции превратились в четыре «комплекса физико-химической энергии». При этом естественный отбор исключается из числа нераздельных факторов, так как «отбор не есть форма энергии и не есть часть энергетического комплекса; он является арбитром между различными комплексами и формами энергии».⁹⁴ По Осборну дарвиновский принцип отбора, хотя и выступает как одна из причин эволюции, но не является энергией эволюции. Отбор — это пассивный фактор эволюции. Он выступает в качестве определителя того, «какая из комбинаций энергии должна выжить и какая должна погибнуть».⁹⁵ При этом, данный принцип, по Осборну, действует как в области живой природы, так и в области астрономии.

Эту энергетическую концепцию эволюции Осборн называл тетракинетической теорией, которая в то же время есть и тетрапластическая, поскольку она рассматривает пластические изменения формы растений и животных в качестве четырех комплексов энергии.⁹⁶

Несостоятельность и ненаучность этой теории не нуждается в комментариях. Она заключается уже в самой основе «самого

⁹² Н. F. Osborn, The origin and evolution of life on the theory of action, reaction and interaction of energy. London, 1918, p. 12.

⁹³ Там же, стр. 15.

⁹⁴ Там же, стр. 21.

⁹⁵ Там же, стр. 20.

⁹⁶ Там же, стр. 22—23.

фундаментального закона биологии» --- в совершенно недопустимом вульгарно-механистическом распространении закономерностей неживой природы на более высокую форму движения материи, на явления жизни. Этот основной принципиальный порок предопределяет всю судьбу закона четырех нераздельных факторов как лженаучной и реакционной выдумки, которая не может дать удовлетворительного объяснения явлениям жизни и ее эволюции. Здесь не помогла и разработка данного закона в духе энергетизма, так как «игра в энергетическую терминологию ни в малейшей степени не приближает Осборна к пониманию процессов жизни и эволюции, а, наоборот, явно мешает этому пониманию».⁹⁷

Уже позднее, в 1929 году, Осборн опять внес изменения в свой аксиоматический закон эволюции, отделив тетракинез от тетраплазии. Тетраплазия в новом понимании Осборна — это онтогенетическое развитие, и закон тетраплазии, который до сих пор был рассматриваем в качестве четырех нераздельных факторов эволюции, превращается теперь лишь в четыре нераздельных фактора соматического развития. Настоящей теорией эволюции является теория тетракинеза, касающаяся развития зародышевой плазмы. Таким образом, Осборн дополняет здесь свой механический закон, действие которого уже само собой имело автогенетический характер, таинственным развитием зародышевой плазмы по predetermined направлению, связь которого с онтогенезом, живой средой и отбором неизвестна. «Итак, Осборну пришлось многократно переделывать свою эклектическую, шитую белыми нитками, концепцию «величайшего закона» четырех факторов, который, однако, постепенно отодвигался в сознании этого ученого на задний план; этот «закон» вытеснялся еще более «новым» пониманием эволюции, в котором нераздельно главенствует витализм».⁹⁸

Таким образом, в истории палеонтологии в конце XIX века намечается очень широкое распространение всевозможных различных теорий и концепций относительно эволюционного развития живых существ. Этот период характеризуется хаосом в теоретической мысли палеонтологии. Характерным для этой общей путаницы в вопросах теории эволюционного развития ископаемых организмов является то обстоятельство, что и неоламаркизм, наиболее ясно выраженное в то время течение в палеонтологии, не выступает как единая целостная школа, но представляет собой довольно пестрый комплекс положений относительно факторов и закономерностей эволюционного развития. Почти каждый автор — неоламаркист выдвигал свою теорию, отличавшуюся от других многими надуманными подробностями и измышлениями.

⁹⁷ Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. 1948, стр. 265.

⁹⁸ Там же, стр. 267.

«Вообще говоря, выдвигаемые многочисленными учеными всевозможные автогенетические теории лишь в редких случаях получают признание со стороны других исследователей — антидарвинистов. Каждую такую теорию исповедует и защищает обычно лишь ее автор, к которому в некоторых случаях присоединяются немногие почитатели его из числа ближайших учеников.»⁹⁹ Все эти теории объединяет только их отказ от дарвинистских принципов объяснения эволюции живых существ и обращение к некоторым сторонам учения Ламарка.

Отказ, в той или другой мере, от дарвиновского учения и обращение к всевозможным автогенетическим и другим подобного рода концепциям при объяснении развития живых существ объединяет вообще как неоламаркистов, так и большинство всех других авторов, писавших в то время по вопросам эволюционной теории. Палеонтологическая мысль делает сильный поворот к идеализму. Поэтому вполне обосновано выделение этого периода в развитии эволюционной палеонтологии,¹⁰⁰ выражающего известное историческое состояние палеонтологии. Исторические факты и явления этого периода — теоретический хаос и широкое наступление идеалистических концепций на материалистическую трактовку развития живой природы, дают право говорить обо всем этом как о выражении кризиса палеонтологии в конце XIX и в начале XX веков. Кризис в палеонтологии был связан с общим положением в естествознании того времени. Его возникновение, характерные явления и общая тенденция тесно смыкаются с кризисными явлениями во всем естествознании, особенно явлениями в биологии вообще, где в этот период мы имеем дело с общей ревизией дарвинизма и интенсивным распространением идеализма. Идеализм в палеонтологии выступал в виде разных автогенетических концепций. Но самой характерной, можно сказать, специфической формой проявления идеализма в палеонтологии становился неоламаркизм.

Неоламаркисты * развивая свое учение о факторах и закономерностях эволюции, выдавали себя за продолжателей и верных учеников Ж. Б. Ламарка, считая свои концепции дальнейшим развитием учения Ламарка соответственно новым данным палеонтологической науки. Одновременно неоламаркизм объявляли более истинным, чем дарвинизм.

Но как выглядит дело в действительности? Учение Ламарка, выдвинутое в начале XIX века как первое систематическое научное объяснение происхождения и развития живых существ с точки зрения эволюционизма, сыграло в истории биологических наук

⁹⁹ Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. 1948, стр. 248.

¹⁰⁰ Там же,

* Термин «неоламаркизм» был введен в науку А. Пакардом (A. S. Packard) в 1888 году.

очень важную роль. Оно оказало сильное революционизирующее влияние на умы естествоиспытателей, работавших по изучению живой природы. Значение учения Ламарка не только историческое. Некоторые положения Ламарка действительно заслуживают серьезного внимания и сегодня. В чем же тогда заключается порок неоламаркизма? Ламаркизм в том виде, как его представлял сам Ламарк, был в своей сущности материалистическим учением о развитии органического мира. Его характеризует при объяснении явлений живой природы обращение к самой природе. Ламарк искал причины и силы развития организмов в самих организмах и в окружающей их среде. Красной нитью через учение Ламарка проходит идея непрерывного развития живых существ от низшего к высшему на основе естественных закономерностей. Правда, учению Ламарка свойственны некоторые положения, противоречащие материалистической трактовке явлений живой природы и ее развития. Материализм Ламарка не был до конца последовательным, и он делал в некоторых очень важных вопросах эволюционной теории существенные уступки идеализму. Но надо подчеркнуть, что это обстоятельство никак не изменяет материалистической сущности и материалистического духа учения Ламарка, хотя скрывает в себе возможность противоположного истолкования его принципов. Непоследовательность Ламарка и его отклонения в идеализм были исторически обусловлены состоянием науки, уровнем развития знаний того периода. И даже идеалистические положения его учения в своей сущности, как вообще вся деистическая философия Ламарка, представляли собой прикрытие материализма в ту эпоху, когда в головах людей безраздельно властвовали догмы священного писания, когда на живую природу смотрели как на непосредственное творчество бога. Это — противоречие, но противоречие историческое и закономерное.

Дальнейшее развитие этого учения Ламарка должно было бы состоять в продолжении его материалистических сторон, материалистического духа его, в устранении идеалистических придатков, этих инородных тел в строении материализма. Неоламаркизм, провозгласив себя продолжением и дальнейшим развитием дела Ламарка, напротив, поднял на щит именно эти недостатки учения великого француза. Неоламаркизм односторонне и чрезмерно преувеличивает значение некоторых ошибочных, по существу идеалистических, положений Ламарка, возвышая их в ранг абсолютных принципов эволюционного развития организмов, выдавая их за истинный ламаркизм. Это — извращение сущности учения Ламарка, и надо вполне согласиться с Л. Ш. Давиташвили в том, что такой неоламаркизм не является вообще ламаркизмом, и что было бы правильно это слово употреблять в кавычках.¹⁰¹

¹⁰¹ Л. Ш. Давиташвили, История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. 1948, стр. 79.

Главное, что характеризует «неоламаркизм», это выдвижение в качестве действительного активного начала эволюции внутренних (в отношении организма) сил. Это — внутреннее — в понимании неоламаркизма истолковывается как нематериальная категория в противоположность внешнему — материальному. Большинство неоламаркистов приписывает роль внутреннего деятельного фактора эволюционного развития живых существ психике организмов (т. н. психоламаркизм). Таким образом, психическая деятельность организмов в том или другом виде — у Копэ сознательное усилие или стремление, у Гайэтта сознательная или несознательная «внутренняя энергия» — энтерогенизм, у Кокена воля и привычка и т. д. — вот настоящая и единственная всеобщая основа всех изменений, которые ведут к эволюционному развитию организмов в одном или другом направлении. Внешняя среда, окружающие условия жизни, у психоламаркистов выступают лишь в роли возбудителя психической деятельности организма, а изменение в строении организмов, которое, по мнению неоламаркистов, в общем имеет приспособительный характер, происходит уже вследствие внутренних агентов организма, как активное самоприспособление. «Приспособление происходит благодаря собственной деятельности (активности) живых существ, а не пассивно. Ощущаемая живым телом потребность является побуждающей причиной соответствующего этой потребности изменения тела».¹⁰² В этих словах психоламаркиста-ботаника Р. Франсэ ясно выражается сущность психического направления неоламаркизма, представителей которого часто называют и биологическими психологами. Признавая психику основным фактором эволюционного развития живого мира, психоламаркизм вынужден допускать явления психической деятельности исключительно у всех живых организмов, даже у самых низших. Это он и делает или открыто (Копэ, Франсэ, Паули и др.), или замалчивая, потому, что без этого основной принцип психоламаркизма потерял бы свою силу. «... организм или составляющие его единицы — клетки должны обладать силой суждения, которая на основании восприятий направляет их деятельность согласно потребности. Такова главнейшая часть учения об одушевленности природы (ламаркизма), впервые выставленного Ламарком и разработанного Дельпино, Копэ, Паули, Франсэ; оно приписывает силу суждения низшим животным и растениям».¹⁰³

Франсэ — крайний и ярчайший представитель психоламаркизма, который приписывает психику даже клетке, считая, что «всякая клетка представляет собой маленький самостоятельный психический индивид».¹⁰⁴ Это — сущность психоламаркизма.

¹⁰² Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма. СПб, 1908, стр. 53—58.

¹⁰³ Там же, стр. 103; разрядка автора.

¹⁰⁴ Там же, стр. 53.

Одним из своих высших результатов философского порядка, которое он достиг благодаря истолкованию психики как всеобъемлющей причины эволюционного изменения живых существ, неоламаркизм считал устранение дуализма в отношениях между материей и душой (идеей), будто бы встречающегося в предшествующих теориях о причинах и факторах развития живого мира. «В качестве философского вывода ламаркизм (т. е. «неоламаркизм») устанавливает поэтому вместо психо-физического параллелизма причинную связь между материей и душой, или их «единство» (психический монизм с психо-физической каузальностью) (Гартман). Это же ведет вместо деизма к панпсихизму и пантеизму».¹⁰⁵ Эта психофизическая каузальность, при помощи которой психоламаркизм и установил единство материи и души, означает то, что все в органической природе совершается как деятельность души, психики. Все совершается в психике, физическое (материя) само собой ничто. «Мышление и действие тождественны» — изрекает другой видный психоламаркист, профессор зоологии в Мюнхене А. Паули. Конечно, это — монизм. Но этот монизм представляет собой чистейший идеализм. В этом психомонистическом единстве материи и души первичной является душа, как определяющая и активная сила, а материя по выражению Копы выступает лишь как «физическая база» ее деятельности.

Таким образом, классический ламаркизм, в котором его деистическая философия была особой исторической формой проявления материализма, превращался в виде психоламаркизма в открытый идеализм, в панпсихизм.

Небезынтересно отметить, что неоламаркизм, совершая это развитие, сделал это под знаменем борьбы за естественное объяснение развития органического мира, за устранение сверхъестественных моментов из ламаркизма. Дело в том, что, хотя Ламарк и приписывал индивидуальной психике некоторое участие в процессе изменений организмов как деятельному началу, но его учение со своей деистической точки зрения предполагало существование объективных закономерностей общего развития живой природы. Хотя эти закономерности у Ламарка и имели телеологический характер, как predetermined пути, установленные высшим существом, стоящим вне природы, но все же их действие в отношении индивидов живого мира имело объективный характер. Против этой «сверхъестественности» и выступает неоламаркизм. В качестве более естественного объяснения развития органической природы неоламаркизма в виде психоламаркизма и предлагает свое положение, которое, считая психику всеобщим и единственным активным началом эволюции исключительно всех живых существ и даже протоплазмы, понимает это как индивидуальную психическую деятельность, тем самым делая эволюционное развитие зависимым от особи, от ее воли и способности суждения.

¹⁰⁵ Там же, стр. 103.

Этим, по мнению психоламаркистов, устранено сверхъестественное из объяснений изменения живого мира. В этом отношении интересно, что психоламаркизм, открыто признавая телеологический принцип в своих концепциях, различает свой телеологизм от телеологизма классического ламаркизма и вообще от деистической или теистической телеологии. Знаменательно, что психоламаркизм делает это, как уже отмечалось, под знаменем борьбы против внедрения участия сверхъестественных сил в развитии живой природы, под знаменем борьбы за естественное объяснение явлений эволюционного развития. «Таким образом, причину телеологии нужно искать не в сверхъестественном (метафизическом), а только в психическом».¹⁰⁶

Конечно, борьба против сверхъестественного истолкования явлений развития живого мира — положительная сторона неоламаркизма. Но психоламаркизм в разгаре этой борьбы «вместе с водой выбрасывает из ванны и ребенка» — вместе с сверхъестественным отбрасывает и объективность законов развития живой природы. Эта борьба не выводила неоламаркизма из порочного круга идеализма, но вела его только к другой, более худшей форме идеализма. С позиции этой борьбы неоламаркизм отвергал и материалистическое дарвинистское объяснение происхождения и развития организмов. Основой этого является утверждение, будто дарвинизм, говоря о прогрессивном характере общего хода развития живых существ, допускает теистическую или деистическую, т. е. сверхъестественную трактовку явлений живой природы. Точка зрения психоламаркизма в этом отношении полностью содержится в следующих словах Франсэ: «... прогресс совершается не планомерно, а под влиянием нужды. Новейшая телеология, к которой естествознание снова пришло обходным путем через Дарвина, абсолютно не может быть истолковано в теистическом смысле, ибо нам известна ее естественная причина...»¹⁰⁷ Этой естественной причиной в психоламаркистском понимании является психическая деятельность организмов. Несомненно, разница между этими двумя «видами» телеологии имеется. Но спор о том, является ли причиной предопределенного развития воля бога или воля самого индивида — второстепенный, так как основной вопрос: что является первичной причиной эволюционного развития живых существ — воля, усилие, стремление — одним словом идея, сознание — нематериальное, или сама материя и ее закономерности — разрешается ими одинаково идеалистически. Это лишь спор между двумя течениями идеализма.

Так же идеалистически отвечает на этот вопрос и другое основное направление в неоламаркизме — механоламаркизм, который пытается разрешать все вопросы, связанные с эволюционной теорией развития организмов, исходя из физико-механических сил

¹⁰⁶ Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма. СПб, 1908, стр. 103; разрядка автора.

¹⁰⁷ Там же, стр. 81.

и законов. Согласно взглядам механоламаркистов (Штейнман, Н. Земпер, Н. Н. Яковлев и др.) изменения в строении организмов происходят под непосредственным влиянием физических условий окружающей среды — в виде приспособления организма к механическим и физическим условиям жизни. Но это, по механоламаркизму, не основа и причина эволюционного развития филогенетических ветвей. Действительной причиной, фактором эволюционирования живых существ, механоламаркисты считают особую, неизвестную внутреннюю силу. В отношении характера и природы этой силы среди механоламаркистов нет единогласия. Каждый из них представляет эту силу по-своему, и было бы напрасно искать у них ясного понимания того, что в действительности представляет собой эта внутренняя сила. Их взгляды совпадают только в одном пункте: в понимании всех родов механоламаркистов эта внутренняя сила представляет собой какую-то нематериальную категорию, свойственную только живым существам и выступающую либо в виде «стремления к усовершенствованию», особого «внутреннего закона развития», «ортогенеза», или в виде «особой силы жизни», действие которой имеет автогенетический характер. Материальное (т. е. эти механические и физические процессы изменения) по существу выступает лишь в качестве материала для действия этой надматериальной категории, для осуществления predetermined цели. Материальное в сущности представляет лишь воплощение идеального.

Механоламаркизм свободен от некоторых крайностей субъективистского психизма. Он, так сказать, более объективен, но несмотря на это, механоламаркистские положения об особой неизвестной внутренней автогенетической силе имеют такой же мистический характер, как панпсихизм психоламаркизма. Оба они являются различными способами толкования явлений эволюционного развития с одной и той же общей идеалистической позиции «неоламаркизма».

Здесь надо отметить еще одну особенность, которая характеризует неоламаркизм как особую форму проявления идеализма в естествознании. Как мы видели, основной вопрос философии неоламаркизм разрешает идеалистически. Неоламаркизм приписывает первичную, определяющую роль в эволюционном развитии организмов духовному в виде сознания, воли, привычки, усилия или стремления — нематериальной, идеальной категории, не зависящей от материального мира. Причинная связь между духовным и материальным (установление которой неоламаркизм считает своей величайшей заслугой) в неоламаркистском монизме такова, что духовное, нематериальное управляет каждым актом изменения материальной действительности и направляет ее ход развития. Идеальное выступает как единственное активное и направляющее начало эволюционного развития организмов. Но в то же время, признавая свободу духовного, свободу воли, ее неза-

зависимость от материального, неоламаркизм втискивает действие этой свободной воли в рамки механико-физических законов. По неоламаркизму (как психо-, так и механоламаркизму) независимое от материального и первично определяющее нематериальное действует, не нарушая физических законов материального, а, напротив, проявляет свою деятельность согласно этим законам. Эта глубокая противоречивость обуславливает и непоследовательность неоламаркистского, особенно психоламаркистского, идеализма. Неоламаркистский панпсихизм, делая эволюционное развитие зависимым от собственной воли особи, одновременно пытается установить общие закономерности эволюирования организмов в течение долгих, даже в геологическом смысле, периодов, как абсолютных законов развития (например, закон акцелерации и ретардации у Копэ и Гайэтта). Это явное отступление от своих основных исходных позиций. Эта серьезная непоследовательность обусловлена тем, что неоламаркизм, сделав большой шаг в направлении к открытому идеализму, не мог идти до конца, так как не мог отрицать существование объективного материального мира, объективной реальности, из-за специфики палеонтологической (и вообще биологической) науки. Таким образом, неоламаркисты, с одной стороны, верят в примат и свободу духовного, идеального, как проявления субъективного сознания, воли и т. д., но в то же время признают существование объективного материального (т. е. механико-физического) мира и его закономерностей. Это обстоятельство обуславливает эклектицизм взглядов неоламаркистов. Общей особенностью исключительно всех неоламаркистских концепций является их эклектический характер. Ламаркистские концепции представляют собой эклектическое соединение, с одной стороны, идеализма и с другой — положений механистического материализма. Взгляды неоламаркистов на жизнь и ее эволюцию — смесь вульгарного механистического материализма и открытого идеализма при преобладании последнего.

Более того, неоламаркизм толкует и связь между духовным и материальным, между психическим и физическим в духе механицизма. Дело в том, что если духовное, психическое (или какая-то другая нематериальная категория) выступает как активное начало движения материального, если духовное вызывает изменение и развитие материальной реальности и руководит этим развитием, одновременно не нарушая законов этого материального и действуя согласно этим законам, то отсюда следует, что и это духовное, нематериальное действует в данном случае как материальное, в понимании неоламаркистов как механическое или физическое. И действительно, неоламаркизм в большинстве случаев рассматривает духовное с позиции механицизма, превращая духовное, психическое, в особый род механической энергии, которая подчиняется законам механики и физики. «Современный ламаркизм (т. е. «неоламаркизм») видит причину приспособлений и зависи-

щей от них эволюции в психических способностях плазмы, которые он толкует в энергетическом смысле».¹⁰⁸ Так, Коп, приписывая сознанию исключительно важное место в природе, рассматривал сознание как первоначальное состояние энергии, и вся его концепция о путях и факторах эволюционного развития организмов разработана в духе энергетизма. Гайэтт также рассматривал сознание и вообще психическое как особый вид внутренней энергии.

Энергетизм получает в конце XIX и начале XX веков чрезвычайно широкое распространение и популярность в различных отраслях естествознания. Посредством энергетизма палеонтологический идеализм, если можно так выразиться, тесно смыкается с физическим идеализмом, «... психомонистический неоламаркизм доходит как раз до того же, до чего дошла и физика эпохи электронов: именно до энергетики».¹⁰⁹ Конечно, энергетизм в разных отраслях естествознания имеет свои специфические особенности, зависящие от специфики данной науки. Но всех их роднит одно — идеалистическое толкование явлений природы, как неорганической, так и органической, сущность и корни которого полностью раскрыл В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм». Как вообще энергетизм, так и его неоламаркистский вид, лишь особая, более прикрытая, форма идеализма в естественных науках. Энергия здесь лишь «более научное» выражение духовного. Она как активная категория отделена от пассивной материи, и только внедрение энергии приводит в движение материя.

Таким образом, в конце XIX и начале XX веков палеонтологическая теоретическая мысль переживает глубокий кризис. Теоретическая палеонтология попадает в тупик, что выражается в большой путанице и хаосе в вопросах теории эволюционного развития организмов. Это сопровождается отступлением от материалистических позиций в вопросах жизни и ее эволюирования, и интенсивным наступлением всевозможных идеалистических концепций с признанием внутренней телеологии жизни и одушевленности природы.

Явления, указывающие на кризисное состояние в палеонтологической науке в конце XIX и начале XX веков, не случайны для развития этой науки. Кризис в палеонтологии вызван не побочными обстоятельствами, не внесен в науку извне, а представляет собой закономерный результат развития данной науки как сложного общественного явления, выражающий определенный исторический этап этого развития, зависящий от всех сторон развития общественной жизни. Развитие палеонтологии, как и всякой науки, определяется сложным комплексом разнородных обстоятельств. Поэтому и причины данного кризиса надо искать в условиях развития палеонтологии.

¹⁰⁸ Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма. СПб., 1908, стр. 103.

¹⁰⁹ Там же, стр. 63; разрядка автора.

Наука — одна из областей мыслительной деятельности человека. Она представляет собой специфическую форму познания объективной реальности. Предметом изучения естественных наук, его объектом познания, является окружающая человека природа в ее многообразных проявлениях, с которой человек взаимодействует в процессе производства. Цель естествознания, его непосредственная задача познавательная — снять занавес с тайн природы, открыть закономерности природных явлений и процессов. В силу этого естествознание, как вообще вся духовная деятельность человека, в известной мере (в большей или меньшей степени, что зависит от вида этой деятельности) отделяет себя от своей материальной базы, от общественно-производственной практики, превращаясь в внешне независимую область человеческой жизни. Развитие естествознания — это процесс познания окружающей природы, движение познания от незнания к знанию. Этот процесс выражается в развитии научных понятий, категорий, законов, гипотез и теорий. В ходе развития естествознания одни понятия, теории и т. д. заменяются другими. Все это — процесс движения научного познания от одной ступени к другой. При этом очень важно иметь в виду для правильного понимания развития науки, что разные гипотезы, теории и т. д. в развитии науки располагаются не одна после другой или одна возле другой, а в борьбе друг с другом. Развитие естествознания как познания является бесконечным процессом, в ходе которого мышление человека все более приближается к объективной истине, все глубже и глубже отражая явления природы и их закономерности. Этот процесс неизбежно проходит через определенные этапы развития. Естествознание в своем развитии, как вообще познание в целом, не может перескочить от одной ступени к другой, не пройдя предыдущей. Развитие науки имеет поступательный характер. Поэтому естествознание, несмотря на то, что его развитие в конечном итоге определяется общественным производством, имеет свои собственные внутренние закономерности развития, свои логические законы движения в направлении более глубокого и адекватного познания природы. Поэтому развитие естествознания, открытие отдельных законов, выдвижение гипотез, теорий и т. д., может происходить и часто действительно происходит без прямого стимула со стороны производства. Развитие естествознания иногда обгоняет в некоторых областях развитие производительных сил, общества, или идет дальше, чем этого непосредственно требуют нужды производственной практики, но нередко наука и отстает от развития производства.

Развитие науки, научного мышления, является диалектическим процессом познания, потому что мышление, будучи лишь функцией материи, достигшей в человеческом мозгу высшей степени совершенства, отражая объективную действительность, подчиняется тем же диалектическим законам развития, что и материя и общество, продуктом которых оно является. По выраже-

нию Энгельса, между процессами мышления и процессами природы и истории существует глубокая аналогия. «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собою». ¹¹⁰ Развитие естествознания происходит путем преодоления внутренних противоречий, борьба которых составляет внутренний источник движения научного мышления. Эти противоречия естествознания являются, с одной стороны, отражениями противоречивого характера развития той объективной реальности, которая является объектом изучения данной отрасли науки, а, с другой стороны, противоречий развития общества, родным детищем которого она является. Поэтому и объяснения явлений, связанных с развитием естествознания, надо искать, исходя из этого своеобразия научного познания.

Возникновение и распространение идеализма в палеонтологии в конце XIX и начале XX веков тесно связано с развитием палеонтологической мысли и вообще с биологическими науками, с вопросами, которые возникли перед учеными в ходе развития данной науки. Причины кризисных явлений в палеонтологии, содержанием которых является большая путаница, «колебание мысли» в вопросах, касающихся факторов и закономерностей эволюирования органического мира, связаны с важными гносеологическими проблемами и имеют объективную основу в самой науке. Как в физике, так и в палеонтологии «сам прогресс науки обуславливает реакционные претензии». ¹¹¹ Однако, говоря, что кризис в палеонтологии не случайное, а закономерное явление, связанное с развитием палеонтологической науки, надо иметь в виду, что это не кризис палеонтологии вообще, но кризис старой метафизической науки. Совершенно неверно было бы утверждать, что идеализм с необходимостью вытекает из достижений и выводов науки, в данном случае из выводов палеонтологии в рассматриваемый период. Молодая эволюционная палеонтология достигла в этот период больших успехов, ее выводы в отношении развития организмов представляли собой важные, неопровержимые доказательства в пользу эволюционизма и тем самым говорили за материалистическое объяснение явлений живой природы. Не эти достижения, не сам прогресс науки, хотя они и создают для этого возможности, а ложные предвзятые положения и идеи многих естествоиспытателей, которые еще не освободились от влияния старой метафизической школы, обусловили неправильные, в сущности идеалистические, высказывания в отношении эволюционного развития живых существ. Метафизика в мышлении — вот причина этой путаницы и колебания палеонтологической мысли

¹¹⁰ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 213.

¹¹¹ В. И. Ленин, *Материализм и эмпириокритицизм*. Соч., т. 14. 1952, стр. 285.

в данный период, ведущей к идеализму. Кризис в палеонтологии — это кризис метафизической палеонтологии. Палеонтология в целом сделала в это время огромные шаги вперед по пути плодотворного изучения истории развития органического мира на основе эволюционного учения. Сущностью кризиса является раскол между фактическими достижениями и фактами, указывающими прямо на материальный и диалектический характер развития живой природы, и метафизическим толкованием этих фактов. Этим метафизика окончательно показала свою непригодность в качестве общего метода науки. Это так же закономерно, как и возникновение метафизического склада мышления. Это закономерный результат общего хода развития человеческого мышления, в том числе развития палеонтологии и вообще всех естественных наук. В этом смысле кризис и является закономерным явлением.

Причины возникновения идеализма в палеонтологии, которые мы рассмотрели, связаны с гносеологической стороной науки, связаны с развитием естествознания как специфической формы познания. Но наука — общественное явление, возникновение и развитие которого неразрывно связано с нуждами общества, прежде всего нуждами и требованиями производства материальных ценностей. Хотя непосредственной задачей естествознания является познание окружающей нас природы, целью научного познания, как вообще познания в целом, является служение человеку для его существования, а не просто знание ради знания. Эту сторону возникновения естественных наук всегда подчеркивали основоположники диалектического и исторического материализма. «Итак, уже с самого начала, возникновение и развитие наук обусловлено производством».¹¹² Непосредственная зависимость естествознания от производства материальных благ обусловлена тем, что эти науки в своей общественной роли выступают как одно из существенных средств для разрешения задач производственной практики. Связь человека с окружающей средой, без которой существование человеческого общества невозможно, может осуществляться только на основе данных познания, которые дают человеку представление об окружающих его условиях. Основной формой общения человека с природой является производство необходимых для жизни материальных средств. Цель естествознания — дать путем познания явлений и закономерностей природных процессов возможность подчинять силы и богатства природы. Декарт, выражая эту практическую цель научного познания, писал: «. зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы точно таким же способом использовать их для всевозможных применений и тем самым сделаться хозяевами и господами приро-

¹¹² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 145.

ды». ¹¹³ Поэтому разные задачи естествознания в разные периоды развития общества всегда непосредственно определены нуждами производства.

Но производство не только определяет задачи науки. Производство одновременно создает и возможности и предпосылки для успешного разрешения этих задач. Слова Маркса о том, что человечество ставит перед собой только такие задачи, которые оно может разрешить, — действительны в полной мере и в отношении науки. Развитие общественного производства выдвигает перед естествознанием только такие задачи, для разрешения которых у него имеются необходимые предпосылки. Эти предпосылки заключаются прежде всего в общем уровне развития производительных сил, т. е. в состоянии техники, но не только техники, а и в уровне развития производственного опыта и навыка людей — главной составной части производительных сил. Развитие науки определяется всей суммой знаний, общим уровнем человеческого познания, основой которого является производственная практика людей. «Если техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребности техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает технику вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что рациональное только с тех пор, пока была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто они свалились с неба». ¹¹⁴ Таким образом, в основе развития естествознания лежит экономическая необходимость. Самостоятельность духовной жизни, вместе с тем и науки, относительна, ее независимость кажущаяся.

Но это совершенно правильное положение марксизма о зависимости развития науки от экономических потребностей производства, доказанное историей общества, нельзя понимать упрощенно, как будто развитие науки представляет пассивное непосредственное отражение развития производительных сил. Данное положение касается вопроса о месте науки среди других явлений общественной жизни и соотношений между ними. Этот вопрос можно правильно разрешить только с точки зрения исторического материализма, который учит, что духовная жизнь общества определяется условиями материальной жизни людей и прежде всего производством материальных благ. Это положение означает главным образом то, что науки, по выражению Энгельса, не свалились с неба, а что корни их возникновения и развития находятся в эко-

¹¹³ Р. Декарт, Рассуждение о методе. Избранные произведения. Москва, 1950, стр. 305.

¹¹⁴ Ф. Энгельс, Письмо к Штаркенбургу от 25 января 1894 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1949, стр. 484.

номической, в материальной области жизни человеческого общества. Только исходя из этого основного положения можно найти ключ к правильному объяснению явлений, связанных как вообще с развитием науки в целом, так и с развитием ее отдельных отраслей.

Производство всегда есть общественное явление. Отношения человека с природой осуществляются всегда только через отношения между людьми. Поэтому производственная практика как общественная деятельность производительных сил неразрывно связана с практикой производственных отношений, со структурой общественного производства. Это лишь две неразделимые стороны единого общественного явления — способа производства материальных благ. Таким образом, развитие естествознания зависит не только от непосредственных нужд и требований производства, т. е. производительных сил, но и от требований практики производственных отношений и на этой основе и от требований надстроечных идеологических отношений. Основой развития естественных наук, определяющей их главные задачи, возможности и методы их разрешения, является не только производственная практика, а вся общественная практика во всей сложности.

Итак, для лучшего понимания явлений, связанных с развитием естествознания, надо иметь в виду, что, с одной стороны, основой развития естественных наук как познавательного процесса является главным образом производственная практика, непосредственный процесс производства как таковой — отношение людей к природе. То, что объектом изучения естествознания является природа, и что научное познание природы обслуживает прямо интересы производства материальных средств, необходимых для существования всех людей, обуславливает неклассовый характер естественных наук. Но, с другой стороны, общественная практика, в том числе и производственная практика, всегда осуществляется в определенной системе производственных отношений, всегда зависит от экономической структуры данного общества, определяющей, кому в данном обществе производство служит. В классовом обществе, несмотря на то, что производство осуществляется как необходимое условие существования всего общества, оно служит и интересам той части общества, того класса, в чьих руках находятся средства производства. Здесь производство уже выступает не как основа существования общества, а как средство удовлетворения интересов известной части общества. Этим и определяется то обстоятельство, что производство в то же время обуславливает классовость применения естествознания, несмотря на неклассовый характер последнего. Всегда, в каждый исторический период практика того класса, который владеет производительными силами и занимает господствующее место в производственных отношениях и им соответствующей идеологии, политических и общественных учреждениях, оказывает существенное влияние на научное исследование, на его направление, цели, ме-

тоды и содержание. Развитие естествознания, таким образом, зависит не только от состояния и развития производительных сил, а обуславливается всей совокупностью общественных отношений, в том числе развитием производственных отношений и всей надстройки общества. Так, производство в капиталистическом обществе, хотя и служит интересам существования общества в целом (как вообще в течение всей истории), все же является средством получения прибыли для капиталиста. Дух капиталистического общества пытается все подчинить этому стимулу начиная от производства и кончая наукой.

Отмеченное обстоятельство оказывает сильное влияние на развитие естествознания, обуславливая глубоко противоречивый характер развития естественных наук в обществе, разделенном на антагонистические классы. Это хорошо показывает развитие естествознания в капиталистическом обществе. Пробуждение естественных наук и начало их бурного развития совпадает с началом возникновения и образования капиталистических экономических отношений. Подъем капитализма сопровождался бурным развитием производительных сил, развитием техники. Это в свою очередь вызвало быстрое развитие различных наук, в которых техника черпает свою силу. Как экономика, так и наука в это время поднялись против средневековой феодальной косности и отсталости. Буржуазии были нужны в ту эпоху как «позитивные» данные естествознания, так и его теоретические обобщающие выводы в качестве оружия против церковной идеологии. Борьба велась на всех фронтах и вследствие этого человечество сделало огромный шаг вперед.

Развитие капитализма оказывало продолжительное время на развитие наук благотворное влияние. Но уже довольно скоро после победы как в экономической, так и политической областях, проявляется ограниченность исторической роли капитализма. Прогрессивность капитализма относительна. Его стимулирующее и революционизирующее влияние на развитие разных сторон общественной жизни проявлялось только до тех пор, пока он не сыграл свою историческую роль и пока не открылись его собственные внутренние противоречия. Этого не пришлось ждать долго. Уже в начале XIX века выяснилось, что капитализм не ликвидировал основную причину бедствий общества — разделения людей на богатых, составляющих лишь маленькую часть общества, и на бедных, которые образуют большинство человечества, но доля которых в общественном богатстве ничтожна, и которые живут в постоянной нужде. Капитализм дал лишь новую форму этому разделению. Вместе с развитием капитализма развиваются и его противоречия. Чем больше укрепляется и развивается буржуазия, тем быстрее развивается и ее антагонист — могильщик капитализма — пролетариат. Вместе с увеличением благополучия буржуазии увеличиваются бедствия пролетариата. Но капитализм вместе с увеличением бедствий и нужд пролетариата увеличивает

и его организованность и самосознание, и скоро пролетариат начинает открыто предъявлять свои требования. С момента, когда на историческую арену выступает пролетариат как самостоятельная политическая сила, требующая преобразования существующих общественных порядков, буржуазия уже не стоит за развитие общества и всеми силами борется за свое господствующее положение. Эта борьба накладывает свою печать на все области проявления общественной жизни, вместе с тем и на науку.

XIX век является важнейшим переломным периодом в развитии естествознания. Во всех областях естествознания последовательно рушатся старые убеждения и принципы, по которым задачей истинной науки является лишь точное определение и разделение явлений и предметов, разгадка плана высшей творческой силы. Естествознание превращалось из чисто описательной науки в науку теоретическую, объясняющую, каким образом возник порядок, господствующий в природе, каковы причины этого процесса. Каждое открытие в естествознании показывало, что природа и весь мир не представляет собой неизблемого и неизменяемого, установленного богом на все времена, вечного порядка, а является следствием развития материи. Каждое открытие естествознания доказывало, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи, которая изменяется по своим внутренним закономерностям. Но эти материалистические устремления и выводы науки, которая ищет объяснения и причины вещей в них самих, пытается открыть сущность вещей, их возникновение и законы развития, изменения, не были уже по вкусу буржуазии. Буржуазия, которая в борьбе с феодализмом широко и смело опиралась на материалистические выводы естествознания, используя их против теологической идеологии средневековья и для оправдания и основания своих целей, теперь, потеряв свою революционность и превратившись в класс, который заинтересован в сохранении существующих порядков — существующих капиталистических производственных отношений — выступает против таких выводов науки, не подкрепляющих жизненные интересы этого класса. Но с другой стороны, несмотря на проявившиеся глубокие противоречия, капитализм в целом тогда еще шел по восходящей линии. Промышленное и сельскохозяйственное производство росло в быстром темпе. А это обуславливало потребность развития естествознания как основы современной промышленности и сельскохозяйственного производства. Таким образом естествознание оказалось в противоречивом положении — с одной стороны, от него требовали изучения и открытия законов явлений и процессов природы, а, с другой стороны, запрещали делать из этих открытий соответствующие выводы в отношении природы и общих закономерностей действительности. Это противоречие характеризует все развитие естественных наук в XIX веке и является ключом для понимания многих сторон и явлений этого процесса.

Противоречивое отношение буржуазии к естествознанию и

является одной из причин интенсивного распространения эмпиризма в разных формах среди естествоиспытателей в данный период. Основная идея всякого рода эмпиризма — не рассуждать (только факты представляют предмет истинной науки) — замечательным образом совпадает с социальными интересами класса капиталистов. Проповедь эмпиризма имела прямой социальный смысл. Этого не скрывали и сами авторы разных течений эмпирической философии. Не случайно, что позитивизм, один из наиболее распространенных видов эмпиризма в естествознании, который оказывает большое влияние на умы естествоиспытателей до сегодняшнего дня, возник в первые десятилетия XIX века во Франции, именно в тот период, когда пролетариат вел там свои первые бои против буржуазии. Позитивизм появился как «спаситель существующего общественного порядка», призванный ликвидировать «умственную анархию», как причину кризиса буржуазного общества в тридцатые годы XIX века во Франции. Вот что говорит Огюст Конт, создатель «положительной философии»: «Наконец четвертое и последнее основное свойство науки, названной мной положительной философией, на которое я должен указать теперь же, и которое, по своему громадному практическому значению, должно более всего привлечь к ней всеобщее внимание, состоит в том, что положительную философию можно считать единственной прочной основой общественного преобразования, имеющего положить конец тому критическому состоянию, в котором так давно уже находятся наиболее цивилизованные народы».¹¹⁵ Эти слова написаны в 1830 году, когда французский пролетариат угрожал дальнейшему господству буржуазии. Не народы, а буржуазия находилась в критическом состоянии и ей в помощь появилась «положительная философия». Причину этого «великого политического и морального кризиса современного общества» отец позитивизма видит в том, что люди занимаются «метафизической философией», т. е. пытаются раскрыть внутренние причины явлений, пытаются найти объяснения существующих бедствий капиталистического строя. Эти «метафизические» вопросы, которые по положительной философии являются неразрешимыми и выходящими за пределы действительной науки, истинного познания, обуславливают глубокое разногласие умов «относительно всех основных вопросов жизни», причину всех общественных смут. Выходом из этого «кризиса» и является «положительная философия», которая устанавливает «твердое отношение» людей к вопросам жизни, являющееся, по словам Конта, «первым условием истинного социального порядка».¹¹⁶ Это «твердое отношение» состоит в том, что «в положительном состоянии человеческий дух познает невозможность достижения абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существую-

¹¹⁵ О. Конт, Курс положительной философии. Т. 1, СПб, 1899, стр. 20—21.

¹¹⁶ Там же, стр. 21.

шего мира и от познания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т. е. их неизменных отношений последовательности и подобия». ¹¹⁷ Конт советует пролетариату вместо политической борьбы за свои права и «метафизических» попыток найти причины существующей несправедливости умственное совершенствование в духе «положительной философии» на основе общественного порядка. Действительные стремления «положительной философии» без всякого прикрытия выражены в следующих словах Конта: «... положительная школа стремится, с одной стороны, укреплять все современные прерогативы власти за их обладателями и, с другой, налагать на последних моральные обязанности, все более и более соответствующие истинным потребностям народов». ¹¹⁸ Этой «истинной» потребностью народа является, по Конту, умственный прогресс на основе «положительной философии». «Видя в нем сначала всеобщее основание всей человеческой мудрости, они (т. е. пролетарии) будут затем находить в нем, как в изящных искусствах, обычное приятное развлечение от своих повседневных трудов». ¹¹⁹ И занятие позитивистской философией приведет пролетариат к убеждению, что «действительное счастье совместимо со всякими условиями существования, лишь бы они были честно выполнены и разумно приняты». ¹²⁰ Этому «разумному принятию» капиталистических условий существования и служит вся система позитивной философии и на ее основе этому же должна служить и наука.

Классовые интересы оказали существенное влияние и на развитие биологических наук, в частности на судьбу эволюционизма. Уже в конце XVIII и начала XIX веков в ходе развития биологических наук с особой силой поднялся вопрос о разрешении некоторых основных проблем, связанных с изучением живой природы. На разрешение этих научных вопросов, кроме других обстоятельств, сильное влияние оказали социальные и политические убеждения ученых. Креационизму удалось так долго играть господствующую роль в биологических науках именно потому, что его основной принцип, выраженный Кювье (которого Огюст Конт называл «знаменитым положительным философом» ¹²¹), по которому «ученым надлежало лишь разгадать план творческой силы и в более широких и в более узких границах и определить место разным группам животных в наших системах согласно этому разгаданному плану», ¹²² прямо служил интересам господствующего класса. Но в конце первой половины XIX века борьба между креационизмом и эволюционизмом, происходившая выше

¹¹⁷ Там же, стр. 4.

¹¹⁸ О. Конт, Дух позитивной философии. СПб, 1910, стр. 59.

¹¹⁹ Там же, стр. 64.

¹²⁰ Там же, стр. 65.

¹²¹ О. Конт, Курс положительной философии. Т. 1, СПб, 1899, стр. 17.

¹²² М. Мензбир, За Дарвина. 1927, стр. 83.

полвека, окончилась победой последнего потому, что в основе этого лежала не только логическая, но и экономическая необходимость. В то же время, с другой стороны, исходящие из теории Дарвина последовательно материалистические выводы непосредственно касались идеологических интересов господствующего класса. И борьба креационизма против эволюционизма нашла активную поддержку со стороны реакционных сил общества. Однако судьба креационизма была решена. Весь ход исторического развития был против него. Но идеализм, потерпев одно из крупнейших своих поражений, не был до конца уничтожен. После победы эволюционизма он приобретал новую форму проявления в биологических науках. Вообще возможность идеалистического толкования известных явлений и процессов действительности остается до тех пор, пока продолжается познание человеком окружающей действительности. Корни идеализма прежде всего скрываются в самом процессе познания и связаны с гносеологическими проблемами. Познание — сложный процесс вечного приближения отражения к действительности. «Познание человека не есть (*respektive* — не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали».¹²⁴ В этом процессе всегда существует возможность для одностороннего, прямолинейного подхода к вопросам, как говорил Ленин, «любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию. .».¹²⁵ Именно в этом метафизическом подходе, в одностороннем рассмотрении заключаются гносеологические корни идеализма. Идеализм — паразит на здоровом теле человеческого познания, который пытается использовать каждую трудность познания для дискредитации способностей человеческого ума. Идеализм «есть п у с т о ц в е т, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, все-сильного, объективного, абсолютного человеческого познания».¹²⁶

Однако живучесть идеализма, его «жизненную силу» нельзя объяснять только его гносеологическими основами. Особое распространение и влияние идеализм получает там, где его «закрепляет классовый интерес господствующих классов».¹²⁷ Идеализм, будучи результатом одностороннего, прямолинейного подхода к сложному процессу действительности, неизбежно превращает данную историческую реальность в метафизическую абсолютную и вечную истину. Тем самым идеализм во всех его разновидностях дает важный аргумент в руки господствующего класса для оправдания существующей действительности и своей руководящей роли в ней. Одновременно, с другой стороны, идеализм, делая материальную действительность зависимой от идей субъекта, или от идей бога,

¹²⁴ В. И. Ленин *Философские тетради*. 1934, стр. 328.

¹²⁵ Там же, стр. 328.

¹²⁶ Там же, стр. 328.

¹²⁷ Там же, стр. 328.

уводит человеческий ум в сторону от изучения настоящей действительности, от исследования ее явлений и порождающих их причин. Поэтому идеализм в антагонистических обществах всегда находит горячую поддержку и сочувствие у реакционных господствующих классов. Материализм, напротив, объявляя критерием истинности существующих порядков практику самой действительности, считая, что причины явлений реальности скрываются в развитии самой действительности, направляет и мобилизует людей на всестороннее исследование объективной действительности и раскрытие ее внутренних закономерностей развития. Поэтому и революционные прогрессивные силы общества, которые свою силу черпают из развития объективной реальности, опираются на материализм как на теоретико-идеологическую основу своей практической деятельности. Поэтому реакционные классы общества яростно нападают на материалистическую философию и на материалистические теории и выводы науки, которые не говорят в их пользу и служат опорой силам, стремящимся изменить существующие порядки.

Социальная функция идеологических отношений, в том числе и науки, классовая заинтересованность в одной или другой теории, с особой силой и недвусмысленно проявляется в переломные моменты развития общества, в так называемые критические периоды общества. В конце XIX века в развитии капиталистического общества произошли серьезные изменения. Капитализм вступил в новую — империалистическую стадию своего развития. Империализм, как показал Ленин, это загнивающий капитализм, это — канун социалистических революций. Противоречия капиталистического общества в эпоху империализма крайне обостряются. Главное, что характеризует отношения сил в период империализма, то, что буржуазия, развив мощные производительные силы, не может больше с ними справиться. Капиталистические частно-собственнические производственные отношения находятся в вопиющем противоречии с общественным характером производительных сил. Слова Маркса и Энгельса о том, что «буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии больше справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»,¹²⁸ с особой силой характеризуют положение буржуазии в эпоху империализма. Дальнейшее развитие производительных сил уже не укрепляет капиталистических производственных отношений, а угрожает им уничтожением. Поэтому буржуазия вынуждена вступить на путь ограничения развития производительных сил. Это обуславливает и ограничение естествознания, которое в первую

¹²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Избр. произведения, т. 1, 1949, стр. 14.

очередь выступает в виде открытого наступления на материалистические выводы и теории науки, представляющие непосредственную опасность для существующих буржуазных порядков *. В эпоху решительной борьбы между буржуазией и пролетариатом не может остаться незатронутой ни одна сторона общественной жизни. И классовый характер научных теорий проявляется в этот период наиболее ясно. «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет».¹²⁹ Это правильно не только в отношении гуманитарных наук, как история, политическая экономия, социология и т. д., которые непосредственно касаются отношений между классами, но и в отношении естественных наук, которые в XIX веке дошли до таких вопросов, разрешение которых имеет непосредственное мировоззренческое значение, тем самым прямо касаясь классовых интересов.

Чрезвычайно сильное распространение идеализма и отказ от дарвинистских принципов объяснения процесса развития живых существ, связанные с кризисными явлениями в палеонтологической науке в конце XIX и в начале XX веков, не объясняются только гносеологическими причинами. Кризис в палеонтологии, это «колебание мысли» в вопросах о факторах и закономерностях эволюционного развития, приводящее к идеалистическому толкованию процесса эволюции, был подкреплён и углублён общим наступлением на материалистические тенденции и концепции естествознания, общей проповедью субъективизма, агностицизма и т. н. «научного объективизма». Отказ от дарвинистских принципов — прежде всего отказ от материалистического объяснения развития живой природы. Дарвинизм считался символом материализма, и это, конечно, правильно. Развитие палеонтологии, и вообще всех биологических наук, особенно ее кризис в конце XIX и начале XX веков, безоговорочно показывает правоту положения, не раз выраженного К. А. Тимирязевым и другими выдающимися учеными, что в дарвинизме идею об эволюции нельзя отделять от объяснения, каким образом эволюция происходит. Главным в дарвинизме является не идея эволюции, а принципы, из которых эта теория исходит при объяснении эволюционного процесса. Эволю-

* Из этого нельзя сделать вывод, что в эпоху империализма вообще не происходит развития как производительных сил, так и естествознания. В силу конкуренции (продолжающейся и при господстве монополий) и с целью получения максимальной прибыли, также из-за характера крупного машинного производства, требующего применения данных естествознания, буржуазия вынуждена развивать науку. Но развитие науки, как и производительных сил и всего капиталистического общества, в условиях империализма имеет в высшей степени неравномерный и противоречивый характер. Буржуазия способствует развитию только тех отраслей науки, которые служат прямо интересам получения максимальной прибыли, т. е. которые главным образом связаны с производством военных материалов. Развитие науки имеет в эпоху империализма исключительно односторонний характер и направление.

¹²⁹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 13.

ционная идея не принадлежит Дарвину. Ему принадлежит доказательство и объяснение процесса эволюционного изменения организмов. Это удалось ему прежде всего из-за общих принципов, из которых он исходил при разрешении данной проблемы. А эти основные положения дарвинизма до конца материалистические. Именно против них и выступали всякого рода идеалисты. Атака, которая велась в рассматриваемый период против дарвинизма, ни в малейшей степени не касалась самого факта развития, но была исключительно направлена против активных сил этого развития, открытых Дарвином. Все силы идеалистов были сосредоточены на доказательстве несостоятельности дарвиновских положений относительно факторов и закономерностей эволюции организмов, т. е. на опровержении материализма в этих вопросах. Сущность этого общего похода, одной частью которого является неоламаркизм и другие идеалистические и антидарвинистские течения в палеонтологии, красноречиво выражена в следующих словах Э. Деннерта, одного из наиболее ярких противников дарвинизма, который в своей книге «У смертного одра дарвинизма» победоносно восклицал: «Теория эволюции остается, дарвинизм умирает».¹³⁰ Еще менее двусмысленно характеризует сущность дел уже знакомый нам ботаник Р. Франсэ, последовательный идеалист-неоламаркист. Он прямо говорит, что «материализм не может нас более удовлетворять»,¹³¹ и показывает, что «в этой же идеологии (т. е. в материализме) коренится также и учение об отборе (учение Дарвина)! Оно казалось единственно возможной формой, посредством которой материалист мог «неразумным» путем объяснить все то осмысленное и разумное, что существует в жизни животных и растений и в теле человека. Поэтому, жизнь учения связана с материализмом — с ним оно родилось, с ним оно корчится теперь в борьбе со смертью, с ним оно и умрет».¹³² Последовательный антидарвинист и не скрывает, что борьба против дарвинизма означает борьбу против материализма, которому учение Дарвина дает сильнейшую естественно-научную основу. «Этим заканчивается чрезвычайно важная глава в истории естествознания. Отбор представляет собою в настоящее время занесенное песком и оставленное русло, и река познания прорыла себе новое ложе. Это закрыло доступ энергии также и к материалистической мельнице, которая была построена на берегу реки отбора и так долго трещала, благодаря ей. Пройдет еще немного времени, и ей уже нечего будет молотить».¹³³ Эти откровенные признания не нуждаются в комментариях. Отметим здесь лишь то, что реакционеры в науке, используя временные трудности человеческого познания, как и реакционеры в социальной жизни, всегда ошибаются, считая свои мнимые победы установлением вечной

¹³⁰ E. Dennert, Am Sterbelager des Darwinismus. Stuttgart, 1905, S. 97.

¹³¹ Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма, СПб, 1908, стр. 11.

¹³² Там же, стр. 41.

¹³³ Там же, стр. 40.

истины. 'Это «новое русло познания» привело науку к кризису, к безграничной путанице и мистике, к обновлению старых ненаучных виталистических и телеологических положений, закрывающих перспективы дальнейшего развития науки о живой природе. Бесплодное состояние в условиях господства мистики и субъективистского произвола скоро вызвало разочарование и у горячих сторонников «новых» методов, и они, как с огорчением отмечает Г. Ф. Осборн,¹³⁴ обратились снова к дарвинистским принципам при рассмотрении явлений эволюционного развития.

Палеонтологический неоламаркизм и другие антидарвинистские течения в палеонтологии представляют собой одну часть общего фронта наступления на материализм в биологических науках, социальное значение которого мы уже рассматривали. Палеонтологический идеализм, как вообще всякого рода идеализм, для выполнения своих классовых заказов имеет непосредственной целью примирить науку с религией. У идеализма и религии одни и те же корни, как гносеологические, так и социальные, у них и одна и та же социальная функция — затемнять сознание народных масс, отводить их от существенных общественных вопросов, оправдывать существующие социальные отношения. Так, А. Годри, как мы видели, прямо говорил о своих намерениях согласовать признание существования бога с идеей об эволюционном развитии живой природы. Э. Д. Коп, духовный отец палеонтологического неоламаркизма, также считал возможным примирить христианскую религию с эволюционной теорией. Он утверждал, что «царства и классы животных и растений были задуманы творцом в соответствии с его собственным планом».¹³⁵ И мысль о всемогущем творце всех вещей, который дал ход таким силам, в конце концов обуславливавшим развитие «совершенного человечества» из более низких созданий, должна, по мнению Коп, внушать долготерпение крестьянам и фабричным рабочим.¹³⁶

Здесь надо отметить, что идеалистическая реакция на материализм дарвинизма в конце XIX и начале XX веков не выступала единым фронтом. Она охватывала довольно разнородные идеалистические школы, различающиеся между собой в той или другой мере, начиная от открытых виталистов — т. н. неовиталистов, и кончая, если можно так выразиться, «дарвинистскими» антидарвинистами — «неодарвинистами». Эти течения и школы часто вели между собой ожесточенную борьбу за право претендовать на место абсолютно истинного объяснения явлений развития органического мира. Их объединяла лишь общая ненависть к материалистическим принципам истолкования живой природы. Палеонтологический неоламаркизм в этом лагере занимает отно-

¹³⁴ H. F. Osborn, The nine principles of evolution revealed by Paleontology. The American Naturalist, vol. LXVI, 1932, p. 52.

¹³⁵ E. D. Cope, The origin of the fittest. Essays on evolution. London and New-York, 1887, p. 78.

¹³⁶ Там же, стр. 168.

сительно «левую» позицию, выступая, как мы видели, за рассмотрение жизненных явлений и процессов на «строго научной» основе точных наук механики и физики, и борясь против открыто виталистических учений, в большинстве случаев не доходя до открытого и полного отрицания дарвинистских положений. Однако неоламаркисты, в конечном итоге, служили тем же целям, что и «неовиталисты» и другие неприкрытые идеалисты в биологических науках. Сам неоламаркизм также не представлял из себя однородное течение.

Было бы совершенно неверным считать, что все те, которые в данный период развивали идеалистические положения относительно факторов и закономерностей эволюирования организмов, имели при этом какую-то заднюю мысль религиозного или политического характера, хотя некоторые из них, как показывают их высказывания, ясно осознали свою цель. Причины идеализма в палеонтологии прежде всего гносеологические. Метафизический образ мышления — вот главное обстоятельство, приводящее ученых в «болото» идеализма, и подобные выводы охотно используются реакционными социальными силами. Но немалую роль сыграло здесь пренебрежительное отношение естествоиспытателей к философским вопросам, к «метафизике», согласно обычной терминологии тогдашнего естествознания. Именно пренебрежительное отношение к философии и истории ее развития, как вообще к истории человеческой мысли, приводит ученых к непониманию философской и классовой сторон научных вопросов, к непониманию того, что, как в философии, так и в науке, всегда боролись два основных направления — материалистическое и идеалистическое. Третьего пути нет. Говорить о полной надклассовости науки в классовом обществе — это значит необходимым образом идти к идеализму и фидеизму, тем самым служить интересам отживших реакционных сил общества, при этом безразлично, хотят этого сами ученые, или нет. «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и с ее достижениями».¹³⁷

Наука не состоит в механическом накоплении фактов. Наука — осмысливание фактов, заключающееся в установлении внутренних связей между явлениями и процессами действительности на основе фактических данных. Наука — это теоретическое мышление. Развитие теоретического мышления вообще; в том числе и развитие основных идей естествознания, всегда принимало специфическую форму соответственно исторической ступени развития общества. «Теоретическое мышление каждой эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена

¹³⁷ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 165.

очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание». ¹³⁸

В античную эпоху, когда мы уже можем говорить о существовании науки (вернее, ее начал), между философией и наукой господствовала самая тесная связь. В действительности существовала только одна наука — философия. Естествознание не было еще отделено от философии, и начала этих наук представляли неразрывную составную часть последней. Данный период характеризует в общем правильный, наивный диалектико-материалистический взгляд на природу. Но уже здесь, по выражению Маркса, вершина и самая универсальная голова античной науки и философии — Аристотель — вводит разделение между абстрактными теоретическими, чисто философскими исследованиями, называя последние метафизикой — умозрительным учением о началах мира, — и между чувственно-воспринимаемыми изучениями определенных тел и «материи» природы, называя их физикой. Но несмотря на это деление, изучение природы в ту эпоху развития человечества остается тесно связанным с философией, физика и метафизика образуют единое целое.

В средние века особое распространение получает метафизика — т. е. всевозможные, но при этом только согласующиеся с священным писанием, априорные рассуждения о началах и сущностях мира и вещей. Физика — опытное исследование природы и ее явлений — была под полным запретом. Это обстоятельство обусловлено исторически и его причины коренятся в общественной жизни периода феодализма. Очевидна неплототворность такого метода. В античный период общие рассуждения были в соответствии с уровнем опытных знаний. Средневековые из-за пренебрежительного отношения к непосредственному чувственному исследованию односторонне развивало фантастические религиозные измышления.

Возрождение наук — эпоха ренессанса — выдвинуло на первый план физику. Средневековое схоластическое, чисто умозрительное бесплодное рассуждение о вечных сущностях вещей заменяется непосредственным опытным изучением этих вещей путем эксперимента и наблюдения. Это не означает еще отделения физики от метафизики, т. е. естествознания от философии. Однако господствующим становится метод физики. В философии также подчеркивается опытная сторона. Широкое распространение получает эмпиризм и сенсуализм. Метафизика сама приобретает «физический» вид. Замечательным примером этого является Френсис Бэкон и его философия, характеризующая весь данный этап развития человеческого мышления. Хотя уже начинается отделение физики от метафизики, они еще тесно связаны. Тогдашняя метафизика, будучи неразрывно связана с естественными науками, имела, как сказал Маркс, положительное содержание.

¹³⁸ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 22.

«Метафизика XVII столетия еще заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.) Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались связанными с нею. Но уже в начале XVIII столетия эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе свою собственную область».¹³⁹

Естествознание, резко отделив себя от спекулятивной и религиозной метафизики XVII века, объявляет чуждой «истинной» науке вообще всякое теоретическое обобщающее мышление, называя последнее презрительно «метафизикой», и провозглашает единственным источником истины опыт, изучение факта. Начинается, вернее, достигает полного расцвета новый период в развитии естествознания. Самым характерным для этого этапа научного мышления является то обстоятельство, что несмотря на всеческие старания физики избежать метафизику, она, вследствие односторонней абсолютизации значения опыта, понимая под этим описание, наблюдение, констатирование фактов, и отрицая рациональное осмысливание, именно становится метафизической, но уже в другом, антидиалектическом смысле. Метафизика, антидиалектика характеризует все естествознание в этот период, включая еще первую половину XIX века. И здесь проявляется ирония истории над людьми, которые думают, что они являются господами мира. Естествоиспытатели думали, что они, как сказал Энгельс, «освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее».¹⁴⁰ В действительности, вопреки своей воле, старания естествоиспытателей избежать философии, общетеоретических обобщений (метафизики), кроме того, что такое положение, само убеждение в ненужности общей теории, представляет по сути дела философский тезис, неизбежно привели естествоиспытателей в объятия скверной, идеалистической философии. Физика, берегись метафизики! — это изречение Ньютона, становившееся боевым лозунгом всего тогдашнего естествознания, «совершенно верно, но в другом смысле».¹⁴¹ Ньютон, предостерегая естествоиспытателей, физиков, от метафизики, сам становился жертвой последней, когда он в своих трудах — «Математические начала натуральной философии», «Оптика» и др. — говорит о божественном первотолчке, о божественной гармонии универзума и т. д. Эти последние положения представляют собой чисто метафизические спекуляции. Такова участь всех метафизически мыслящих ученых. Замечательным примером этого является положение другой выдающейся фигуры метафизической науки данного периода Жоржа Кювье, и вообще всех креационистов. Отрицая и высмеивая идею эволюционного изменения организмов как недосказанную факта-

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство. Соч. Изд. второе, т. 2, 1955, стр. 141.

¹⁴⁰ Ф. Энгельс, Диалектика природы; 1950, стр. 167.

¹⁴¹ Там же, стр. 165.

ми, недопустимую в научном исследовании чисто умозрительную фантастическую спекуляцию (или считая эволюционную теорию «сновидением во время послеобеденного отдыха», как это сделали немецкие метафизики относительно теории Дарвина¹⁴²), одновременно допускают такое же фантастическое, недоказанное вымышление о сотворении живых существ богом. Это же противоречие сплошного естествоиспытательского эмпиризма, на который опирался креационизм, метко характеризовал И. И. Мечников: «Интересно заметить, что как Мюллер, так и его предшественники Паллас и Кювье, отрицая, в силу принципов положительного метода, возможность изменения и превращения видов, находили в то же время согласным с этими принципами гипотезы отдельных творений и идеального плана творческой природы, т. е. восставая против недосказанных, а priori построенных теорий, имевших в свою пользу только логические основания, они с особенной легкостью возвращались к еще менее доказанным и лишенным логической подпоры, но общераспространенным укоренелым традиционным воззрениям. Явление это не есть случайное, а проявление его мы на каждом шагу встречаем в различных сферах».¹⁴³ Таким образом, «физика» не могла освободиться от «метафизики». Закрывая последней «парадную дверь», она открыла задний вход, по которому лезла самая скверная метафизика — теология.

Естественные науки в рассматриваемый период, в силу условий своего развития и вышеуказанных стремлений, обратили внимание преимущественно на единичное в природе. Естествознание, изучая природные тела, рассматривало последние отдельно, оторванными от общей цепи явлений природы, и состоящими на месте, вне их движения, вне их изменения и развития. По выражению Энгельса, это была наука об отдельных вещах, а не о процессах природы. В этом и заключалась антидиалектика — метафизика естествознания в данную эпоху. Но именно изучение единичного и отдельного подняло вопрос об общем и единстве природы, изучение «отдельно стоящих» звеньев подняло вопрос об изменении, развитии всей цепи. Однако естествоиспытатели, в силу метафизичности мышления, не были в состоянии заметить и понимать диалектику природы и просто игнорировали ее, или дали этим явлениям чисто метафизическое объяснение. Диалектическое мышление нашло развитие не в естествознании, а в философии, и главным образом в немецкой классической философии и ее натурфилософии. Возникновение немецкого классического идеализма во многом представляет собой реакцию на метафизический французский материализм. Исторической заслугой ее является возрождение и развитие диалектики. Правильно крити-

¹⁴² См. Р. Франсэ, Современное положение дарвинизма. 1908, СПб, стр. 14.

¹⁴³ И. И. Мечников, Очерк вопроса о происхождении видов. Избр. биол. произведения, Москва, 1950, стр. 75.

кую французский и вообще материализм данного периода за его метафизику, классическая немецкая философия в своей натурфилософии обратила внимание на диалектический характер природы, на ее всеобщее единство и движение на основе внутренних противоречий. Но диалектика классической немецкой философии была идеалистическая диалектика. Диалектику она приписывала духу, идее, а природу рассматривала как инертное материальное воплощение диалектического развития идеи. По принципам идеалистической натурфилософии внутренняя активность, развитие на основе противоречий (полярностей) свойственны только т. н. производящей природе — *natura naturans*, а произведенная природа — *natura naturata* — является инертной. Всеобщее единство, господствующее в природе, свойство только первой — *natura naturans* — и его основой является единство производящего духа. В произведенной природе существует только многообразие, как разные формы проявления единого духа. Так как естественные науки являются эмпирическими науками, методом которых является опыт, эксперимент, то они имеют дело только с *natura naturata*. Естествознание не в состоянии открыть силы, господствующие в природе, всеобщую связь, развитие и сущность вещей. Это область натурфилософии. Таким образом, настоящее изучение природы состоит в философствовании. Отсюда и известное положение натурфилософии: философствовать — значит создавать природу. Ясно, что такой принцип открыл путь к самым мистическим спекуляциям и обусловил наивысшее презрение к практике как основе опытной науки. Поэтому вполне понятно отрицательное отношение естествознания к необоснованным спекулятивным построениям натурфилософии и к ее методу. Но отбросив натурфилософские измышления, наука отбросила и скрывающуюся в них диалектику — «рациональное зерно» натурфилософии. Конечно, натурфилософская диалектика стояла «на голове», но в ней заключался ключ для разрешения все более и более обостряющегося противоречия в естественных науках, противоречия между новыми фактами и старыми принципами и методами.

Однако наука сама двигалась к разрешению этого противоречия. XIX век является очень важным переломным этапом в развитии естествознания. Начинается новый период развития. Наука, в одной отрасли за другой, разрушает старые метафизические (т. е. антидиалектические) положения и принципы в отношении природы. Каждое новое открытие естествознания все с большей силой показывает всеобщую связь и развитие явлений природы. В этом отношении особое место занимают три великих открытия науки, отмеченные Энгельсом, одним из которых является теория Дарвина и установление эволюционизма в биологических науках. Таким образом, естествознание само, в силу своих фактов, отбрасывает метафизику и обращается к диалектике. Одновременно естествознание превращается из науки эмпирической, т. е. из науки описательной, констатирующей, в науку теоретическую, в на-

уку объясняющую. Итак, физика (естествознание) выходя из рамок метафизики (в антидиалектическом значении) и становясь в сущности диалектической наукой, в то же время снова превращается в метафизику — т. е. в теоретическую науку. С тех пор невозможно разрешать вопросы физики без «метафизики». Превратившись из науки, описывавшей отдельные вещи, в науку о внутренних связях и причинах природных явлений, естествознание, наряду с решением своих вопросов, разрешало одновременно и вопросы философии. Именно эту особенность современного естествознания имел в виду Энгельс, когда он говорил, что в настоящее время ликвидируется философия как наука наук о началах и причинах мира. «Гегелем, вообще, завершается философия, с одной стороны, потому, что его система представляет собой величественный итог всего предыдущего развития философии, а с другой, — потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем к действительному положительному познанию мира». ¹⁴⁴ Этот путь заключается в применении диалектики, которая достигла в философии Гегеля своего наивысшего развития, в естествознании, в превращении идеалистической диалектики в диалектику материалистическую, представляющую собою общую методологическую основу современной науки в изучении окружающей нас действительности. Этим заканчивается время построений философских систем, претендующих на объяснение причин и сущности мира, возвышающихся над другими науками, и останется естествознание, которое в своих теоретических обобщениях (и поскольку оно вообще в современную эпоху является теоретической, объясняющей наукой) дает картину окружающей нас природы.

Но этого не понимали естествоиспытатели. Для них несостоятельность натурфилософских спекуляций означала вообще конец философии. Критика абсурдных спекулятивных положений натурфилософии превратилась в презрение вообще к философии и обобщающему теоретическому мышлению. Это обстоятельство обусловило глубоко противоречивое развитие естествознания в рассматриваемый период. С одной стороны, естествознание XIX века стихийно каждым своим шагом показывало диалектическую сущность природы и ее материальный характер. Естествознание стихийно, в силу своих фактов, превращалось из метафизической науки в науку диалектическую, из эмпирической науки в науку теоретическую. Но в то же время естествоиспытатели либо были не в силах понять существо перелома, происходящего в науке, либо сознательно игнорировали выводы, вытекающие из последних достижений естествознания. Еще более — широкое распространение получает эмпиризм в разных видах. Это явление имеет основу, с одной стороны, в развитии самой науки и всего чело-

¹⁴⁴ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 346.

веческого мышления, и, с другой стороны, обусловлено, как мы раньше видели, условиями социальной жизни и классовой борьбы, особенно начиная с 30-х годов прошлого столетия. Это последнее обстоятельство оказало сильное влияние на развитие естественных наук, особенно во второй половине XIX века, когда философия, обгоняя (не в первый раз в истории развития человеческого мышления) науку, дала разрешение данного противоречия, выработав материалистическую диалектику. Классовость естествознания проявляется здесь самым ярким образом. Буржуазная наука попыталась полностью замолчать диалектический материализм, так как последний появился как идеология пролетариата. Презрение к философии и истории теоретического мышления обусловило то, что уровень мышления ученых часто не поднимался до уровня понимания значения и сущности открытий, сделанных ими самими. Несмотря на диалектическую и материалистическую сущность их открытий, образ мышления естествоиспытателей в большей мере остается еще метафизическим и идеалистическим. Это хорошо доказывает история биологических наук, в том числе палеонтологии. Так, большая часть современников и последователей Дарвина не могла подняться до уровня открытий Дарвина, до понимания всего значения и сущности этого учения. Замечательным примером этого был Т. Гексли. И именно это обстоятельство является одной из основных причин, почему в дальнейшем в биологических науках так сильно распространяется идеализм. Кризис в палеонтологии совершенно ясно показывает, что современное естествознание не может ни шага сделать без понимания философских вопросов, чтобы не попасть в болото идеализма и фидеизма, не может разрешить стоящих перед ним проблем без глубокого знания материалистической диалектики. «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории...».¹⁴⁵ Именно то, что при современной науке ликвидируется философия как наука наук и естествознание само становится философской наукой, создает необходимость глубокого знания философии и всей истории развития человеческого мышления естествоиспытателями. Причины кризисных явлений, как в физике, раскрытые В. И. Лениным, так и в палеонтологии в конце XIX и начале XX веков, показывают необходимость материалистической диалектики как науки «о наиболее общих законах в с я к о г о движения»,¹⁴⁶ науки о наиболее общих законах развития природы, человеческой истории и мышления, в качестве общей методологической основы современного естествознания. «... диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для про-

¹⁴⁵ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*. 1950, стр. 160.

¹⁴⁶ Там же, стр. 214.

исходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой». ¹⁴⁷ Кризисы в разных отраслях естествознания в данный период представляют собой переходные этапы от метафизической науки в науку диалектическую. Так было дело, как показывал В. И. Ленин, с кризисом в физике и с «физическим» идеализмом, такова же и сущность «палеонтологического» кризиса. Идеализм в палеонтологии в конце XIX и начале XX веков означает, как и в физике, «что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму». ¹⁴⁸

¹⁴⁷ Ф. Энгельс, Диалектика природы; 1950, стр. 22.

¹⁴⁸ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. 1948, стр. 295.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ

Р. Н. Блюм

Характер и особенности революционных преобразований 1944—1948 гг. в европейских странах народной демократии привлекают внимание многих исследователей. За последнее время появилось ряд работ, посвященных этому вопросу. Но, к сожалению, меньше всего «повезло» Венгрии, о которой на русском языке имеется только несколько статей и совсем отсутствуют монографии.¹ Особенно мало изучен вопрос об объективных и субъективных предпосылках народно-демократической революции.

Задача данной статьи проанализировать экономические, классовые и политические противоречия, которые были предпосылками успешного перерастания демократической революции 1945 г. в революцию социалистическую.

Социалистическая революция, которая произошла в Венгрии после второй мировой войны, является закономерным результатом всего предшествующего исторического развития страны. Она решила объективные задачи, стоявшие в повестке дня венгерских революций XIX—XX вв.

В первой половине XIX столетия в Венгрии все более усиливался кризис феодально-крепостнической системы, который был результатом конфликта между производственными отношениями и производительными силами. Помещичья собственность на землю и на крепостных крестьян, лишение крестьян права владения землей задерживало развитие сельскохозяйственного производства. По данным начала XIX века, а это положение мало изменилось до революции 1848 г., 4/5 венгерского крестьянства было фактически без земли.² Все резче становилось противоречие

¹ Уже после написания статьи появился русский перевод содержательной книги Де жё Немеш, *Освобождение Венгрии*. Москва, 1957.

² П. Ж. Пах, *Первоначальное накопление капитала в Венгрии*. Будапешт, 1952 г., стр. 92—93. То же «Вопросы истории» № 2, 1955, стр. 72.

между индивидуальным характером процесса производства и крупной феодальной собственностью, проявляющееся в классовой войне между крестьянством и помещиками. Основным вопросом этой классовой войны являлась земля. Созревшее противоречие могло быть разрешено только буржуазно-демократической революцией, коренным изменением земельных отношений. Такова первая основная причина революции 1848 г

Колониальное положение Венгрии, гнет империи Габсбургов, стремление господствующего класса которой состояло в том, чтобы оставить страну в качестве отсталого сельскохозяйственного придатка Австрии, задерживало развитие производительных сил и капиталистических отношений. Габсбурги установили такой таможенный тариф, такую налоговую систему, которые душили венгерскую промышленность. Понятно, что только ликвидация тяжелого колониального гнета могла обеспечить прогрессивное и свободное развитие национального капитализма. Следовательно, налицо было противоречие между производительными силами и зарождающимися капиталистическими отношениями, с одной стороны, и иностранным экономическим и политическим гнетом, — с другой; — противоречие между широкими массами венгерского народа (включая молодую венгерскую буржуазию и обуржуазившееся среднее и мелкое дворянство) и господствующими классами Австрии. Это противоречие могло быть последовательно разрешено только национально-освободительной войной, которая должна была быть по своему содержанию буржуазной революцией. Такова вторая основная причина революции.

Следует указать, что венгерская буржуазная революция (а также буржуазные революции в других восточноевропейских странах) отличалась от западноевропейских буржуазных революций XVII—XVIII вв. Это отличие связано, прежде всего, с характером экономического положения Западной и Восточной Европы. В западноевропейских странах (Франция, Англия) развитие буржуазных отношений и одновременно разложение феодализма шло значительно быстрее, чем в Восточной Европе. Классовые противоречия между поднимающейся буржуазией и феодальным дворянством с его политической надстройкой достаточно определились. В результате буржуазных революций в этих странах была осуществлена довольно последовательная (особенно в Великой французской революции XVIII века)³ ликвидация феодальных отношений.

В странах Восточной Европы (исключая Россию), которые оказались в стороне от основных торговых путей и очутились на задворках оживленной экономической жизни XVII—XVIII вв., темп развития капитализма был значительно слабее, чем на Западе. Буржуазия, очень слабая, зачастую иностранного происхо-

³ Эпоха Великой Французской революции дала наиболее демократическое решение вопросов перехода от феодализма к капитализму. См. В. И. Ленин, Соч. т. 20, стр. 25.

ждения, не отваживалась на самостоятельные выступления. Зато в связи с развитием товарного хозяйства образовалось буржуазившееся дворянство, которое и взяло на себя функции руководства движением за буржуазные преобразования.

Кроме того, фактором, задерживающим развитие капитализма в восточноевропейских странах, была политическая и экономическая зависимость их от других государств, а в некоторых случаях и прямое колониальное рабство.

Но из этого вовсе не вытекает, что капитализм в этих странах полностью отсутствовал. Капиталистические отношения существовали, например, в Венгрии и в виде переходящего к капиталистическим формам эксплуатации помещичьего хозяйства, и в виде торгового капитала, и в виде определенных элементов промышленного капитализма. При этом, как указывает Йозеф Ревай, хотя Венгрия и отставала от Западной Европы на 150 лет, но «в Англии Кромвеля не было железной дороги, в Венгрии Кошута она была. В середине 18 века во Франции еще не было заводов, а в середине 19 века в Пеште уже была шелковая фабрика с 450 рабочими». ⁴ Следовательно, в стране имелся определенный минимум торгового и промышленного капитала, необходимый для буржуазного развития и буржуазной революции.

Из всего сказанного вытекают следующие основные особенности буржуазных революций восточноевропейского типа периода до монополистического капитализма: 1) экономическая слабость буржуазии определяла ее политическую слабость. Буржуазия не играла роли гегемона, её место заняло буржуазившееся мелко- и среднепоместное дворянство. ⁵ 2) Важнейшей задачей буржуазных революций в восточноевропейских странах было решение вопроса о национальной независимости, т. е. борьба против феодализма переплеталась с борьбой против колониального угнетения. Это, в свою очередь, создало своеобразную обстановку, при которой интересы различных антагонистических классов совпадали в важнейшем вопросе революции. Незрелость классовых противоречий, малочисленность и неорганизованность пролетариата приводили к тому, что за решением политических задач революции (национальное освобождение) забывались или затушевывались ее социальные задачи (полная ликвидация феодализма). Следовательно, главным противоречием в рассматриваемый период было противоречие между народом и иностранными помещиками и капиталистами, которые опирались на местных крупных помещиков-латифундистов. Это главное противоречие не совпадало с основным противоречием. Основное противоречие данного периода — против-

⁴ Révai József. Marxizmus, népiesség, magyarság. 4 kiadás Szikra. 1955. 199. old.

⁵ Мы не включаем сюда Болгарию, в которой феодалами были турецкие угнетатели и где аграрный переворот 1877—79 гг. имел свои специфические особенности.

речие между производительными силами и феодальными производственными отношениями внутри страны, проявляющееся главным образом в классовой войне между крестьянством и помещиками.

В связи с этим необходимо охарактеризовать различие между главным и основным противоречием, — различие, которое постоянно следует иметь в виду при дальнейшем изложении вопроса. Основное противоречие — это такое противоречие, которое определяет сущность данного процесса, характеризует не отдельные стороны, моменты, а самую глубокую связь его, обуславливает качество этого процесса. Основное противоречие имеет следующие главные признаки: 1) оно существует с самого начала процесса до конца его; 2) оно является главным источником развития, двигательной силой его; 3) оно всегда является внутренним противоречием, так как именно «противоречия, внутренне присущие вещам и явлениям, служат коренной причиной их развития»⁶; 4) оно оказывает сильное влияние на все противоречия, связанные с данным процессом; 5) наконец, необходимо учитывать круг явлений при определении основного противоречия, так как то, что в одном отношении выступает как основное противоречие, в другом отношении им не является.

Главное противоречие — это — противоречие одного из этапов развития процесса которое в каждый данный момент на этом этапе «играет ведущую, решающую роль, тогда как остальные занимают второстепенное и подчиненное положение».⁷ Признаками главного противоречия являются: 1) «на каждом из различных этапов развития процесса существует лишь одно главное противоречие, которое играет ведущую роль».⁸ 2) главное противоречие может совпадать с основным; 3) оно может быть как внутренним, так и внешним; 4) при одном основном противоречии, в пределах одного качества, могут быть различные (разновременно) главные противоречия; 5) разрешение главного противоречия создает условия для решения основного противоречия; главное противоречие — это то «особое звено цепи», о котором писал В. И. Ленин.⁹

Указанные выше особенности буржуазных революций наложили свой отпечаток на все последующее экономическое, социальное, политическое развитие Венгрии и других стран Восточной Европы. В этих странах в отличие, например, от Франции, буржуазная революция не была, да и не могла быть, при сложившихся обстоятельствах, завершенной революцией. Под завершенной буржуазной революцией понимается такая революция, которая разрушает базис, экономическую основу феодализма — феодальные производственные отношения и феодальную политическую надстройку.

⁶ Мао Цзе дун, Избранные произведения, т. 2, стр. 412.

⁷ Мао Цзе дун, Избранные произведения, т. 2, стр. 443.

⁸ Там же.

⁹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 244, т. 33, стр. 88—89, 270—271.

Иначе, чем во Франции, развивалась революция в Венгрии. Здесь она тоже нанесла удар феодализму, ликвидировала крепостное право. Но самый больной, самый острый вопрос — вопрос о земле — остался нерешенным. Как уже упоминалось выше, бичем венгерского крестьянства было безземелье. Но и после революции основная масса крестьян осталась без земли. Из 44,8 млн. хольдов¹⁰ земли у крестьян находилось — 6 млн. хольдов пашни и 1,5 млн. хольдов луга,¹¹ т. е. около $\frac{1}{5}$ части; в то же время $\frac{4}{5}$ земли владели дворяне, составлявшие всего около 5% населения страны.¹² 5,5 млн. беднейших крестьян, батраков, сельскохозяйственных рабочих, дворовых слуг остались без земли. «Отношения собственности после освобождения крестьян в сущности остались неизменными».¹³

Поражение венгерской революции 1848—1849 гг. закрепило эти отношения, помогло на длительное время сохранить сильнейшие пережитки феодализма в экономике и политике.

Таким образом, венгерская революция надломила, но не сломала феодализм, т. е. иными словами, она не выполнила последовательно, до конца, основную задачу буржуазной революции — ликвидацию феодальных производственных отношений. Эту задачу могла решить только широкая аграрная революция,¹⁴ которой не было в этот период в Венгрии.

В результате закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил не мог проявиться в полной мере, так как установилось лишь частичное соответствие между отдельными элементами производственных отношений и производительными силами. Разберём этот вопрос несколько подробнее.

Отношения собственности — основа производственных отношений. Феодальные отношения характеризуются собственностью феодала на основные средства производства (в первую очередь и главным образом, на землю) и наличием внеэкономического принуждения. Как известно, именно эти отношения тормозят развитие производительных сил в последний период феодализма. Последовательная буржуазная революция уничтожает феодальную собственность на землю — основу производственных отношений феодализма, дает простор для развития производительных сил. Революция же типа венгерской уничтожает наиболее грубые формы личной зависимости, внеэкономического принуждения, но оставляет нетронутой помещичью собственность на землю, помещичьи латифундии.

Следовательно, определенный и при этом весьма существен-

¹⁰ 1 хольд — 0,57 га.

¹¹ Ember Győző. Magyar parasztmozgalmak 1848-ban. Сборник «Forradalom és szabadságharc 1848—1848». 197. old.

¹² Там же, стр. 195.

¹³ Там же, стр. 239.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. VI, стр. 383.

ный элемент производственных отношений феодализма остается и продолжает тормозить дальнейшее развитие производительных сил. С другой стороны, наличие свободных рабочих рук, незатрудненное ничем передвижение наемной рабочей силы, расширение внутреннего рынка, наоборот, способствует развитию производительных сил. Такие производственные отношения противоречивы, они представляют сосуществование двух видов производственных отношений: буржуазных и феодальных. В этом случае, на наш взгляд, можно говорить только о частичном соответствии производственных отношений производительным силам. Это результат неоконченной, половинчатой буржуазной революции.

Если же взять тенденцию развития, то она блестяще проанализирована В. И. Лениным в его учении о прусском и американском путях развития капитализма в сельском хозяйстве. Ясно, что развитие венгерского сельского хозяйства пошло по прусскому пути.

Таким образом, неоконченная буржуазная революция восточноевропейского типа не создает соответствия производственных отношений характеру производительных сил, и, следовательно, остается объективная экономическая основа для новой буржуазной революции.

Рассматривая вопрос о переходе от феодализма к капитализму, необходимо помнить о различии этого процесса в промышленности и в сельском хозяйстве, в городе и деревне. Не подлежит никакому сомнению, что пионером капитализма является город. Капиталистические отношения зародились в городе. В то же время феодальные отношения (в первую очередь цеховая организация) были в городе значительно слабее, чем в деревне. Города являлись торговыми центрами, где концентрировался торговый капитал, который, при известных условиях, играет важнейшую роль в возникновении капитализма. Поэтому буржуазная революция осуществляет в городе свое историческое дело значительно легче и быстрее. В городе после буржуазной революции остается очень мало пережитков феодальных экономических отношений,¹⁵ а если и остаются, то в силу своей слабости быстро исчезают. Следовательно, как раз в городе в это время устанавливается соответствие производственных отношений производительным силам, что является решающим условием для быстрого роста производства.

В городах Венгрии после революции 1848 г. начинается относительно быстрое развитие капитализма. Для иллюстрации приведем несколько цифр. В 1852 г. в стране функционировало 86 паровых машин мощностью в 1221 лошадиных сил, а в 1863 г. уже —

¹⁵ При этом, конечно, надо иметь в виду тесную связь промышленности и сельского хозяйства, города и деревни в период капитализма. Феодальные пережитки в деревне оказывают сильное тормозящее действие на развитие производства в городе.

677 мощностью в 98732 л. силы.¹⁶ В 1847 г. добывалось 400 тысяч центнеров угля, а в 1867 г. около 7,5 млн. центнеров.¹⁷

Быстро росло городское население. В Будапеште (в середине XIX в. два города — Буда и Пешт) в 1845 г. было 121901 жителей, в 1870 — 280349, в 1891 — 506384.¹⁸

На значение революции 1848 г. для развития производительных сил буржуазного общества указывал Ф. Энгельс, говоря, что эта революция вызвала к жизни промышленную революцию, «которая с 1848 г. охватила весь континент и собственно впервые укрепила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, в Польше». Эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в классовые отношения: она устранила множество промежуточных форм, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе породила даже из цехового ремесла подлинную буржуазию и подлинный крупнопромышленный пролетариат, выдвинув их на авансцену общественного развития».¹⁹

Таким образом, различие результатов буржуазной революции восточноевропейского типа в городе и деревне приводит к тому, что для города задачи буржуазной революции являются пройденным этапом. Здесь начинает развиваться и созреть основное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, — противоречие, являющееся экономической основой социалистической революции.

Поражение революции возвратило Венгрию в зависимое, колониальное положение. Вопрос национального освобождения продолжал оставаться в повестке дня на первом месте. Первый шаг в решении этого вопроса был сделан соглашением 1867 г., в результате которого возникла дуалистическая Австро-Венгерская монархия. «После поражения революции 1848—49 гг. и кризисов 1856 и 1866 гг. те вопросы, которые нельзя было разрешить силами революционного народа с н и з у, были разрешены с в е р х у путем соглашения абсолютизма и буржуазии». ²⁰ По своему классовому содержанию это было «соглашение венгерских крупных и средних помещиков с Габсбургами, соглашение венгерской буржуазии с венгерскими феодалами».²¹ Таким образом, национальный вопрос (главное противоречие того периода) был разрешен не демократическим путем, не путем революции, а путем рефор-

¹⁶ Lederer Emma, Az ipari kapitalizmus kezdetei Magyarországon. Bp. 1952. 22. old.

¹⁷ Andics Erőzet. A magyarországi munkásmozgalom az 1848—1849-es forradalomtól és szabadságharcától az 1917-es Nagy Októberi Szocialista Forradalomig. Bp. Szirka. 1954. 10. old.

¹⁸ Budapest székesfőváros statisztikai és közigazgatási évkönyve XI évfolyam 1913. 18. old.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. II, стр. 471.

²⁰ Révai József, Указ. соч. стр. 260.

²¹ Там же.

мы. А это означало, что национальной независимости венгерский народ полностью не добился, что Венгрия оставалась экономически и политически зависимой от Австрии, что, хотя острота противоречия значительно уменьшилась, но оно продолжало существовать.

Во второй половине XIX века в общественной жизни Венгрии все больше заявляла о себе новая социальная сила, новый класс — пролетариат. Объективный ход истории вызвал к жизни новое основное противоречие, заменяющее старое основное противоречие феодализма, — противоречие между производственными силами и капиталистическими производственными отношениями, — которое лежит в основе классового противоречия между пролетариатом и буржуазией. Это противоречие обнаружилось в заметном росте венгерского рабочего движения, начиная с 60-х годов XIX века.

В конце XIX века мировой капитализм вступил в свою последнюю стадию — стадию империализма, стадию крушения капиталистической системы. Непосредственно в повестку дня становится пролетарская революция. Империализм есть канун социалистической революции.

Как известно, социалистическая революция не совершается по одинаковому шаблону. Формы перехода к социализму очень разнообразны. Каждая страна вносит в общий ход мировой социалистической революции свои черты, связанные с экономическим и политическим положением, с ее историческими традициями и т. д. Но, несмотря на своеобразие путей революции в каждой отдельной стране, мы можем все же выделить несколько групп стран, имеющих общие черты в осуществлении революции. Основаниями для подобного деления могут быть взяты различные признаки: или уровень экономического развития, или методы проведения революции, или, наконец, соотношение демократических и социалистических задач. Программа Коммунистического Интернационала²² берет за основу деления технико-экономический уровень стран, а также соотношения буржуазно-демократических и социалистических задач, и в соответствии с этим делит все страны на 4 группы.

С точки зрения соотношения буржуазно-демократических и социалистических задач на рубеже XX века, при переходе к империализму, можно выделить 3 группы стран: 1) страны, завершившие буржуазно-демократические преобразования, с почти полным отсутствием феодальных пережитков в экономике и политике; страны стоящие непосредственно перед социалистической революцией (Англия, Франция, США), в которых были устранены экономические противоречия, способные вызвать

²² См. Коммунистический Интернационал в документах, 1919—32 г. 1933 г. стр. 29—30.

буржуазную революцию; 2) страны, в которых были незавершенные буржуазные революции, не устранившие почвы для новых буржуазных революций, страны с сильнейшими пережитками феодализма в экономике и политике, которые стояли непосредственно перед новой волной буржуазных революций (Германия, Италия, Венгрия, Польша и т. д.); 3) страны, в которых еще не произошли буржуазные революции.

Создалась такая сложная обстановка, при которой капиталистические производственные отношения, не успев победить и окрепнуть, оказались перед крахом. Не решив противоречий феодализма, страны второй и ряд стран третьей группы оказались перед решением противоречий капитализма.

Основным классовым противоречием эпохи империализма, как известно, является противоречие между буржуазией и пролетариатом, доходящее в этот период до крайней степени обострения. Но не следует думать, что это единственное противоречие. При империализме возникают и новые классовые противоречия, неизвестные эпохе монополистического капитала: противоречие между монополистическим капиталом и крестьянством, противоречия между империалистической буржуазией и другими слоями буржуазии. К этим внутренним противоречиям следует добавить внешние — противоречия между различными империалистическими группами, противоречия между национальной и империалистической буржуазией. Все это создает целый клубок различных противоречий, особенная сложность которых имеет место в странах второй и третьей группы, где старый капитализм еще не расправился с феодализмом. В таком положении оказались на рубеже XX века все страны Восточной Европы, в том числе и Венгрия.

Промышленное развитие Венгрии на рубеже XIX—XX вв. свидетельствует о существенных изменениях. Об этом говорят следующие цифры.²³

Годы	Количество предприятий	Количество рабочих
1898	2364	228333 (конец февраля 1899 г.)
1913	4850 (больше 20 рабочих)	391460

Рост основных видов промышленной продукции:

Годы	Железная руда в тыс. цент.	Чугун в тыс. цент.	Уголь в тыс. цент.
1871—1875 (сред. за год)	4272	1418	14832
1891—1895	9140	2994	38564
1913	20501	6052	100416

²³ Mó d Alad ár, 400 év küzdelem az önálló Magyarországért. Szikra. Вр. 1954. 727—728. old.

При этом надо отметить довольно сильную концентрацию. На предприятиях с количеством рабочих свыше 1000 в 1900 г. работало 25% рабочих.²⁴

Интенсивно происходило создание капиталистических монополистических объединений. Первый значительный картель возник уже в 1886 г.²⁵ Появилось множество акционерных обществ. В Будапеште в 1890 было — 46 акционерных обществ, а в 1914 г. — 379.²⁶ Значительно возросла роль банков, которые все в большей степени контролировали производство.

Помимо общих черт венгерский империализм имел свои особенности. Важнейшей среди них было сращивание финансовой буржуазии с крупными земельными собственниками, латифундистами. Это сращивание шло по многим направлениям: участие земельных магнатов в управлении картелями в качестве членов дирекции, связь через кредитные операции, покупки и аренда представителями финансового капитала крупных земельных участков и превращение их в крупных земельных собственников. Возникало «трогательное» единство двух эксплуататорских классов, единство, в основе которого лежало совместное выжимание пота и крови у трудового народа Венгрии.

Другая важная особенность состояла в сохранении полуколоннальной зависимости венгерского капитализма. Венгерские банки зависели в значительной мере от иностранных, в первую очередь от немецких и австрийских.

Это задерживало развитие производительных сил страны, тормозило рост производства. В результате Венгрия далеко отставала в промышленном развитии от передовых капиталистических стран Европы.

Страна оставалась аграрной. В сельском хозяйстве было занято большинство населения (около 70%).²⁷

Венгерская буржуазия старалась компенсировать свою отсталость за счет рабочего класса. Экономическое положение пролетариата было чрезвычайно тяжелым: заработная плата вдвое меньше, чем в развитых капиталистических странах, рабочий день в провинции достигал 14—16 часов, в Будапеште — 12 часов.

Несмотря на вступление Венгрии в последнюю, высшую стадию капитализма — империализм, в структуре сельского хозяйства по сравнению с серединой XIX века не произошло существенных изменений. Оно продолжало развиваться по прусскому пути. Сохранились полуфеодалные земельные отношения, происходила

²⁵ Там же.

²⁴ Andies Erzsébet., Указ. соч. стр. 29.

²⁶ Budapest székesfőváros .. XI évfolyam 314. old.

²⁷ Интересно отметить, что правящие круги Венгрии стремились внушить, что сельскохозяйственный характер страны вытекает «из внутреннего национального духа». В «Венгерской энциклопедии (Revai Nagy Lexikona)» в томе XIII мы читаем, что занятие земледелием является «жизненным содержанием» и «подлинным национальным занятием» (a nemzet eredeti foglalkozás) венгерского народа.

мучительная дифференциация крестьянства, в результате которой миллионы крестьянских семей оставались без земли, превращались в сельскохозяйственных рабочих. Сельскохозяйственная статистика свидетельствует о сохранении феодальных латифундий.²⁸

Величина хозяйств	Количество хозяйств		Площадь хозяйств	
	всего	%	хольдов	%
Меньше 1 хольда	562949	23,6	232011	0,6
1—5 хольдов	716769	30,0	1923157	5,2
5—10	458535	19,2	3317079	9,0
10—20	385381	16,1	5396130	14,6
20—50	205181	8,6	6012080	16,3
50—100	36032	1,5	2411657	6,6
100—200	10275	0,4	1403452	3,8
200—500	6443	0,3	2021432	5,5
500—1000	3144	0,1	2238905	6,1
свыше 1000 хольдов	3768	0,2	11901380	32,3
	2388482	100	36857283	100

Эти данные показывают, что система феодального землевладения осталась к началу XX в., т. е. ко времени вступления Венгрии в период империализма, почти нетронутой.

Феодальные поместья (латифундии) не только не уменьшились, а даже увеличились. У 0,2% населения (крупных помещиков) было 32,3% земли, в то же время у 53,6% малоземельных крестьян — 5,8%.

Наличие феодальных пережитков в экономике, полуколониальное положение страны, тяжелые формы эксплуатации трудящихся до предела обострили экономические, классовые и политические противоречия. Венгрия во многих отношениях была похожа на Россию начала XX века. В. И. Ленин, отмечая это, писал: «Венгрия, как известно, всего ближе к России не только географически, но и по всесилью помещиков-реакционеров, сохранивших от средневековья гигантские количества земли».²⁹ И в другом месте: «В восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей».³⁰

Но сходство в положении обеих стран в целом и главном не исключало и некоторых различий. Рассмотрим коротко эти различия. 1) Феодализму в Венгрии был нанесен удар революцией

²⁸ Simon Péter, A századforduló földmunkás és szegényparaszt mozgalmái 1891—1907. Бр. 1953. 15. old.

²⁹ В. И. Ленин, Соч. т. 19, стр. 277.

³⁰ В. И. Ленин, Соч. т. 18, стр. 340.

1848 г., которая, конечно, не отменила до конца феодальные отношения, как об этом говорилось выше, но все же осуществила более глубокое преобразование, чем реформа 1861 г. в России. 2) Главным вопросом буржуазно-демократической революции в России был аграрный вопрос. В Венгрии же «аграрный вопрос после 1867 г., при всей своей важности, не играл такой роли, как в России после 1905 г., не был так органически и неразрывно связан с общенациональной потребностью создания предпосылок венгерского буржуазного развития».³¹ При этом господствующие классы использовали оставшиеся национальные противоречия для отвлечения внимания народных масс от необходимости демократического решения аграрного вопроса. 3) Состав венгерского пролетариата отличался от пролетариата России. В России был значительно больший процент рабочих, связанных с крупной промышленностью. 4) Наконец, важнейшее различие состояло в том, что в Венгрии не было подлинно марксистской революционной партии. Руководство социал-демократической партии стояло на реформистских, мелкобуржуазных позициях и следовало политике и тактике лидеров II Интернационала. Оно исходило из неверных теоретических предпосылок, совершенно чуждых марксизму, марксистскому диалектическому методу.

В Венгрии, по их мнению, не было еще капитализма: «для венгерского общества характерно совершенное господство феодализма», «капитализм теперь вступает в Венгрию». Поэтому социал-демократические лидеры рассматривали венгерскую буржуазию как революционный класс, которому пролетариат должен оказывать всяческую помощь. Классовые противоречия пролетариата с буржуазией следует примирять во имя сохранения «революционности» буржуазии. Такая точка зрения, конечно, не способствовала революционизации трудящихся масс. Вожди социал-демократии распространяли в рабочем движении реформистские, парламентские иллюзии.

Таким образом, сравнивая положение России и Венгрии до первой мировой войны, нужно сказать, что объективные предпосылки революции имелись, как в той, так и в другой стране. Но в Венгрии, в силу указанных выше причин, они были менее зрелыми, чем в России. Что касается субъективных предпосылок, то здесь существовали резкие различия — в Венгрии в то время не было пролетарской марксистской партии, способной возглавить революцию.

Первая мировая война, в которой активно участвовала Австро-Венгрия, ускорила созревание революционной ситуации в стране. «Война, — писал В. И. Ленин, — создает революционную ситуацию, порождает революционные настроения и брожения в массах, вызывает повсюду в лучшей части пролетариата сознание гибельности оппортунизма и обостряет борьбу с ним.

³¹ Révai József, Указ. соч. стр. 333.

Растущее в трудящихся массах желание мира выражает их разочарование, крах буржуазной лжи о защите отечества, начало прояснения их революционного сознания». ³² Правильность этого положения подтверждает обстановка, сложившаяся в Венгрии в годы первой мировой войны.

Война вызвала в стране тяжелую экономическую разруху. Производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции упало почти до 50% довоенного уровня. Соответствующие цифры приведены в статье М. Ракоши, опубликованной в журнале «Вопросы истории». ³³

Жизненный уровень народа резко снизился. В то же время усилилась эксплуатация рабочего класса и трудящегося крестьянства. В стране свирепствовали эпидемии, голод. А рядом с ужасными бедствиями трудящихся жирели, наживаясь на военных поставках, спекулянты, крупные чиновники, капиталисты. Вызревал один из важнейших признаков революционной ситуации — резкое обострение недовольства народных масс в связи с их тяжелым экономическим положением и полным политическим бесправием.

Существенным фактором, ускорившим развитие революционных настроений в Венгрии, было влияние Февральской и особенно Великой Октябрьской революций.

Но революционная ситуация есть единство противоположностей. Со стороны одной противоположности (революционные действия масс) исходит действие, направленное на разрушение старого качества; со стороны другой, наоборот, — на сохранение этого качества (состояние правящих классов, прочность их государственной власти). До тех пор пока старая власть достаточно прочна и устойчива, разрушительные действия революционных масс парализуются. Да это и понятно, так как в руках господствующего класса, заинтересованного в сохранении старого общества, находится реальная сила, весь аппарат принуждения (армия, полиция, чиновничество). Поэтому только ослабление старой власти, кризис внутри господствующих классов может создать реальную возможность революции. Но этот кризис возможен либо в результате резкого обострения противоречий внутри правящей верхушки, либо в результате внешних ударов (поражение в войне), либо в результате того и другого вместе. Последний случай, усиливая кризис до крайних пределов, является наиболее благоприятным для разрыва старого качества, для революции. При этом, разумеется, нельзя забывать о решающей роли субъективного фактора для превращения возможности в действительность.

В Венгрии в 1918 г. в связи с поражением на фронтах, резким обострением внутренних противоречий возникла революцион-

³² В. И. Ленин. Соч. т. 21, стр. 315.

³³ См. М. Ракоши, Создание Коммунистической партии Венгрии. Венгерская Советская республика (1917—1919). Вопросы истории, 1955 г. № 11.

ная ситуация, которая послужила непосредственной причиной буржуазно-демократической революции, начавшейся 31 октября.

В рамках данной статьи нет необходимости останавливаться подробно на истории развития этой революции. Охарактеризуем лишь ее основные особенности.

Революция 1918 г. в Венгрии — вторая буржуазная революция в ее истории. Но эта революция существенно отличалась от буржуазных революций домонополистического периода капитализма. Наряду с февральской революцией 1917 г. в России, ноябрьской революции 1918 г. в Германии,³⁴ — Венгерская революция 1918 г. относится к буржуазно-демократическим революциям³⁵ периода империализма, или точнее периода первого этапа общего кризиса капитализма. Каковы же своеобразные черты этих революций?

1) Если буржуазно-демократические революции периода домонополистического капитализма укрепляют буржуазное общество, способствуют его развитию и являются составной частью мировой буржуазной, антифеодальной революции, то буржуазно-демократические революции 1917—1918 гг. произошли тогда, когда капитализм превратился в умирающий, загнивающий капитализм, когда противоречия его стали настолько острыми, что на повестку дня был непосредственно поставлен вопрос о социализме. Эти революции уже являются составной частью мировой социалистической революции, так как они подрывают господство империализма и облегчают победу социализма.

2) Первая мировая война положила начало общему кризису капитализма. Наступил такой период в развитии противоречий капитализма, когда старая форма начала рваться. Ослабленная в результате войны политическая надстройка буржуазно-помещичьего строя в ряде стран не выдержала и рухнула под ударами революции. При этом характерно, что это произошло в наиболее слабых звеньях империалистической цепи (Россия, Австро-Венгрия, Германия), где переплетались разнородные экономические, классовые и политические противоречия. Таким образом, война — этот «всесильный режиссер», этот «могучий ускоритель», «с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и

³⁴ В оценке характера и движущих сил Ноябрьской революции мы присоединяемся к точке зрения, выраженной в статье Я. С. Дробкина «О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии», Вопросы истории, 1956 г. № 5.

³⁵ При определении буржуазно-демократической революции мы исходим из того, что буржуазно-демократическая революция отличается от буржуазной следующими признаками: 1) эта революция народная, т. е. в ней активное участие как движущие силы принимают пролетариат и крестьянство-подавляющее большинство народа; 2) эта революция связана с широким аграрным движением за передел земельных отношений; 3) наконец, в этой революции народные массы выступают со своими, отличными от буржуазии, требованиями.

невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами». ³⁶

3) Гегемоном буржуазно-демократических революций 1917—18 гг. была не буржуазия, а пролетариат. Буржуазия же превращается теперь в контрреволюционную силу и видит свою задачу в срыве революции, в подавлении ее.

4) Революции начались в промышленных центрах и главными участниками их были рабочие и солдаты. При этом особенно велика роль солдатских масс, которые перешли на сторону рабочего класса, тем самым обеспечив успех революции. Но большинство солдат — крестьяне (по крайней мере в России и Венгрии да и в Германии представителей мелкой буржуазии города и деревни был не малый процент), поэтому с самого начала сложился союз пролетариата и крестьянства, обеспечивший широкое участие крестьянских масс в революции.

5) В революциях возникли органы народной власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — как конкретная форма демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как подлинные выразители интересов самых широких масс трудящихся. Российский пролетариат был инициатором их создания, а затем по «русскому образцу», они возникли как органы революционной власти в Австро-Венгрии и Германии. Наличие Советов было важнейшей предпосылкой того, что революция может пойти дальше, к социалистической революции. ³⁷

6) В революциях сказалась организационная и идейная слабость широких народных масс. Имея в руках реальную силу, массы передали власть буржуазии (Временному правительству в России, Национальному комитету в Венгрии, правительству Эберта — Гаазе в Германии). Это доверчивое отношение к буржуазии связано с буржуазными задачами революции и имеет причину в широком распространении мелкобуржуазных настроений и иллюзий. ³⁸ Решающую роль при этом сыграло предательское поведение меньшевиков и эсеров в России, лидеров социал-демократии в Венгрии и Германии.

Наряду с общими чертами эти революции имеют и существенные различия. Действительно, Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России переросла в Октябрьскую социалистическую, открыв эру коммунизма во всем мире; Венгерская буржуазно-демократическая революция также переросла в социалистическую, но революция потерпела поражение — произошла реставрация буржуазного строя; а в Германской буржуазно-демократической революции вообще не хватило сил для

³⁶ В. И. Ленин, Соч. т. 23, стр. 293.

³⁷ «Вот в чем залог того, что эта революция может пойти дальше» — писал В. И. Ленин. Соч. т. 24, стр. 377

³⁸ Анализ причин этого своеобразия дал В. И. Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции». Соч. т. 24, стр. 40—42.

перехода к социалистической революции. Самую главную и решающую причину этого следует искать в различной степени зрелости субъективного фактора, выражающегося в первую очередь в наличии боевой, марксистской партии пролетариата. Только руководство такой партии пролетариата может обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. «Рабочий класс без самостоятельной политической партии — это туловище без головы».³⁹ При сравнении истории развития буржуазно-демократических революций 1917—18 гг., хорошо видна роль партии как руководителя революции. В России — опытная боевая партия, прошедшая через тяжелейшую подпольную борьбу, решительно изгнавшая из своих рядов оппортунистов, руководимая таким вождем, как В. И. Ленин. Победа пролетариата, возглавляемого такой партией, закономерна. В Венгрии и Германии коммунистические партии возникли в ходе буржуазно-демократической революции. Это были молодые, неопытные, еще незакаленные в борьбе, партии. Но в отличие от молодой коммунистической партии Германии, не сумевшей стать во главе революционного движения масс, венгерские коммунисты в ходе революции завоевали на свою сторону пролетариат страны и большую часть солдат, а это в свою очередь явилось решающим условием, обеспечившим переход к социалистической революции.

Важнейшей новой закономерностью, проявившейся уже тогда, было влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение других капиталистических стран. Со времени победы Октября пора изолированных социалистических революций кончилась. Это означает, что возник новый объективный фактор, способствующий и помогающий развитию революций в других странах. Естественно, что в 1918 г. действие этого фактора не могло развернуться в полную силу: трудящиеся России сами отбивали бешеную атаку внешней и внутренней контрреволюции. Тем не менее влияние Великого Октября на революцию в Венгрии и Германии поистине колоссально. Достаточно сказать, что трудящиеся этих стран шли на революцию, имея перед глазами «русский образец», вдохновляясь примером и идеями Октябрьской революции. В Венгрии огромную революционизирующую роль сыграли бывшие венгерские военнопленные, находившиеся в период первой мировой войны в плену в России. Из полумиллиона военнопленных около 100 тысяч непосредственно сражались в рядах Красной гвардии и Красной армии за Советскую власть.⁴⁰

В совместных боях на фронтах гражданской войны были заложены основы прочной дружбы советского и венгерского народов.» В борьбе за создание родившегося 40 лет тому назад Со-

³⁹ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932. М. 1933, стр. 106.

⁴⁰ A magyar tanácsköztársaság hősi küzdelemeiről. (Tanulmányok). Szikra. Bp. 1954. 29. old.

ветского Союза десятки тысяч венгерских рабочих и крестьян познакомились с революционным учением Ленина о диктатуре пролетариата и о пролетарском интернационализме. Когда эти венгерские революционеры вернулись на родину, то они привезли с собой ленинские идеи и под воодушевляющим влиянием советского примера шли в первых рядах борцов за создание Венгерской партии, за завоевание диктатуры пролетариата и Венгерской Советской республики». ⁴¹

Остановимся коротко на причинах перерастания венгерской буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Выше было показано, что объективные предпосылки для такого перерастания были в стране налицо. Буржуазно-демократическая революция 1918 г. разрешила лишь некоторые политические противоречия. Это во-первых, главное противоречие того периода—противоречие между широкими народными массами, жаждавшими мира, и правящими классами, ответственными за кровопролитную войну. Пришедшее к власти правительство Карои заключило перемирие с державами Антанты. Необходимо отметить, что условия перемирия были очень тяжелы и вызвали законное недовольство венгерского народа. Правительство, подписавшее такое перемирие, в значительной мере подорвало свой авторитет в стране. Во-вторых, национальное противоречие—была ликвидирована зависимость страны от Австрии, Венгрия стала самостоятельным государством. Наконец, в-третьих, под прямым давлением масс правительство Карои должно было отказаться от присяги королю и провозгласить 16 ноября 1918 г. республику.

Но главные, экономические противоречия остались неразрешенными. Не было предпринято никаких революционных мер против феодальных отношений в сельском хозяйстве. Дальше разговоров о земельной реформе дело не пошло. Правительство ничего не сделало, чтобы улучшить положение пролетариата, не боролось против капиталистов, саботирующих производство, а, наоборот, считало своей главной задачей сохранение капиталистической собственности. Не была разрешена проблема безработицы и трудоустройства демобилизованных солдат. Правительство медлило также с проведением широкой демократизации политической жизни. Все это свидетельствовало о контрреволюционном характере буржуазии, представители которой сидели в правительстве Карои, а также о предательстве лидеров социал-демократии, т. н. «социалистов», поддерживающих буржуазию. Возникло положение, аналогичное обстановке в России после февраля 1917 г., где ту же роль играло правительство Керенского. Недаром В. И. Ленин назвал Карои «венгерским Керенским». ⁴² Таким образом, экономические и классовые противоречия, лежа-

⁴¹ Речь тов. Яноша Кадара. «Правда» 22 марта 1957 г.

⁴² В. И. Ленин, Соч. т. 29, стр. 244.

щие в основе революции, не были разрешены. Становилось ясным, что их разрешение связано с новой революцией — социалистической. Переход к социалистической революции обеспечивался тем, что гегемоном буржуазно-демократической революции был пролетариат, что в борьбе за руководство революцией между социал-демократической и Коммунистической партиями победу одержали коммунисты, наконец, тем, что массы создали органы, обладающие фактической властью — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Важнейшей специфической особенностью Венгерской социалистической революции было то, что переход к диктатуре пролетариата произошел мирным путем, буржуазия добровольно передала свою власть пролетариату. Венгерская революция практически показала, что коммунисты не являются сторонниками насильственного захвата власти во всех случаях, что применение или неприменение насилия зависит исключительно от самой буржуазии, от форм ее сопротивления. Почему стал возможным добровольный отказ буржуазии от власти? Это объясняется слабостью венгерской буржуазии, которая оказалась не в состоянии управлять, когда появилась реальная угроза существованию страны. В то же время трудящиеся массы обладали реальной силой. Видимо, можно говорить о существовании такой исторической закономерности: исторически отживающий класс не в состоянии справиться с тяжелым кризисом, в который попадает нация. Он вынужден либо предавать национальные интересы, либо передавать власть исторически прогрессивному в данное время классу. «Буржуазия, — писал В. И. Ленин по поводу венгерской революции, — показала всему миру, что, когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может». ⁴³

Начавшаяся 21 марта 1919 г. в Венгрии социалистическая революция немедленно приступила к осуществлению социалистических мероприятий в экономике и политической жизни. Декретами революционного правительственного Совета от 26/III 1919 г. было объявлено о переходе в общественную собственность всех промышленных и транспортных предприятий, а также шахт, с числом рабочих свыше 20, о социализации банков.⁴⁴ 3/IV был принят декрет о социализации земли. Крупные и средние владения вместе с живым и мертвым инвентарем, а также с сельскохозяйственными предприятиями переходили в собственность пролетарского государства. Был запрещен какой-либо раздел земли. В то же время предусматривалась организация сельскохозяйственных кооперативов, которым была передана отчужденная земля.⁴⁵

⁴³ В. И. Ленин, Соч. т. 29, стр. 219.

⁴⁴ Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmányozásához. II Bp. 1954. 120—121. old.

⁴⁵ Там же, стр. 141—142.

Советская власть осуществила также ряд других серьезных экономических и социальных мер, направленных на улучшение экономического положения трудящихся: повышение заработной платы, уравнивание заработной платы мужчин и женщин, снижение квартирной платы и переселение рабочих в квартиры буржуазии, расширение социального страхования, организация в замках аристократов детских домов и т. д. Трудящиеся получили политические права. 7—8 апреля 1919 г. в Венгрии состоялись выборы в Советы, в которых, впервые за всю историю Венгрии, приняли участие широкие массы народа. Борьба за социалистические преобразования происходила в чрезвычайно тяжелых внутренних и внешних условиях. Разрушенное производство, инфляция, нарушение торговых связей между городом и деревней требовали принятия срочных экономических мер. Но Советская власть не имела возможности сколько-нибудь серьезно заняться разрешением этих проблем, так как она сразу же подверглась нападению со стороны империалистов Антанты, которые использовали для этой цели главным образом румынские и чешские войска. Героически отбивая атаки интервентов и беспощадно подавляя внутреннюю контрреволюцию, Венгерская Советская республика просуществовала 133 дня. В августе 1919 года социалистическая революция в Венгрии потерпела поражение. Каковы же основные причины поражения революции 1919 г.?

Рассматривая этот вопрос, можно выделить две группы причин: объективные и субъективные. Под объективными причинами подразумеваются такие, которые не зависят от политики данного государства или партии, под субъективными — наоборот, правильная или неправильная политика государства или партии. Разумеется, объективные причины не выступают как фатальная необходимость — их действие возможно в значительной степени парализовать или использовать, что зависит прежде всего от правильной внешней и внутренней политики.

К объективным причинам относятся следующие: 1) Венгерской Советской республике пришлось с самого начала вплотную решать противоречие между народными массами страны и империалистами Антанты. Способ решения этого противоречия — война, которая происходила в чрезвычайно невыгодных условиях для Советской Венгрии. И хотя молодая венгерская Красная Армия героически сражалась на фронте, переходя неоднократно в контрнаступление (результатом одного из них было освобождение части Словакии и провозглашение Словацкой Советской республики), но явный перевес сил был на стороне румынско-чешских войск, за спиной которых стояли Англия и Франция. 2) «одной из главных причин падения Венгерской Советской республики 1919 г. явилась ее внешняя изоляция. В то время молодая Российская Советская республика сама отбивалась от наседавших на нее со всех сторон врагов и не могла оказать венгерскому пролетариату необходимой помощи в защите своих завоеваний от

внутренних и внешних сил контрреволюции.»⁴⁶ 3) Наконец, сыграли роль и небольшие размеры территории Венгрии, отсутствие достаточных ресурсов продовольствия и промышленного сырья.

К субъективным причинам относятся: 1) Крупнейшим промахом и серьезной политической ошибкой венгерских коммунистов было их объединение с социал-демократами. Венгерские коммунисты слишком доверчиво отнеслись к заверениям социал-демократов о верности диктатуре пролетариата и Советской власти. В. И. Ленин в связи с этим писал: «Искренно» объявивший себя коммунистом человек, который на деле, вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно сильной и героической политики (только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) колеблется и малодушничает, — подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету разница очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти».⁴⁷

Коммунисты, объединившись с социал-демократами, отказались от самостоятельной партии, тем самым пролетариат лишился организованного, дисциплинированного, марксистского авангарда. Идейное и организационное объединение может быть полезно только на основе разрешения противоречий, а не на основе примирения противоречий, только в этом случае оно может быть внутренне прочным. Социал-демократические руководители, — а их было большинство в государственных органах республики, — вели предательскую политику, подымали изнутри диктатуру пролетариата. 2) Одной из существеннейших причин поражения венгерской пролетарской революции является неправильная, ошибочная политика в аграрном вопросе. Как уже указывалось выше, аграрный вопрос в Венгрии стоял очень остро. Одним из решающих противоречий на протяжении десятков лет было противоречие между крестьянством и помещиками. Буржуазно-демократическая революция 1918 г. не разрешила этого противоречия, и крестьянство ждало от Советской власти удовлетворения своих вековых чаяний. Конечно, в пролетарской революции главным противоречием является противоречие между капиталистами и рабочими, трудом и капиталом, а вышеназванное противоречие занимает подчиненное место, тем не менее недооценка его имела чрезвычайно тяжелые последствия. В этом отношении не был использован богатый опыт Великой Октябрьской революции, обобщенный В. И. Лениным в работе

⁴⁶ Декларация правительств Советского Союза и Венгерской народной республики. «Правда» 29 марта 1957 г.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч. т. 30, стр. 329.

«Пролетарская революция и ренегат Каутский».⁴⁸ Большевицкая партия правильно учла место и взаимосвязь этих противоречий и смогла поэтому правильно их разрешить. В Венгрии, правда, классовое расслоение в деревне было сильнее, чем в России перед революцией, но венгерские коммунисты переоценили факт классовой дифференциации деревни и подходили к решению аграрного вопроса с позиций социалистической, а не буржуазно-демократической революции. Поэтому они категорически возражали против раздела земли. Необходимо «энергичная борьба с разделом земли» — писал тов. Бела Кун, излагая платформу венгерских коммунистов.⁴⁹ Аграрный вопрос рассматривался исключительно с точки зрения экономической, как вопрос о снабжении города сельскохозяйственной продукцией, а не как вопрос политический, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства. Не чувствуя почти никаких изменений для себя в результате установления диктатуры пролетариата, крестьянство не поддерживало советской власти, а в ряде случаев выступило против нее. Анализируя эту ошибку венгерских коммунистов, В. И. Ленин говорил на II конгрессе Коминтерна: «Можно сохранить крупную обработку и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное. В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полуфеодалное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части больших владений, из которых можно кое-что дать мелкому крестьянству, пожалуй, не в собственность, а в аренду, чтобы и самому мелкому мужичку досталось что-нибудь из конфискованного владения. Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между прежним правительством и диктатурой Советов. Если пролетарская государственная власть будет так вести себя, то она не сможет удержаться».⁵⁰

Таким образом, имело место ошибочное смешивание качественно различных революционных процессов и, как следствие этого, попытка решить разнородные противоречия одинаковым способом, что не могло не сказаться отрицательно на ходе революции. Это во-первых. Во-вторых, важное значение в победе революции имеет единство революционных классов, объединение трудящегося большинства вокруг пролетариата. В решении этого вопроса решающую роль играет правильная политика руководящей революцией партии. От правильной политики в первую очередь зависит применение тех или иных способов разрешения противоречий. В пролетарской революции эти способы должны быть подчинены решению основного противоречия — противоречия между трудом и капиталом. Следовательно, все направляется к одной цели — обеспечению победы пролетариата. В странах с большим количеством крестьянства победа пролетариата обеспе-

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч. т. 28, стр. 271—291.

⁴⁹ Коммунистический Интернационал, 1919 г. № 2.

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч. т. 31, стр. 224—225.

чивается поддержкой трудящихся крестьянских масс, союзом пролетариата с беднейшим крестьянством. Это осуществили большевики в России, этого не учли коммунисты в Венгрии в 1919 г. Таковы главные причины поражения Венгерской Советской республики.

Венгерская социалистическая революция 1919 г. оставила глубокий след как в международном, так и в венгерском рабочем движении. Ее великое значение состоит в том, что она первая пошла по пути Великой Октябрьской революции, на практике опровергнув клеветнические буржуазные и правооппортунистические утверждения об одинокости русской революции, о невозможности повторения ее опыта в Европе. Успехи и неудачи венгерской революции явились историческим уроком для пролетариата и коммунистических партий других стран.

Социалистическая революция 1919 г. — одна из лучших страниц истории героического венгерского народа, продолжение славных традиций революционеров 1848—1849 г. Уже в 1919 г. трудящиеся Венгрии одними из первых в мире заявили о своей преданности делу социализма и пролетарского интернационализма.

В революционном движении международного пролетариата в 1917—1919 гг. решалось основное противоречие — противоречие между общественным характером производства и частнособственными производственными отношениями, противоречие между трудом и капиталом. Это, по существу, первая крупная атака на капитализм окончилась блестящей победой российского пролетариата. Но в других странах рабочий класс потерпел поражение — основное противоречие осталось неразрешенным. Это объясняется в первую очередь еще недостаточной подготовленностью и недостаточной зрелостью пролетариата, силы которого ослаблялись влиянием социал-демократического реформизма, и слабостью молодых еще тогда коммунистических партий. Но неразрешенное основное противоречие расшатывало устои капитализма и подготавливало новую, вторую революционную волну — революции 40-х годов XX века.

На смену венгерскому советскому правительству пришло «профсоюзное правительство», возглавляемое социал-демократом Пейделем. Это правительство «социалистов» немедленно приступило к уничтожению завоеваний пролетарской революции. Оно восстановило право частной собственности на все промышленные и торговые предприятия, выпустило арестованных контрреволюционеров, распустило Красную армию. В лихорадочном темпе старалось оно выслужиться перед буржуазией. При этом оно прикрывалось фразами о демократии, о верности принципам социализма. Так, министр — «социалист» Агоштон заявлял, что «правительство решительно отстаивает принцип социализма».⁵¹ «Социалисты» открыли дорогу контрреволюции, белому террору,

⁵¹ Réti László. 1919 augusztus. Népszabadság. 1957. febr. 2.

используя для маскировки своего кровавого пути социалистическую фразеологию.

Правительство Пейделя просуществовало всего 6 дней. Разоружив пролетариат, оно выполнило свою роль. Буржуазию больше не устраивало даже такое «социалистическое» правительство, и она поставила у власти открытых реакционеров во главе со Стефаном Фридрихом. «Эта зверская контрреволюция, руководимая отбросами офицерской шайки английского наймита, адмирала Хорти, пляшет теперь отвратительный танец на трупах рабочих. Нет такого зверства, нет такой низости, нет такого животного цинизма, которых не проявила бы разнузданная власть христианско-генеральского «порядка». Тысячи повешенных и расстрелянных, десятки тысяч заточенных в тюрьмы, убитых и подколотых из-за угла, сброшенных в клоаки, отравленных, бесследно пропавших, ограбленных, изнасилованных, изувеченных пытками, — вот тот порядок, который восстановила с помощью II Интернационала демократическая «Лига наций»,⁵² — писал в обращении к пролетариату всего мира II конгресс Коминтерна.⁵³

Такую же предательскую роль, как и правительство Пейделя, играло в октябре-ноябре 1956 г. правительство Имре Надя. Нелучайно в Венгрии сейчас называют его вторым правительством Пейделя.⁵⁴ «Правительство Имре Надя, во главе которого стоял коммунист, прикрывало и маскировало его именем перед массами факт своей бездеятельности против сил контрреволюции и разгула белого террора, мешало осознать истинные размеры опасности».⁵⁵ Но трагедия венгерского пролетариата не могла повториться. Лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом, не остался равнодушным к судьбе братского народа. С помощью Советского Союза контрреволюция была разгромлена, завоевания социалистической революции сохранены.

Таким образом, первая попытка венгерского пролетариата взять власть в свои руки и построить социалистическое общество потерпела поражение. В стране были реставрированы капиталистические порядки, возвращена прежним владельцам земля. В области политической были восстановлены прежние государственные институты. 1 марта 1920 г. на пост регента Венгрии был избран палач венгерского народа, бывший адмирал австро-венгерской монархии Миколош Хорти. Следовательно, буржуазия Венгрии отказалась даже от завоеваний буржуазно-демократической революции, установившей республику, и восстановила монархический образ правления — конституционную монархию. Всю

⁵² Коммунистический интернационал в документах 1919—1932. М. 1933 г. стр. 158—159.

⁵³ Обстановка в стране после падения Советской власти рассматривается в статье М. Ф. Лебовича «Борьба внутренней и иностранной контрреволюции против венгерского народа в 1919 году». «Вопросы истории» № 9, 1957 г.

⁵⁴ Népszabadság. 1957. febr. 2.

⁵⁵ О событиях в Венгрии. Факты и документы. М. 1957, стр. 127

власть в стране опять захватил реакционный блок буржуазии и помещиков. Но, опасаясь все время новой революции, эксплуататорские классы решили править страной при помощи открытой фашистской диктатуры. Собственно говоря, фашистская диктатура Хорти была первым фашистским режимом в мире. Выражая интересы крупной буржуазии и помещиков, этот режим при помощи социальной демагогии, религиозной, националистической и антисемитской пропаганды привлек на свою сторону кулачество, определенные слои мелкой буржуазии города и интеллигенции. «Эта расово-религиозная демагогия особенно раздавалась в первые годы контрреволюции, но и в дальнейшем она была постоянным средством идеологии венгерского фашизма».⁵⁶ Фашистская диктатура обрушилась в первую очередь на рабочий класс и его авангард-коммунистов. Свыше 5000 человек было убито, более чем 70 000 — арестовано, больше чем 100 000 — эмигрировало из страны.⁵⁷ Такого террора не знала венгерская история со времени подавления крестьянского восстания под руководством Дожа. Был принят т. н. закон об интернировании, по которому любое «беспокойное или подозрительное лицо» можно было заключить в концентрационный лагерь. Таким способом расправлялся фашизм с неугодными ему элементами, физически истребляя лучших представителей рабочего класса и народной интеллигенции. Прямая связь имеется между хортистскими убийцами начала 20-х годов и зверствами фашистов во время контрреволюционного мятежа в октябре-ноябре 1956 г. Почерк один и тот же. Уже это единство свидетельствует о том, какую судьбу готовили контрреволюционеры нынешней Венгрии — судьбу, повторяющую путь кровавой милитаристской диктатуры Хорти. Восстановление старых отношений собственности, экономического и политического господства буржуазии и крупных землевладельцев означало возвращение к старому дореволюционному положению. При этом имело место возвращение не только к порядкам, господствовавшим до социалистической революции, но даже до буржуазно-демократической. Из всех задач буржуазной революции, объективно стоявших на повестке дня, была решена задача обеспечения независимости, или, точнее сказать, была создана своя государственность, ибо экономическая и политическая зависимость от иностранного империализма не только не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась. Остальные противоречия: противоречие между крестьянством и помещиками, имеющее экономическую основу в сохранении полуфеодалных отношений в сельском хозяйстве, между реакционным политическим строем и народными массами, а также между общественным характером производства и частной формой присвоения, между трудом и капиталом, между беднейшим крестьян-

⁵⁶ Nemes Dezső, A kommunisták magyarországi pártjának harca 1919 augusztusától 1929 őszéig. Szikra. Bp. 1954. 16. old.

⁵⁷ A mukásosztály helyzete a Horthy-rendszer idején. Összeállította Kádár Iván. Szikra. Bp. 1956. 13. old.

ством и сельскохозяйственным пролетариатом, с одной стороны, и городской и сельской буржуазией (кулачеством), с другой, и др. остались и еще более углубились. К ним добавились новые противоречия, еще более обострившие экономическую и политическую обстановку в стране. Сюда в первую очередь относятся противоречие между иностранным империализмом и венгерским народом, и противоречия между фашистским политическим строем и широкими трудящимися массами, борющимися за демократию. Все это означало, что объективные предпосылки как буржуазно-демократической, так и социалистической революции сохранились. Экономические, классовые и политические противоречия, лежащие в основе как первой, так и второй революции углубились и обострились. Обратимся к более подробному анализу этих противоречий. Но прежде, одно замечание. Поражение венгерской социалистической революции — пример исторического регресса, пример того, что в истории не все происходит гладко и прямолинейно. Историческая закономерность пробивает себе дорогу через отклонения, отступления от основной линии развития. В данном случае произошел возврат от социалистических производственных отношений, от власти трудящихся — диктатуры пролетариата, к капиталистическим и полуфеодальным производственным отношениям, к диктатуре реакционной буржуазии.

Итак, как же развивались экономические и политические противоречия в Венгрии в период между 1-ой и 2-ой мировыми войнами?

Противоречия между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями в период общего кризиса капитализма резко обостряются. На примере Венгрии это ясно видно. В течение ряда лет после поражения Советской власти в Венгрии буржуазия и помещики не могли справиться с очень сильными хозяйственными затруднениями. Стоимость промышленного производства в 1921 г. уменьшилось по сравнению со средним уровнем 1911—1915 гг. на 40%. Страна стояла на грани катастрофы.⁵⁸ Свирепствовала страшная инфляция, жизненный уровень трудящихся непрерывно снижался, падала реальная заработная плата рабочего класса. В то же время обогащалась крупная буржуазия, помещики, кулачество, которые нажили немалый капитал на спекуляциях, на усиливавшейся эксплуатации трудящихся.

Естественно, что такое положение в стране не могло не вызвать сопротивления рабочего класса. Даже в условиях свирепого хортистского террора рабочий класс поднимался на борьбу. С каждым годом увеличивалось количество стачек. Так, если в

⁵⁸ Magos György. Az angol és amerikai monopóliók szerepe a Horthy-fasiszmus megszilárdításában. Bp. 1953. 22—23. old.

1921 г. было 11 стачек шахтеров с 17 тыс. участников, то в 1924 г. — уже 67, с 46 тыс. участников.⁵⁹

Граф Бетлен, премьер-министр венгерского правительства в течение десяти лет (1921—1931 г.г.), впоследствии говорил: «Чудо всемирного значения, что мы живем, что мы эту эпоху переплыли».⁶⁰ Это признание весьма характерно. Но венгерская буржуазия вышла из этой эпохи живой не в результате своей собственной устойчивости или крепости — на помощь к ней пришел иностранный капитал. В 1924 г. правительство Бетлена на чрезвычайно тяжелых условиях получило «заем Лиги наций» в размере 375,51 млн. пенгё, фактически заем составил 315,2 млн. пенгё, т. е. больше, чем 60 млн. пенгё пошло, так сказать, в уплату за «благоденствие».⁶¹ Кроме помощи со стороны иностранного капитала определенную роль в поддержке разваливающегося буржуазного строя сыграла предательская политика социал-демократов. Между Бетленом и лидерами социал-демократии было заключено тайное соглашение, вошедшее в историю под названием пакта Бетлена-Пейера. По этому соглашению т. н. «социалисты» обязались не выступать против фашистского строя Хорти, а, напротив, оказывать помощь в его внутренней и внешней политике, в борьбе против коммунизма и Советского Союза. Взамен этого социал-демократия получила возможность увеличить количество мандатов в парламенте. Даже руководители II Интернационала, которые сами не раз предавали интересы рабочего класса, вынуждены были осудить это соглашение. Такое позорное соглашательство, прямое ренегатство, как нельзя лучше раскрывает суть политики социал-демократии. В октябрьско-ноябрьские дни 1956 г. среди имен вождей контрреволюции промелькнуло имя социал-демократического лидера Анны Кетли. Полезно вспомнить, что именно Кетли находилась в руководстве социал-демократической партии, когда оно подписывало этот позорный документ. Вот какие люди брали на себя миссию говорить от имени демократии. Легко понять, в таком случае, что скрывается за этой демократией.

Итак, только помощь иностранного капитала и предательство лидеров социал-демократии спасли буржуазный строй в Венгрии в первой половине 20-х годов. Плох тот организм, который поддерживает свою жизнь при помощи таких «наркотических» средств. Этот факт наглядно показывает, что капиталистические производственные отношения перестали быть в целом формой развития производительных сил, их существование должно поддерживаться искусственными приемами. Но и достигнутая стабилизация ни в коем случае не означает, «что капитализм залечил раны, нанесенные ему первой всемирной империалистической войной,

⁵⁹ A munkásosztály helyzete 60 old.

⁶⁰ Mód Aladár. Указ. соч., стр. 546.

⁶¹ Magos György. Указ. соч., стр. 62.

что он преодолел противоречия, особенно наглядно обнаруженные и в чрезвычайной мере обостренные этой войной. Период упадка капитализма продолжается. Ее отнюдь нельзя понимать как процесс постоянного упрочения капитализма, — упрочения, выражающего новую эпоху подъема капиталистического строя вообще, — а лишь как достигнутую теперь ступень известной его относительной прочности по сравнению с первыми послевоенными годами».⁶²

Было бы неправильно отрицать некоторое развитие венгерской промышленности в период между 1-ой и 2-ой мировыми войнами. Из аграрной страна за это время превратилась в аграрно-индустриальную. Известную роль в росте промышленности сыграла государственная самостоятельность Венгрии, отделение ее от Австрии. Те отрасли промышленности, развитие которых тормозилось искусственно австрийским капиталом, получили возможность быстрого развития (химическая, текстильная, кожевенная). Так, в текстильной промышленности в 1921 г. было 33 тысячи веретен, а в 1938 г. — 324 тысячи, стоимость продукции за этот же период выросла с 60,4 млн. пенгё, до 450 млн. пенгё.⁶³ С другой стороны, в увеличении удельного веса промышленности сыграл роль и чисто искусственный фактор. По заключенному после первой мировой войны Трианонскому договору от Венгрии отделилось около $\frac{2}{3}$ старой ее территории. Оставшаяся территория была более развита в промышленном отношении. Так, в 1914 г. промышленное население составляло 23% всего населения страны, а в 1920 г. — 28%.⁶⁴ Развитие промышленности Венгрии характеризуется следующими данными:⁶⁵

Год	Количество предприятий	1913 100	Количество рабочих	1913 100	Стоимость продукции в 1000 пенге (в текущих ценах)	1913 100
1913	2080	100	219282	100	2219505	100
1921	2124	102	136808	62	979388	44
1929	3512	169	237290	108	2867094	128
1934	3387	162	195992	89	1954388	88
1938	4036	194	289913	132	3050833	137

Рост основных видов промышленной продукции:⁶⁶

⁶² Коммунистический Интернационал в документах. стр. 529.

⁶³ З. Липпай, Венгрия, М., 1945, стр. 32.

⁶⁴ M ó d A l a d á g. Указ. соч., стр. 547.

⁶⁵ Таблица составлена на основе данных книги «A munkásosztály helyzete N orthy, rendszer idején» 71, 119, 179. old.

⁶⁶ Таблица составлена на основе: Magyar statisztikai szemle IX évfolyam. 1931. I szám. 219—221. old.: То же изд. XIII évfolyam 7—12 szám, 21—28. old. M ó d A l a d á g. Указ. соч. 727—728 old. Мировое хозяйство и мировая политика, № 7—8, 1926 г., стр. 123, 127. В. Н. М ы ш к о в. Венгрия. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, стр. 10—11.

Виды промышленной продукции	1913	1925	1929	1931—35 среднегодовая.	1938
Чугун (в тыс. тонн.)	190,5	93,2	—	129	335
Сталь	443,2	231,1	513	—	648
Уголь	7054,7	6327	7870	6983	8664,8
Электроэнергия в млн. квч.	—	—	214,8	—	1061,0
Железная руда	—	668,5	251	86,9	297,5

Эти данные свидетельствуют о том, что развитие промышленности шло чрезвычайно медленно. Лишь в 1938 году намечается некоторое оживление, связанное с возникшей в этот период военной конъюнктурой. Если сравнить темп развития основных видов промышленной продукции с развитием промышленности до первой мировой войны, то окажется, что он значительно медленнее. Это, во-первых. Во-вторых, вышеприведенные данные свидетельствуют, что развитие идет очень неравномерно; особенно резкий спад наблюдается во время мирового кризиса 1929—33 гг. В-третьих, уровень производства за 25 лет поднялся очень мало; Венгрия как была промышленно отсталой страной, так ею и осталась, т. е. это означает, что производительные силы по сути дела топтались на месте. Особенно наглядно показывает отставание экономики Венгрии сравнение душевного потребления основных видов промышленной продукции с развитыми странами Европы.⁶⁷

Страны	Годы	Чугун в кг.	Сталь в кг.	Электроэнергия в квт. ч.
Венгрия	1939	45,1	80,6	153,8(1938 г.)
Чехословакия	1937	115,0	159,0	—
Франция	1937	189,0	188,0	490,0
Англия	1937	183,0	279,0	608,0

Об отсталом характере экономики Венгрии свидетельствуют также данные о структуре промышленности и внешней торговли. Структура промышленности (1938): на первом месте по стоимости выпущенной продукции стоит пищевая промышленность (30,1%), затем текстильная (15,2%), а третье место занимает металлургическая. Всего на долю металлургической, машинострои-

⁶⁷ Данные взяты: по Чехословакии и Венгрии — Карра, Строительство социалистической экономики в Румынской народной республике, М., 1953, стр. 11; по Франции и Англии — Галенко, Строительство соц. экономики в Польской народной республике. М., 1955, стр. 4; расчет по электроэнергии в Венгрии — Мышков — Указ. соч., стр. 48.

тельной промышленности и производства электроэнергии падает по стоимости лишь 28,8% всей промышленной продукции.⁶⁸

Структура внешней торговли (1938 г.):⁶⁹

	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
	в тысячах пенге		в %	
Сырье	168594	310944	41,06	59,53
Полуфабрикаты	115242	50732	28,07	9,71
Готовые изделия	126771	160706	30,87	30,76
	410607	522382	100,0	100,0

Из этих данных ясен аграрный характер страны: около 60% экспорта — сырье и около 60% импорта — готовые изделия и полуфабрикаты. Если к этому добавить, что главными предметами экспорта были пшеница, скот и животноводческие продукты, птица, свиной жир и сало и т. п., а ввоза — лесоматериалы, промышленное оборудование, хлопок, то станет ясным характер промышленного развития Венгрии.

Вышеприведенные данные позволяют сделать неоспоримый вывод: производственные отношения капиталистической промышленности находились в резкой противоположности с производительными силами, превратились в тормоз общественного развития и требовали замены. Единственный способ решения этого противоречия, как известно, социалистическая революция. Противоположность между производительными силами и производственными отношениями усугублялась тем, что постоянно шел процесс обобществления труда, концентрации производства. Так, в 1938 г. насчитывалось в стране 109 предприятий с количеством рабочих свыше 500. Это составляло 2,7% всего количества предприятий. Но на этих заводах работало 43,5% всех рабочих, и на их долю приходилось 36,4% стоимости произведенной продукции.⁷⁰ Для сравнения можно взять хотя бы такую передовую капиталистическую страну, как Англия. В 1937 г. таких же предприятий в обрабатывающей промышленности было 5,2%, а работало на них 35,4%.⁷¹

Сильное тормозящее влияние на развитие производительных сил Венгрии оказывал иностранный капитал. Это влияние шло по разным линиям: через капиталовложения и промышленность, через кабальные займы, через банковский капитал. Как уже указывалось выше, до первой мировой войны иностранный капитал,

⁶⁸ В. Н. Мышков, Указ. соч., стр. 10.

⁶⁹ Там же, стр. 17.

⁷⁰ В. Н. Мышков, Указ. соч., стр. 9.

⁷¹ Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Стат. сборник, М., 1953 г., стр. 72.

главным образом австрийский и немецкий, играл большую роль в стране. После войны он был вытеснен английским, французским и итальянским капиталом, а с 30-х годов начался интенсивный рост влияния германского капитала. Роль иностранного капитала в экономике страны была настолько сильной, что Венгрия по существу являлась зависимой страной. Проиллюстрируем это некоторыми цифрами:⁷²

в млн. пенге (1937 г.)

	Весь капитал	В т. ч. иностранный	Доля иностранного капитала (в %)
В промышленности	1146	231	20
В кредитно-финансовых институтах.	328	104	30
Всего	1474	335	22,7

Американскому капиталу в промышленности принадлежали предприятия нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности; значительное место занимал американский капитал в электротехнической и в ряде других отраслей промышленности. В 1931 г. на долю США приходилось 26,3% долга Венгрии.⁷³ В руках английского капитала находилась реализация венгерских сельскохозяйственных машин и т. д.

Сильнейшим средством закабаления страны были иностранные займы и кредиты. О т. н. займе Лиги нации в 1924 г. уже упоминалось. В 1931 г. задолженность Венгрии составила 4.309.064.160 пенге, при этом 71,83% суммы появилось после 1924 г.⁷⁴ К каким последствиям в развитии производительных сил приводила эта задолженность, показывает Магош Дьердь в книге «Роль английского и американского монополистического капитала в укреплении фашизма Хорти». Сумма задолженности с 1924 г. до 1931 г. утроилась, а производство за это же время осталось почти на том же уровне.⁷⁵

Вся тяжесть гигантской задолженности ложилась на плечи трудящихся масс, испытывающих двойное угнетение — своего и иностранного капитала. Кроме того, экономическая зависимость неизбежно предполагала и политическую. Венгрия послушно плелась в фарватере империалистической и антисоветской политики великих держав.

Таким образом, иностранный капитал в буквальном смысле слова грабил венгерский народ, задерживая развитие произво-

⁷² В. Н. Мышков, Указ. соч., стр. 19.

⁷³ Там же,

⁷⁴ Magos György, Указ. соч., стр. 74.

⁷⁵ Там же, стр. 93.

дительных сил, усиливая эксплуатацию, увеличивая нищету и разорение трудящихся масс. Из сказанного вытекает, что в буржуазной Венгрии существовало острое экономическое противоречие между развитием производительных сил и иностранным капиталом, тормозящим это развитие.

Экономика Венгрии была опутана густой сетью полуфеодальных отношений. Как уже указывалось выше, полуфеодальные отношения имели место в сельском хозяйстве. Соответствующие данные уже приводились. Изменилось ли что-либо в этом отношении в период между первой и второй мировыми войнами? Конечно, кое-какие изменения произошли: процесс капитализации сельского хозяйства (пруссский путь) продолжался. Но изменения были некачественными, они мало касались основ отношений, сложившихся после революции 1848 г. Используя ошибки Советской власти в Венгрии по крестьянскому вопросу, контрреволюция стремилась разорвать союз пролетариата и крестьянства. Для этой цели широко применялась различного рода демагогия, в которой существенную роль играли обещания земельной реформы, наделения крестьян землей.

Но, как показали события, политический режим, выражавший интересы помещиков и крупных капиталистов, вовсе не собирался осуществлять какие-либо серьезные изменения в отношении собственности на землю. Он стремился к тому, «чтобы обещаниями земельной реформы препятствовать революционизации бедного крестьянства, и в то же время, осуществляя земельную реформу, обеспечить интересы класса помещиков».⁷⁶ Именно эти задачи пыталась осуществить, объявленная в 1920 г., земельная реформа, которая в сущности не изменила отношений собственности, существовавших до войны. Почти не были затронуты крупные земельные владения. Если в 1921 г. хозяйства размером свыше 100 гектаров владели 53% всей обрабатываемой земли, то в 1929 г. у тех же хозяйств оставалось в руках 49%.⁷⁷ Уменьшение малосущественное. Земельная реформа была самая «скромная» из всех, не отличающихся радикальностью, земельных реформ, проведенных в Европе после 1-ой мировой войны. Если в Румынии было разделено 15% земли, в Чехословакии — 13—14%, в Польше 8%, то в Венгрии всего 4,7%.⁷⁸ При этом действительно нуждающееся беднейшее крестьянство получило очень мало земли. В то же время правительство использовало земельную реформу для награждения верных ему офицеров, жандармов, чиновников, членов организации «Витязей». Всего было распределено 316 тысяч гектаров пахотной

⁷⁶ Mó d Alad ár, Указ. соч., стр. 549.

⁷⁷ Mó d Alad ár, Указ. соч., стр. 550.

⁷⁸ A magyar nép története II. (1849—1945). összeállította Pamlényi Ervin
Бр. 1954. 98 old.

земли.⁷⁹ Многие из получивших землю крестьян попали в чрезвычайно трудное положение из-за высоких выкупных платежей, высоких налогов и отсутствия сельскохозяйственного инвентаря. В результате «новые хозяйства» в большинстве случаев либо продавали свою землю кулаку за бесценок, либо владели жалкое существование. От реформы выиграли помещики, получившие большие выкупные платежи, банки, грабившие крестьян-задолжников, кулаки.

После проведения реформы земельная площадь распределялась следующим образом:⁸⁰

Величина владения	Число хозяйств		Общая площадь	
	число	%	в кад. хольдах	%
0—5 хольдов	1 184 783	72,5	1 631 246	10,1
5—10	204 471	12,5	1 477 376	9,2
10—20	144 186	8,8	2 025 946	12,6
20—50	73 663	4,5	2 172 300	13,5
50—100	15 240	0,9	1 036 162	6,5
100—200	5 792	0,3	805 164	5,0
200—1000	5 202	0,3	2 124 801	13,2
1000—3000	758	0,1	1 250 599	7,8
3000— и выше	302	0,1	3 558 250	22,1

Если сравнить эти данные с таблицей, помещенной на странице 101, то очевидно, что за сорок лет не произошло крупных изменений в распределении земельной собственности. 0,8% крупных хозяйств продолжали удерживать в своих руках 48,1% всей земельной площади. Такого неравенства в распределении земли не знала ни одна страна Европы. Сама по себе группировка данных только по размерам землевладения еще недостаточна, как известно, для определения экономической сущности владения.⁸¹ Но, учитывая, что многие крупные владения были неотчуждаемы (фидеикомиссы и майораты), учитывая историю аграрных отношений в стране, можно даже по этому признаку назвать их с уверенностью полуфеодальными латифундиями.⁸² Помимо феодальных пережитков в распределении земельной собственности имели место остатки феодальных отношений и в организации сельскохозяйственного производства. Хотя в чистом виде отработки и исполщины встречаются после первой мировой войны в относительно малом количестве (в 1920 году насчитывалось 18000 ис-

⁷⁹ А. Хевеши, Венгерское крестьянство и его борьба. М.—Л., 1927 г., стр. 139.

⁸⁰ Magyar statisztikai zsebkönyv. XV évfolyam. 1948. 103. old.

⁸¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 46.

⁸² См. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 224.

польщиков⁸³⁾ но в измененной форме они были широко распространены. Так, существовала система, по которой сельскохозяйственный рабочий-поденщик или бедный крестьянин получал от помещика клочек земли, семена, а взамен этого должен был отдавать большую часть урожая (на долю непосредственного производителя приходилось всего 1/5 или 1/6 часть) и кроме того отработывать на земле помещика несколько дней. «Таким образом, восстановили отработки, но отработки не только для использщика, арендатора, но и для полупролетариев и даже поденщика. Эта проклятая система становится все более невыносимой и для бедняков и для поденщиков, ибо постоянно растет денежная сумма и постоянно растет количество рабочих дней, которыми поденщик обязан помещику. Суть дела в том, что сотни и сотни беднейших крестьян и сотни и сотни тысяч поденщиков, таким образом, прикрепляются к хозяйству помещиков».⁸⁴

Венгерские помещики при помощи законодательства обеспечивали сохранение, выгодных им, феодальных пережитков. Отношения с сельскохозяйственными рабочими, например, регулировались так называемым «рабским законом», название которого говорит само за себя. По этому закону рабочему запрещалось самовольно оставлять работу у помещика. Предусматривалось тюремное заключение или крупный денежный штраф за участие в забастовке. «Закон о порке» разрешал хозяину наказывать батрака, запрещал батраку покидать двор и оставаться сверх предписанного времени вне дома.

О феодальных пережитках свидетельствует и характер заработной платы, получаемой сельскохозяйственными рабочими. Натуральная оплата труда играет большую роль, чем денежная, причем доля ее не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Вот соответствующие данные:⁸⁵

	1913 г.	1927 г.
Денежная зарплата	50,80%	20,31%
Натуральная зарплата	49,20%	79,49%

Таким образом, в венгерской деревне остались в неприкосновенности сильнейшие пережитки феодализма, которые тормозили развитие производительных сил сельского хозяйства. Следствием этого был хронический аграрный кризис, который имел место в Венгрии после первой мировой войны. Приводимые таблицы характеризуют состояние венгерского сельского хозяйства.

⁸³ Л. И. М а д ь я р, Аграрная политика пролетарской диктатуры в Венгрии, Коммунистический интернационал, 1929 г., № 12, стр. 13.

⁸⁴ Т а м ж е, стр. 17.

⁸⁵ Аграрные проблемы. 1934 г., № 3—4, стр. 88.

Производство важнейших сельскохозяйственных культур и их урожайность.⁸⁶

Годы	Пшеница		Рожь		Ячмень		Кукуруза	
	среднегодовое							
	пр-во в цент.	урож. на I холд в цент.	пр-во в цент.	урож. на I холд в цент.	пр-во в цент.	урож. на I холд в цент.	пр-во в цент.	урож. на I холд в цент.
1911-1915	19924	7,6	8033	6,8	7128	7,8	15054	10,1
1926-1930	22337	8,0	7427	6,5	6045	6,3	16283	8,7
1931-1935	20816	7,5	7247	6,6	6274	8,0	18551	9,4
1936-1940	23098	8,5	6989	6,6	6285	8,1	25148	12,4
1941-1943	19557	7,9	5808	6,2	6065	8,1	14988	8,2

Поголовье скота⁸⁷ (в тыс. голов)

Годы	Рогатый скот	Лошади	Свиньи	Овцы
1911	2150	896	3322	2406
1938	1875	813	3110	1629

Из этих данных видно, что производительные силы венгерского сельского хозяйства в целом топтались на месте. Производство, в ряде случаев даже не достигло довоенного уровня. Из всего сказанного вытекает, что в венгерской деревне существовало острое противоречие между производительными силами и полуфеодальными производственными отношениями.

Но ни в коем случае нельзя забывать, что после первой мировой войны капиталистическое развитие происходило в венгерском сельском хозяйстве довольно интенсивно. Крупные помещики все больше и больше переходили к капиталистическим формам ведения хозяйства. Капиталистические отношения проникали в сельское хозяйство различными путями. Происходила довольно быстрая дифференциация крестьянства, выделение с одной стороны кулаков — капиталистических предпринимателей в земледелии, а с другой — сельскохозяйственного пролетариата, которого особенно много было в стране, а также мелких и мельчайших крестьянских хозяйств (стоящих на грани разорения). Об усилении процесса дифференциации свидетельствует вышеприведенная таблица распределения земельной собственности. К этому можно добавить, что к середине 20-х годов в стране было 1523000 сель-

⁸⁶ Magyar statisztikai zsebkönyv . 113, 115 old.

⁸⁷ Составлено по Б. С. Э. изд. 1. Том 10, стр. 24. Magyar statisztikai szemle XIII évfolyam 7—12 szám.

скохозяйственных рабочих, которые вообще не имели земли и жили, главным образом, продажей своей рабочей силы. Вместе с семьями их было около 3,5 млн. человек, работающих у 12 тысяч помещиков, крупных арендаторов и кулаков.⁸⁸ Но капитализм в сельском хозяйстве Венгрии развивался по прусскому пути. На прусский путь, как уже указывалось выше, венгерское сельское хозяйство вступило после революции 1848 г. До первой мировой войны развитие капитализма, хотя медленно и мучительно, но все же шло вперед. Однако, в период перед второй мировой войной противоречие переросло в противоположность, наступил перманентный кризис. Вот как характеризует это положение Иोजеф Реваи: «Речь идет не о простом продолжении прусского пути, а о том, что прусский путь зашел в тупик. Крупные поместья теперь ни что иное, как экономически совершенно излишний паразит на теле венгерского общества».⁸⁹ Капиталистические производственные отношения тормозили развитие производительных сил не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Более того, в сельском хозяйстве они, сплетаясь с полуфеодальными отношениями, многократно усиливали свое тормозящее действие, вызывали кризисное состояние производительных сил. Одним из показателей тормозящего действия производственных отношений являются затруднения с введением техники в сельское хозяйство. Вот интересные данные: если принять стоимость закупленных молотилок и сеялок в 1920 за 100, то в 1925 — 129,4; 1927 г. — 82,3; 1929 — 19,6; 1931 — 3,1.⁹⁰

В Венгрии существовало аграрное перенаселение. Миллионы людей не могли найти применения своим силам. Происходило массовое расхищение основной производительной силы. Это также было следствием противоположности между производительными силами и производственными отношениями. Наконец, об этой противоположности свидетельствует обнищание трудящихся масс страны. Жизненный уровень народа в Венгрии был одним из самых низких в Европе. По словам одного буржуазного экономиста, нигде население не ходило в такой поношенной одежде, нигде не потреблялось меньше сахара, мяса, масла, нигде безработный не жил в такой нищете, как в Венгрии.⁹¹ И это не было преувеличением. Недаром Венгрию называли «страной трех миллионов нищих.»

В период стабилизации положение рабочего класса несколько улучшилось по сравнению с первой половиной 20-х годов. Но это улучшение было весьма непрочным и относительным. Во-первых, жизненный уровень пролетариата оставался ниже, чем в 1913 г., во-вторых, начавшийся кризис 1929—33 гг. резко ухудшил его,

⁸⁸ A munkásosztály helyzete 83. old.

⁸⁹ Révai József. Marxizmus, népiesség, magyarság. Szikra. Bp. 1955 309. old.

⁹⁰ «Конъюнктура мирового хозяйства», 1933 г., № 7, стр. 28.

⁹¹ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 7—8, стр. 129.

наглядно показав, что любое улучшение жизни рабочего класса в капиталистической стране не может быть ни прочным ни длительным. Индекс реальной заработной платы рабочих составлял: (1913 — 100) в 1925 г. — 73,9; в 1929 — 72,1.⁹²

Положение в 30-х годах характеризует следующая таблица:⁹³

Год	Среднегодовая номинальная зараб. плата одного рабочего		Среднегодовая реальная зараб. плата одного рабочего.	
	Фабрично-заводская промышленность	Мелкая промышл.	Фабрично-заводская промышленность	Мелкая промышленность
	1929—100			
1935	74,7	68,6	96,2	88,3
1936	76,1	67,8	92,9	82,7
1937	77,3	79,8	88,0	81,8
1938	80,1	74,5	91,2	84,9

Из данных видно, что реальная заработная плата далеко отставала от уровня 1913 г. К этому надо добавить, что в стране существовала постоянная безработица. В годы промышленного кризиса число безработных достигло в промышленности 200—250 тысяч, среди сельскохозяйственного пролетариата 500—600 тысяч (1931 г.) (полностью и частично безработные), затем эта цифра уменьшилась, но все же в 1938 г. было около 150 000 полностью безработных.⁹⁴ Венгрия длительное время была одной из немногих стран в Европе, где не существовало никаких ограничений в длительности рабочего дня. Только в 1935 г., под влиянием усиливающегося рабочего движения, появился закон о введении 8-часового рабочего дня. Но этот закон вводился очень медленно, да к тому же начавшаяся война (1939 г.) прекратило его действие. Поэтому мы встречаемся с такими фактами, когда рабочий работал по 60—80 часов, а иногда и больше, в неделю. В 1935 г. средняя рабочая неделя в промышленности составляла — 60 часов.⁹⁵

Хотя Венгрия была страной преимущественно аграрной, и сельскохозяйственные продукты составляли значительную часть ее экспорта, трудящееся население питалось плохо и недостаточно. Среднее потребление важнейших пищевых продуктов стояло значительно ниже, чем в большинстве европейских стран. В то время как из страны вывозилось много сахара, среднее потребление его на душу населения в 1933—34 гг. составляло всего 9,5 кг., а в Европе в среднем 17,4 кг.⁹⁶ Если же принять во внимание по-

⁹² A munkàsostàly helyzete 82 old.

⁹³ Там же, стр. 204.

⁹⁴ Там же, стр. 148, 211, 213.

⁹⁵ Там же, стр. 215.

⁹⁶ Там же, стр. 225.

ребление только рабочего класса, то тут положение окажется еще значительно хуже. Не говоря уже о сахаре, многие рабочие семьи не имели даже достаточно хлеба.⁹⁷ В свете этих данных грязной клеветой выглядят утверждения контрреволюционной пропаганды о, якобы, постоянном снижении жизненного уровня венгерского народа в годы строительства социализма. Тов. Марошан, выступая на собрании, посвященном 12 годовщине освобождения Венгрии, разоблачил эту контрреволюционную клевету и показал, что потребление основных продуктов питания (сахара, например, потребляется в среднем 24,5 кг на душу населения) неизмеримо выросло по сравнению с периодом хортистской власти.⁹⁸

В очень тяжелом экономическом положении находилось трудящееся крестьянство. Во многих хозяйствах отсутствовало даже простое воспроизводство. В 30-х годах задолженность на 1 гектар в крестьянских хозяйствах до 5 гектаров составляла 534 форинта. Это положение вызывало массовое разорение крестьянства. Так, в 1931 г. было продано с аукциона имущество 174 000 крестьян.⁹⁹ Крестьянство страдало от многочисленных налогов: земельного, жилищного, подоходного, имущественного, инвалидного, коммунального, налога на собак, церковного и т. д.

Экономические противоречия лежат в основе противоречий социальных, классовых. Период между первой и второй мировыми войнами был в Венгрии периодом острых классовых противоречий, классовых столкновений. На первое место выступает классовая борьба пролетариата. Несмотря на жестокий фашистский режим, стачечная борьба рабочего класса города и сельскохозяйственного пролетариата не ослабевает. Даже после поражения Советской власти, во время открытого белого террора, рабочий класс не прекращал своего сопротивления эксплуатации. В 20-е годы стачечная борьба усилилась. Так, в 1927 г. участвовало в забастовках 274137 рабочих.¹⁰⁰ Особенно усилилась борьба рабочего класса в годы кризиса (1929—33 гг.). 1 сентября 1930 года произошла мощная демонстрация будапештских рабочих, организованная Коммунистической партией Венгрии. Рабочие оказали сопротивление полиции. Возникли баррикады. Перепуганное буржуазное правительство поспешило объявить военное положение. В 30-х годах стачечное движение не уменьшилось, а наоборот, выросло. Не было ни одного года, чтобы не произошло хотя бы нескольких выступлений рабочего класса. Основное противоречие выступало в области классовой борьбы в рассматриваемый период как противоречие между пролетариатом и буржуазией, трудом и капиталом.

⁹⁷ A munkásosztály helyzete, 225—227. old.

⁹⁸ Népszabadság 1957 április 4. Эти данные также приведены в нашей печати. Правда 13 апреля, 1957.

⁹⁹ В. Н. Мышков, Указ. соч. стр. 13.

¹⁰⁰ A munkásastály helyzete 111. old.

Значительно меньше знают эти годы выступлений крестьянства. Не следует думать, что трудящееся крестьянство примирилось со своим положением. Такой вывод был бы совершенно неправильным. На известный период, пользуясь ошибками венгерской советской власти по аграрному вопросу, фашистской диктатуре при помощи демагогических обещаний удалось сбить с толку значительную часть крестьянства. Но убедившись, что широко распропагандированная земельная реформа не принесла ему облегчения, оно все сильнее начало оказывать сопротивление, переходя порой к открытым выступлениям. Например, в конце 1931 г в Озде крестьяне прогнали сборщиков налога и сопровождающих их жандармов. А затем, после проведенных арестов, они организовали демонстрацию в городе Мишкольц и добились освобождения арестованных.¹⁰¹ Кровавые столкновения между полицией и крестьянами произошли в апреле 1932 г.¹⁰² Хевеши приводит слова одного довольно консервативного автора, который пишет: «Крестьянство сельских городов венгерской равнины подразделяется на несколько слоев: поденных рабочих, батраков, мелких хозяев, мелких арендаторов, средних и крупных крестьян. Эти слои иногда резко разделяются материальными перегородками, но ненависть к господам в большей или меньшей степени является общей чертой всех их, и вокруг этого вопроса сглаживается существующий между ними антагонизм.»¹⁰³

Таким образом, не исчезло, а, наоборот, обострилось классовое противоречие между крестьянством и помещиками. В то же время эксплуатация деревни буржуазией города порождала и другое классовое противоречие, противоречие между крестьянством и буржуазией города, в особенности финансовой буржуазией. Наконец, нельзя не учитывать классовую дифференциацию крестьянства, о которой речь шла выше. С этой дифференциацией были связаны классовые противоречия, в первую очередь между кулачеством и трудящимся крестьянством. Следовательно, в венгерской деревне налицо были разнокачественные противоречия, противоречия, разрешаемые различными способами, одни — способом демократической революции, другие — способом социалистической революции. В то же время необходимо подчеркнуть теснейшую связь и переплетение этих разнокачественных противоречий.

С экономическими и классовыми противоречиями тесно связаны политические противоречия. Политическая надстройка отражала экономические отношения, сложившиеся в стране в течение всей предшествующей истории. Как в экономике, так и в политической надстройке сильны были феодальные пережитки. По традиции руководящие государственные посты принадлежали представителям аристократии. В стране сохранялся монархиче-

¹⁰¹ M ó d A l a d á g, Указ. соч., стр. 606.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ А. Хевеши, Указ. соч., стр. 163.

ский строй. В парламенте существовала верхняя палата, в которой заседали представители аристократии, высшего духовенства и чиновничества. Но эта же политическая надстройка вполне устраивала венгерскую буржуазию. В политической области наблюдалось единство эксплуататорских классов, имеющих одну цель — угнетать народные массы.

Все венгерские правительства после поражения Советской власти были открыто буржуазно-помещичьи. Да иначе и не могло быть — ведь во главе страны стоял регент, фашистский диктатор Хорти! В парламенте не были представлены трудящиеся. В палате депутатов в 1943 г. из 370 депутатов 259 представляли так называемый правый блок, большинство которого принадлежало к партии «Венгерская жизнь» — партии венгерской буржуазии и сросшихся с нею крупных помещиков; 58 — венгерские фашисты (партия «Обновление Венгрии» Имреди и «Скрещенные стрелы»); 7 — католическое «Христианское объединение»; 22 — беспартийных и т. д.; социал-демократическая партия имела 6 депутатов, а партия независимых мелких сельских хозяев — 13.¹⁰⁴ Эти партии называли себя народными. Но в действительности партия мелких хозяев выражала преимущественно интересы кулачества, а что касается социал-демократической партии, то о предательстве ею интересов пролетариата шла речь выше.

Таким образом, большинство населения Венгрии по сути дела было лишено политических прав, отстранено от участия в управлении страной. Напротив, политическое управление имело главной функцией подавление трудящихся. Поэтому основное противоречие выступало в политической области как противоречие между бесправными трудящимися классами (пролетариат и трудовое крестьянство) и политической надстройкой господствующих классов.

Это противоречие обострялось тем, что в Венгрии господствовал фашистский режим. При этом фашистская диктатура по мере приближения 2-ой мировой войны становилась все более открытой и реакционной. Непрочность венгерского капитализма, обнищание трудящихся масс, постоянный страх господствующих классов перед повторением 1919 г. — все это толкало венгерских помещиков и буржуазию к фашизму; они стремились найти свое спасение в «сильной» власти. Фашизм спекулировал на ревизионистских, шовинистических настроениях мелкой буржуазии, стремился расколоть единство трудящихся масс. В этом ему активно помогали среди рабочего класса — социал-демократическая партия, среди крестьянства — партия мелких сельских хозяев. «За усиление фашистской диктатуры и за усиление в Венгрии гитлеровского фашизма среди легальных оппозиционных партий решающую ответственность несет партия мелких хозяев. Но еще

¹⁰⁴ З. Липпай, Венгрия. 1945 г., стр. 8—9.

большую ответственность несет реформистское руководство венгерской социал-демократической партии. Это руководство ответственно за предательство не только социализма, но и дела демократии и национальной независимости».¹⁰⁵

Единственной партией, последовательно выступавшей против фашистской диктатуры за демократизацию, за национальную независимость, за власть рабочих и крестьян, была героическая Коммунистическая партия Венгрии. Поражение Советской республики нанесло сильный удар по организациям и кадрам молодой компартии. Сотни и тысячи коммунистов пали жертвами белого террора, среди них выдающиеся деятели партии Тибор Самуэли и Отто Корвин. Но несмотря на контрреволюционную диктатуру, жестокие преследования, компартия в условиях глубокого подполья продолжала свою революционную деятельность, организуя пролетариат на борьбу против фашистского режима, против капиталистической эксплуатации. Коммунисты руководили стачечной борьбой, выпускали листовки, вели агитационную работу среди трудящихся. В феврале 1922 г. стала выходить первая нелегальная газета венгерских коммунистов «Коммуна», просуществовавшая восемь месяцев. Следуя большевистской тактике сочетания нелегальной и легальной работы, компартия Венгрии создала свою легальную организацию — Венгерскую социалистическую рабочую партию, организованную в 1925 г. За короткий период своей деятельности она сумела завоевать большой авторитет среди промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. В августе 1925 г. состоялся первый съезд Коммунистической партии Венгрии, на котором из 22 присутствующих 14 были избраны партийными организациями в Венгрии. Съезд принял программу партии, указывающую основные направления в ее работе. В годы экономического кризиса компартия значительно расширила свою работу. Она возглавила широко развернувшееся в этот период стачечное движение; коммунисты руководили мощной демонстрацией будапештского пролетариата 1 сентября 1931 г. Большую роль в расширении влияния коммунистической партии сыграла выходившая с 1928 по 1935 г. нелегальная газета «Коммунист». Кровавые репрессии, жертвами которых пали члены руководства венгерской компартии Имре Саллаи и Шандор Фюршт, не сломили волю коммунистов. В партию на смену павшим шли молодые силы. Именно в этот период стали коммунистами нынешние руководители Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар, Антал Апро, Дьюла Каллаи. В годы, предшествующие второй мировой войне, компартия вела активную борьбу за создание единого фронта борьбы против фашизма. Все сказанное свидетельствует о том, что Коммунистическая партия Венгрии в годы фашистской диктатуры провела большую работу по сохранению и расширению революционных

¹⁰⁵ Mód Aladár, Указ. соч., стр. 602.

традиций в рядах венгерского пролетариата, готовя его к новым революционным боям.¹⁰⁶

Во второй половине 30-х годов в международном положении Венгрии происходят существенные изменения. Фашистское руководство страны все больше и больше подчиняет свою внутреннюю и внешнюю политику интересам германского империализма. Тесные связи фашистских кругов Венгрии с Гитлером обнаружились уже в начале 30-х годов. В июне 1933 г. венгерский премьер-министр фашист Гембеш вел переговоры с Гитлером. В 1934 г. было заключено секретное венгерско-немецкое экономическое соглашение.¹⁰⁷ В 1938 г. Хорти и тогдашний премьер-министр лидер фашистской партии «Обновление Венгрии» Имреди посетил Гитлера, после чего Венгрия становится партнером фашистской Германии. Она участвует в разделе Чехословакии, при содействии Германии получает от Румынии Трансильванию, нападает вместе с гитлеровцами на Югославию. Наконец, фашистская правящая клика объявляет в 1941 г. войну Советскому Союзу

Венгрия и в экономическом и в политическом отношении превратилась в полуколонию фашистской Германии. Еще до войны началось экономическое закабаление страны германским империализмом. Во время войны венгерская экономика была поставлена полностью на службу планам немецкого фашизма. Уже в 1939 г. доля Германии в сельскохозяйственном экспорте составляла 46%.¹⁰⁸ В октябре 1940 г. между Венгрией и Германией было заключено аграрное соглашение, которое поставило венгерское сельское хозяйство в колониальную зависимость от Германии. Соглашением между разбойником и жертвой называет его Йожеф Реваи.¹⁰⁹ В стране возникли многочисленные венгро-немецкие общества. Многие военные предприятия работали исключительно на Германию.¹¹⁰ Под влияние немецких банков попали венгерские банки. Можно без преувеличения сказать, что главные ключевые позиции венгерской экономики контролировались немецким империализмом. Но этого показалось мало гитлеровскому режиму. 19 марта 1944 г. Венгрия была оккупирована германскими войсками и превратилась в колонию Германии.

С первых дней войны все производство страны было милитаризовано. Мирные отрасли промышленности свертывались, а промышленность, работающая непосредственно на войну, значительно выросла. Но этот рост происходил на чрезвычайно шаткой основе, и поэтому уже в 1943 г. начался спад.¹¹¹ Значительная часть продукции промышленности и сельского хозяйства шла на нужды

¹⁰⁶ В нашу задачу не входит подробный анализ деятельности Коммунистической партии; это — тема отдельного исследования.

¹⁰⁷ A magyar per története 121. old.

¹⁰⁸ И. Р е в а и, Венгрия под ярмом Гитлера, стр. 5.

¹⁰⁹ Там же, стр. 8.

¹¹⁰ В. Н. М ы ш к о в, Указ. соч., стр. 20.

¹¹¹ A munkásostály helyzete 258—259. old.

Германии, так что положение трудящихся страны с каждым годом ухудшалось. Зависимость от Германии означала для трудящихся, что к своим национальным угнетателям (помещикам и капиталистам) прибавилась прямая эксплуатация немецкого империализма.

Во время войны резко ухудшилось экономическое положение народных масс. Девизом венгерских господствующих классов было «много производить, мало потреблять». В стране свирепствовала инфляция. Если принять количество банкнот Венгерского национального банка в 1937 г. за 100, то в 1943 г. оно составило по отношению к 1937 году — 942, а в 1944 г. — 2613.¹¹² Цены на товары первой необходимости значительно выросли. Повысилась плата за коммунальные услуги и жилище. Все это привело к большому падению реальной заработной платы рабочего класса. Даже по явно фальсифицированным завышенным данным фашистской статистики средний реальный заработок рабочих Венгрии составлял:¹¹³

	1929	1938	1939	1940	1941	1942	1943
1929 = 100	100	89,7	96,7	93,8	82,8	93,3	80,1

Продолжительность рабочего дня не регламентировалась. Стачки запрещались. Активные деятели рабочего движения были либо интернированы, либо отправлены на фронт в штрафные роты. На заводах и фабриках существовал военный режим, за малейшую провинность рабочие подвергались суровому наказанию.

Не менее тяжелым было положение сельскохозяйственных рабочих и трудящегося крестьянства. Особенно страдало крестьянство от тяжелого бремени военных поставок и различных налогов. Оно вынуждено было отдавать не только излишки, но и необходимые для жизни продукты. Принудительные реквизиции обрекали на голодное существование бедное крестьянство. Для сельскохозяйственного пролетариата был введен принудительный труд на помещиков и кулаков, с запрещением менять место работы. «Изъятие сельскохозяйственных продуктов у трудящегося крестьянства, тяжелое налоговое бремя, фиксация низкого уровня заработной платы у батраков и полупролетариата, интернирование и угон на принудительные работы осмеливающихся сопротивляться или сдача их в солдаты — все это повышало ожесточение и ненависть сельских трудящихся против фашистской войны».¹¹⁴

Несмотря на военное положение и свирепые репрессивные меры, народные массы оказывали все более усиливающееся сопротивление фашистскому строю. Массовые случаи саботажа, уход с места работы, дезертирство, наконец, прямая партизанская борьба против немецких и хортистских фашистов — вот формы, применяемые народом в борьбе за свободу. Создавались все предпо-

¹¹² A munkásosztály helyzete стр. 278.

¹¹³ Там же, стр. 300.

¹¹⁴ Nemes Dezső. Magyarország felszabadulása. Szikra. Bp. 39 old.

сылки для повышения революционной активности масс. Таким образом, вызревал один из элементов революционной ситуации: «Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов», «значительное повышение активности масс».¹¹⁵

В лагере господствующих классов в связи с большими поражениями немецко-фашистских войск на советском фронте также обострялись противоречия. Шла борьба между сторонниками немецкой и англо-американской ориентации. Эта борьба ослабляла хортистский режим. В среде правящего класса часть буржуазии выражала недовольство усиливающимся господством немецкого империализма. Складывался другой элемент революционной ситуации: «Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса. .»¹¹⁶

Особенно обострились классовые и политические противоречия после прямой оккупации страны немецким фашизмом. Широкие слои венгерского народа — пролетариат, крестьянство, мелкая буржуазия города, а также определенные группы средней буржуазии — начинали понимать, что хортистский режим, связав страну с гитлеровской Германией, привел Венгрию к национальной катастрофе. Из всего сказанного вытекает вывод, что главным противоречием в период войны являлось противоречие между иностранным империализмом и находящимися с ним в тесной связи венгерскими коллаборационистами — крупными помещиками и капиталистами, с одной стороны и венгерским народом, с другой. Это противоречие могло быть разрешено методом антиимпериалистической, антифеодальной революции, революции, освобождающей страну от иностранного порабощения и вместе с тем уничтожающей опору его — реакционную феодальную аристократию, помещиков. Такая революция по своему характеру относится к буржуазно-демократическим революциям. Но имеется важная особенность, характерная для буржуазно-демократических революций второго периода общего кризиса капитализма (40-е годы XX в.), а именно: имея антиимпериалистическую направленность, борясь против внешнего и внутреннего империализма, эти буржуазно-демократические революции выходят за рамки буржуазных преобразований и разрешают некоторые противоречия, относящиеся, так сказать, к компетенции революции социалистической. (Имеются в виду именно революции буржуазно-демократические, так как есть такие буржуазные революции, которые, борясь против иностранного империализма, почти или совсем не затрагивают национальную крупную буржуазию). Эта особенность является одной из важнейших объективных предпосылок

¹¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190.

¹¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189.

для перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Перед такой революцией стояла Венгрия в конце второй мировой войны.

Но, как известно, объективные предпосылки (революционная ситуация) создают только возможность революции; для того чтобы превратить эту возможность в действительность, нужны субъективные условия. Как обстояло дело с этими условиями во время 2-ой мировой войны в Венгрии? Среди субъективных условий решающее значение имеет наличие боевой революционной марксистской партии. В годы войны Коммунистическая партия значительно активизировала свою работу. Стратегической целью ее было национальное освобождение, уничтожение фашизма, ликвидация феодальных пережитков в экономике и политическом строе, демократизация страны. Тактическая линия состояла в создании широкой антифашистской коалиции под руководством пролетариата (тактика единого фронта). Партия издавала нелегальную газету «Свободный народ», вела большую работу в легальных прогрессивных организациях. В результате коммунистам удалось создать коалицию демократических сил — «Венгерский Фронт», к которому присоединились партия мелких хозяев и социал-демократическая партия. Участвовала в «Венгерском фронте» также Национальная крестьянская партия. Большой заслугой коммунистов была организация в стране партизанского движения и руководство им. В соответствии со стратегической целью, Коммунистическая партия в воззвании к венгерскому народу в конце сентября 1944 г. провозгласила две основные цели освободительной борьбы: «Борьба за независимую Венгрию путем уничтожения оккупационной империалистической власти! Борьба за создание демократической Венгрии путем свержения венгерской реакции!»¹¹⁷

Значит ли это, что коммунисты забыли о своей основной цели — социализме? Конечно, нет. В создавшейся ситуации единственно правильный путь был — через демократические преобразования к социалистическим. В этом важнейшем вопросе венгерские коммунисты руководствовались ленинской теорией перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. В. И. Ленин показал, что в период империализма две группы противоречий — противоречия, решаемые методом буржуазно-демократической революции, и противоречия, разрешаемые методом социалистической революции, — не существуют отдельно друг от друга, они тесно связаны и характеризуются взаимопроникновением. При этом основным противоречием является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения и соответствующее ему классовое противоречие между трудом и капиталом. Но основное противоречие в общественной жизни — это глубинное противоречие, разрешение которого связано с самыми коренными, самыми существенными для данного

¹¹⁷ Nemes Dezső, Указ. соч., стр. 69.

периода изменениями. Для осуществления таких изменений необходимо мощное действие громадного большинства населения. «В известном смысле слова победоносной может быть только общенациональная революция. Это верно в том смысле, что для победы революции необходимо объединение в борьбе за требования этой революции громадного большинства населения».¹¹⁸ Но чтобы такое большинство образовалось, нужно решение главного противоречия, которое лежит на поверхности, оказывает прямое, непосредственное влияние на массы народа, стремящегося решить его в первую очередь. Решение этого противоречия — условие дальнейшего развития революции.

Итак, в Венгрии в период 2-ой мировой войны основным противоречием оставалось классовое противоречие между трудом и капиталом, но главным стало противоречие между народом и иностранным империализмом и связанными с ним крупными помещиками и капиталистами. Отсюда два вывода: 1) революция должна начаться, как демократическая — антиимпериалистическая и антифеодалная; 2) революция при правильной политике Коммунистической партии имеет все возможности для перерастания в революцию социалистическую. История народно-демократической революции в Венгрии показала, что эта возможность превратилась в действительность. Венгерский народ, руководимый Коммунистической партией, успешно осуществил демократические преобразования, перешел к решению социалистических задач и, подавляя попытки реставрации старых порядков, строит социалистическое общество.

¹¹⁸ В. И. Ленин, Соч. т., 12, стр. 363.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Доц., канд. философских наук Г. М. Сапожников

Коммунистическая партия Китая, руководствуясь теорией марксизма-ленинизма и творчески применяя её, успешно ведёт китайский народ по пути социалистического строительства. Это строительство в Китайской Народной Республике имеет свои особенности, обусловленные всем ходом исторического развития китайского общества, ходом революционной борьбы народа за свободу и независимость.

Переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической в Китае осуществился мирным путём. Этот путь, как известно, В. И. Ленин не исключал и для России. Исторические обстоятельства позволили избежать в Китае острой гражданской войны при переходе к социалистической революции и перенести центр тяжести на мирные формы борьбы. Отмечая эту особенность, тов. Лю Шао-ци говорил на VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии: «С образованием Китайской Народной Республики, благодаря тому, что рабочий класс в тесном союзе с многомиллионным крестьянством завоевал в стране власть, его политическая партия — Коммунистическая партия Китая — стала партией, руководящей политической властью, демократическая диктатура народа стала по существу одной из форм диктатуры пролетариата; это обеспечило возможность для нашей буржуазно-демократической революции непосредственно перерасти мирным путём в пролетарскую, социалистическую революцию».¹

Однако мирный путь развития Китая к социализму не означает, что классовая борьба в этих условиях в стране исключается. Строительство социализма в КНР происходит в обстановке сложной классовой борьбы. Реакционные силы внутри страны ведут борьбу также с материалистическим мировоззрением, препятствуют прогрессу науки и культуры.

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда компартии Китая, т. 1, стр. 17. Пекин, 1956 г.

Совершенно естественно, что идеологическая борьба в переходный период является важным участком классовой борьбы, которую ведёт рабочий класс против буржуазии. Эту борьбу нельзя успешно вести без широкого распространения в народных массах научного мировоззрения марксизма-ленинизма. С первых дней существования КНР коммунистическая партия Китая развернула большую массово-политическую работу среди населения страны. Особое внимание было обращено на идеологическую работу, на распространение марксистской идеологии среди интеллигенции. Это связано с тем, что подавляющая часть старой интеллигенции получила воспитание в старом Китае, в капиталистических странах, и среди неё большое влияние имела буржуазная идеология.

После образования КНР представители феодально-буржуазной идеологии не прекратили идеологической борьбы, а развернули её в разных областях в новых формах. Смысл их борьбы заключался в том, чтобы дискредитировать научное мировоззрение марксизма в глазах народных масс, лишить народ научного понимания законов развития природы и общества. В конечном итоге борьба против марксизма-ленинизма вела к подрыву направляющей и руководящей роли компартии в китайском обществе.

В идеологической борьбе, развернувшейся в стране, китайская компартия руководствуется принципами марксизма-ленинизма. Эта борьба вытекает из практической необходимости ликвидировать влияние буржуазной идеологии в массах и повысить уровень социалистической сознательности масс. Без этого нельзя представить себе успешного развития социалистической революции.

Китайские марксисты не забывают ленинских указаний о том, что идеологическая борьба компартии включает не только высокую научность, но и смелую революционность. Высокая научность и революционность могут быть достигнуты только на основе единства теории и практики.

Успешно бить врагов марксизма в идеологической области можно только на базе науки. В этом отношении китайские коммунисты следуют по ленинскому пути и имеют определенные успехи.

Как известно, Ленин учил, что метод материалистической диалектики требует не просто критиковать враждебные пролетариату идеи, но и раскрывать материальные основания их.

Китайские марксисты считают игнорирование этой второй стороны в критике буржуазных идей недопустимым. Игнорирование этого создает впечатление о непознаваемости реакционных течений, что практически означало бы непреодолимость буржуазных идей, возможность их самовозникновения и самоуничтожения. Всё это, в конечном итоге, обрекает рабочий класс на пассивное ожидание, когда буржуазные идеи «погибнут сами», не мобилизует на активную борьбу с ними.

Китайские марксисты считают ошибочным подход к критикуе-

мым явлениям, рассматриваемым так, будто они не имеют ни общественных, ни теоретических источников.

Учитывая указание В. И. Ленина, что марксизм — не догма, а руководство к действию, китайские марксисты считают, что это руководство должно быть боевым, наступательным, гибким в борьбе против буржуазной идеологии. Эта борьба требует беспощадной и научной критики порочных методов и существа буржуазной идеологии.

В резолюции Всекитайской конференции КПК об антипартийном блоке Гао Гана — Жао Шу-ши отмечалось: «Партия должна систематически вести работу среди членов партии, интеллигенции и народных масс по развенчанию буржуазной идеологии, предпринимать эффективные меры для того, чтобы широкие массы членов партии, в особенности члены партии, занимающие более ответственные посты, в течение ближайших нескольких лет могли получить хотя бы минимальную марксистско-ленинскую подготовку, чтобы укрепить идейное единство партии, повысить сознательность и политическую бдительность широких масс членов партии и народа в отношении империалистического окружения и разлагающего влияния со стороны буржуазии и обеспечить торжество дела социализма».²

С первых лет существования КНР острое всей идеологической борьбы Компартии было направлено против реакционной империалистической и феодальной идеологии.

В области культуры и науки буржуазная идеология проявлялась главным образом в аполитичности, в нежелании подчинить свою работу актуальным политическим задачам, в неуважении партийного и государственного руководства, в отрыве работы учреждений культуры и науки от насущных задач социалистического строительства, в пренебрежении к трудящимся массам, в преклонении перед буржуазной культурой. В практической работе это выражалось также в том, что люди исходили не из политических интересов страны, а из своих субъективных соображений.

В процессе борьбы против чуждой идеологии было показано, насколько далеки интересы народа и интеллигенции от интересов империалистической буржуазии и феодалов. Раскрывая хищническую, антинародную сущность идеологии этих классов, компартия упростила национальную, народную платформу.

Развёртывая критику буржуазной идеологии, компартия Китая показывала, как эта тлетворная идеология отравляет и разлагает сознание трудящихся. Но эта критика в первый период ещё не распространялась на все области науки.

Уже в тот, начальный период, коммунистическая партия, воспитывая интеллигенцию в духе служения её народу, организовала широкое изучение массами интеллигентов важнейших положений марксистского мировоззрения. Особое внимание было обра-

² Приложение к журналу «Народный Китай», 1955, № 8, стр. 6.

щено на изучение закономерностей развития общества. Это было сделано для того, чтобы массы китайской интеллигенции могли бы осознать, что победа народной революции не случайное явление, что социализм в Китае явление необходимое, закономерное, что марксистское мировоззрение вооружает людей ясным научным пониманием тех процессов, которые происходят в обществе.

Эта работа имела большое положительное значение для сплочения народа вокруг компартии.

В результате всего этого значительно выросла политическая сознательность трудящихся масс, а широкие слои интеллигенции твёрдо встали на сторону народной власти и коммунистической партии.

Движение за идейное перевоспитание интеллигенции привело к тому, что она изменила не только свои политические взгляды, но и взгляды в науке.

Известно, что в прошлом китайская буржуазия внесла определённый вклад в развитие культуры. Нельзя игнорировать то, что буржуазия проделала определённую работу по ознакомлению китайского общества с прогрессивной культурой западной буржуазии. И все-таки на буржуазной культуре старого Китая лежит сильный отпечаток компрадорского духа, с одной стороны, и феодализма — с другой.

В чём проявилось влияние китайской буржуазии в науке? Это влияние в течение последних десятилетий сказывалось главным образом в распространении буржуазных идей в науке, заимствованных на Западе. К разного рода оттенкам западного идеализма в различных формах присовокуплялись идеи китайского феодально-помещичьего класса. Таким образом, идеология буржуазного Запада и идеология китайских помещиков переплетались в единое целое. Идеализм западной буржуазии прекрасно уживался с идеалистическими идеями китайских феодалов.

Хотя китайская буржуазия мало внесла в науку и культуру своих самостоятельных идей, тем не менее влияние идеализма в науке здесь было чрезвычайно сильным.

Последовательное развёртывание критики реакционной империалистической и феодальной идеологии серьёзно подорвало позиции идеализма в китайской науке. Нельзя забывать, что влияние буржуазной идеологии в науке в первые годы существования КНР было ещё довольно распространённым, и это губительно действовало на науку. Необходимо было сначала шаг за шагом ослабить это влияние, а затем полностью ликвидировать его. Для этого надо было развернуть широкую планомерную, продуманную критику буржуазного идеализма в науке. Необходимо было дать серьёзный бой идеализму для того, чтобы начать освобождение науки от его пут, чтобы вывести науку народного Китая на правильный путь, на путь служения народу.

В обстановке общего подъема социалистических преобразований в стране появилась особая необходимость критики идеализ-

ма в науке. Отражая эту назревшую потребность, Центральный Комитет КПК в марте 1954 г. опубликовал постановление «О пропаганде материализма и критике буржуазного идеализма». В этом постановлении указывалось, что без победы на фронте борьбы с буржуазной идеологией победа социализма в Китае будет невозможна.

Руководствуясь этим указанием ЦК, компартия организовала, начиная с октября 1954 г., широкую кампанию критики буржуазного идеализма в науке. Эта критика была направлена прежде всего против распространённой тогда в Китае философии Ху Ши и против реакционных идей Ху Фына. Идеалистические взгляды Ху Ши, Ху Фына, Юй Пин-бо и других имели довольно большое хождение в китайской науке.

Ещё до того как была начата широкая кампания критики Ху Ши и Ху Фына, китайские ученые подвергли критике идеалистические взгляды Юй Пин-бо, который проповедовал идеализм в своих литературно-критических исследованиях. Это относится в первую очередь к исследованию романа «Хунлоумын», представляющего выдающийся образец литературного наследия старого Китая. В произведении раскрыты острые и глубокие противоречия, присущие феодальному обществу, и вместе с этим горячо воспеваются дух борьбы и свободы.

Юй Пин-бо в течение многих лет вёл исследование «Хунлоумына», подходя к анализу и оценке этого произведения с буржуазно-идеалистических позиций. Во многих произведениях, посвящённых этому роману, Юй Пин-бо полностью зачёркивает историческое значение глубокого осуждения феодального общества, которое содержится в романе. Юй Пин-бо считал, что роман «Хунлоумын» является просто автобиографией писателя Цао Сюэцин. Вместо научного анализа романа Юй Пин-бо даёт произвольное толкование, основанное на чисто субъективно-идеалистическом подходе к действительности. Поэтому вместо анализа у него мелочное копание, воспевание «тихого ропота» и ухода от действительности, проповедь идей декаданса. Своими исследованиями Юй Пин-бо просто запутывал и вводил в заблуждение читателя многочисленными, насильственно притянутыми, необоснованными толкованиями многих мест романа.

Метод исследования романа «Хунлоумын» и само мировоззрение Юй Пин-бо оказали большое влияние на все исследования классической литературы в последние десятилетия.

Критика идеалистических взглядов Юй Пин-бо на литературу и искусство имела свое положительное значение. Один из результатов этой критики состоит в том, что был рассеян туман, напущенный буржуазными учёными в области классической литературы, а научные исследования литературного наследия стали проводиться с марксистских, подлинно научных позиций.

Надо сказать, что ошибки Юй Пин-бо, его антинаучный метод имеют свои корни. Они лежат в прагматической философии

Ху Ши, под влиянием которой находился не только Юй Пин-бо, но и многие другие. Совершенно естественно, что критика вредных концепций Юй Пин-бо перешла затем во всестороннюю критику реакционных идей Ху Ши.

Влияние прагматической философии Ху Ши на интеллигенцию в старом Китае было чрезвычайно сильно.

Почему прагматическая философия получила широкое распространение в старом Китае? Прежде всего потому, что здесь была чрезвычайно сильна агрессивная деятельность американского империализма не только в политической и экономической областях, но и в идеологической. Потому, что прагматизм хитрее, чем другие направления, маскировал свою реакционную сущность «научной», «новейшей» философией. Наконец, потому, что значительная часть интеллигенции в прошлом была связана с эксплуататорскими классами. Всё это вместе взятое создавало благоприятные условия для распространения прагматизма.

Как известно, Ху Ши является идеологом китайской компрадорской буржуазии в области культуры. Будучи представителем правого крыла буржуазии в период движения «4 мая» 1919 г., Ху Ши принимал участие в этом идейно-просветительном движении и, благодаря этому, приобрёл известность в народе, в особенности среди интеллигенции. Однако Ху Ши скоро изменил свою позицию, открыв своё настоящее лицо. Он начал бороться с распространением марксизма-ленинизма в Китае и мешать антиимпериалистической борьбе китайского народа.

Ху Ши оказался на редкость плодовитым в сочинении «исследований», задача которых состояла в том, чтобы оклеветать марксизм и отравить ядом идеализма сознание широких трудящихся масс. В своём рвении угодить компрадорской буржуазии Ху Ши нёс свою отраву в различные области знания. Он написал ряд «трудов» по философии, литературоведению, истории, педагогике. Много писал он также по вопросам политики и культуры Китая.

На некоторую часть китайской интеллигенции реакционные идеи Ху Ши имели большое влияние — у него были последователи и ученики по всей стране, проповедники его идей имелись во многих отраслях науки.

Все исследования Ху Ши в области истории китайской философии, древней классической литературы и истории Китая, а также по различным общественным вопросам проникнуты духом прагматизма. Совершенно ясно, что и метод, применявшийся Ху Ши, обусловленный его прагматической философией, ничего общего с научным методом не имел.

Исследования Ху Ши были антинаучными, его знаменем была лженаука. Так, например, вопреки исторической правде, Ху Ши в своих высказываниях по общественно-политическим вопросам и вопросам культуры за последние тридцать с лишним лет усиленно пытался доказать, что в Китае не было никакой империа-

листической агрессии. Но так как доказать это было просто невозможно, то приходилось все-таки с различными оговорками признать, что исторические факты существуют, что существовала и империалистическая агрессия в Китае. Однако усилия Ху Ши были в этом случае направлены на то, чтобы оправдать империалистическую агрессию. Это совершенно естественно для прагматиста Ху Ши, который стоит на страже интересов империалистической буржуазии. Вместе с тем Ху Ши доказывал, что народная революция бесцельна и не может быть оправдана ни логически, ни исторически, никакими аргументами вообще.

Вместо всестороннего изучения явлений общественной жизни для того, чтобы ясно представить себе общее направление исторического развития, Ху Ши сосредоточивал внимание людей на копанье в мелких подробностях древних документов, создавая иллюзию, что в этом будто бы и заключается настоящая сущность научных исследований. Это приводило к тому, что люди привыкали видеть лишь отдельные, изолированные факты, не искали и не могли найти связи между этими фактами и явлениями.

Некоторые учёные поддались тлетворному влиянию реакционных идей Ху Ши. Исходя из принципов идеалистического, антинаучного мировоззрения и неверных методов исследования, эти учёные искажали не только явления прошлого, но и настоящего. Так, например, их анализ современных проблем политэкономии совершенно искажал действительное положение дел, приводя к ошибочным выводам.

Весь народ знал, что Ху Ши является прислужником компрадорской буржуазии и Чан Кай-ши, его политическое лицо было известно. Однако реакционный характер его идей в области науки не был сразу понят многими людьми. Поэтому долгое время влияние Ху Ши было сильным. До того, как была начата критика философии Ху Ши, многие ученые в своей практической работе сознательно, а иногда и несознательно, руководствовались идеями и методами Ху Ши.

Вот почему критика реакционной идеологии Ху Ши и его школы, развернувшаяся под руководством КПК по всей стране, была первым сражением, которое начал народный Китай против буржуазного идеализма. В ходе этого сражения было полностью раскрыто губительное влияние идеализма на науку.

Кампания критики идеализма Ху Ши оказала большое положительное влияние на массы кадровых работников и интеллигенции и двинула вперёд дело идейного перевоспитания её. Всё огромное значение этой критики станет ещё яснее, если указать, что до этого дело перевоспитания интеллигенции шло, главным образом, по линии внедрения общих принципов марксистской философии и не затрагивало конкретных вопросов науки. Поэтому создалось впечатление, что марксистское мировоззрение существует, но не имеет отношения к науке.

В ходе критики идеологии Ху Ши был устранён этот недоста-

ток и была показана органическая связь науки и марксистской философии. Многие учёные стали исправлять ошибки прошлого, критически пересматривая и перерабатывая свои старые труды.

Критика философии Ху Ши способствовала дальнейшему сплочению и укреплению большого отряда работников идеологического фронта. Она послужила мощным толчком для дальнейшей, всё более широкой борьбы против буржуазной идеологии. Так, уже в ходе разоблачения прагматизма Ху Ши в научных кругах развернулась критика идей известного философа Лян Шу-мина.

Хотя идеи Лян Шу-мина и не совпадают полностью с идеями Ху Ши, однако его выводы в оценке империализма не расходятся с выводами Ху Ши. Лян Шу-мин так же, как и Ху Ши, приветствовал империалистическую агрессию в Китае, изображал её как большую милость империализма по отношению к китайскому народу и пытался убедить его подчиниться господству иностранных империалистов.

Лян Шу-мин выступил как апологет феодализма, как сторонник реставрации старых феодальных порядков. Усиленно восхваляя и прославляя феодальный строй и феодальную культуру, он считал её самой передовой культурой и высшим идеалом человечества. Поэтому он решительно выступал против антифеодальной борьбы китайского крестьянства.

Лицо Лян Шу-мина станет более ясным, если мы учтём, что ещё в 1917 г. он заявил о своей решимости распространять и пропагандировать конфуцианство. И это в тот момент, когда передовые слои народа выступали за ликвидацию этого мракобесия!

После 1928 г. Лян Шу-мин явился организатором движения в Шаньдуне, которое имело своей целью помешать борьбе крестьян за аграрную революцию. Деятельность Лян Шу-мина в это время была направлена на укрепление господства помещиков.

Лян Шу-мин всё время стремился представлять себя человеком, который не принадлежит ни к какой партии, ни к какой политической группировке. Фактически же в прошлом он поддерживал гоминьдановский режим.

После победы народной революции он выступал публично за возврат к феодальным порядкам и в то же время осуждал некоторые свои ошибки в прошлом.

Философские убеждения Лян Шу-мина представляли смесь субъективного идеализма с «философией жизни» Бергсона. Понимание жизни Лян Шу-мином ничего общего не имеет с наукой. Жизнь в его представлении — только бесконечные страсти. Он отрицает материю и материальность мира, считая все вещи субъективными продуктами человеческого сознания. Отсюда нелепый вывод: «У каждого своя собственная вселенная — у меня вселенная одна, у него — другая».

В теории познания Лян Шу-мин соединяет идеи буддийской философии с агностицизмом западной мысли. Он был убеждён, что наши ощущения не могут отражать существенных признаков

объективного мира. Это же относится и к понятиям, которые Лян Шу-мин называл «индивидуальной иллюзией».

Усилия его были направлены на то, чтобы, принижая науку и пропагандируя агностицизм, привить народу веру в необходимость реставрации феодальных порядков. Лян Шу-мин не хотел, чтобы люди видели, что все явления мира содержат в себе противоречия и борьбу противоположностей. Он не хотел, чтобы люди понимали классовые противоречия старого китайского общества, и поэтому всячески маскировал их.

Софистические рассуждения Лян Шу-мина сводились к тому, что видоизмененному богу присущи свойства «примирения», «равновесия», «беспристрастности», а разум и наука, усилия которых направлены во вне, не в состоянии понять этого «примирения», «равновесия», и т. д. Всё это достижимо только через внутреннюю интуицию.

Исходя из положений конфуцианства, Лян Шу-мин «обосновал» тенденцию попятного движения истории. Он утверждал, что под влиянием желаний людей развивается историческая деятельность, которая идёт по трём путям: первый путь — стремление страстей вперёд, что характерно для буржуазной науки и культуры; второй путь — не идти ни вперёд ни назад, а на основе примирения держаться середины и удовлетворяться существующим положением — это относится к феодальной культуре Китая; третий путь — движение назад, что характерно для религиозной культуры восточной Индии. Первый путь в этой системе путей движения истории — первый шаг человечества, первая ступень его развития и поэтому несовершенная. Высший этап — это культура Индии.

Таким образом, вся история человечества — это движение от науки к философии, а затем к религии, от прогресса к регрессу. Однако идеализм Лян Шу-мина в области истории не ограничивается этим. Он отрицает существование классов и классовой борьбы, первичность общественного бытия. Решающей силой общественного развития, по его мнению, является выдающаяся личность.

Исходя из своей идеалистической концепции, Лян Шу-мин чрезмерно преувеличивает роль духовной культуры, утверждая, что именно культура является основным элементом, решающим судьбы развития общества, т. к. идеи отдельных людей создают общественный порядок.

Как пример для подтверждения своего тезиса о «равновесии» в обществе, Лян Шу-мин приводит феодальный Китай, где, по его утверждению, не было классов и классовой борьбы. Эти вымыслы им использованы для того, чтобы «доказать» крестьянам неправомерность их борьбы против помещиков, «доказать», что каждый человек «должен быть довольным своим положением».

Чтобы обосновать то, чего нельзя обосновать, Лян Шу-мин выдвигает тезис об особом характере китайского общества. Рас-

чѐт его был прост: если сказать, что это особое явление, то, следовательно, оно не подходит ни под какие законы общественного развития. Вот поэтому Лян Шу-мин и считает, что на протяжении всей двухтысячелетней истории Китая в нём не было ни классов, ни классовой борьбы. С его точки зрения в Китае есть только одно деление людей — деление по профессиям, исключаяющее какие-либо антагонизмы. Правда, в последнее время под давлением неопровержимых фактов Лян Шу-мин вынужден был устно признать, что в Китае классы все-таки имеются, есть и классовые противоречия, но при этом не удержался от выпада в адрес компартии Китая, указав, что противоречия эти созданы коммунистами.

Когда китайский народ развернул героическую борьбу за выполнение первого пятилетнего плана, Лян Шу-мин выступил на сессии Всекитайского Комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая и в других местах против генеральной линии компартии в переходный период, против политики индустриализации страны.

Лян Шу-мин пытался выступать в роли защитника интересов крестьянства. Эта поза потребовалась ему для того, чтобы противопоставить интересы крестьян интересам рабочих и доказать, что рабочие живут лучше крестьян. Эти измышления Лян Шу-мина были направлены к одной цели — подорвать союз рабочих и крестьян, внести в него раскол, вызвать между ними недоверие. Однако злобные и клеветнические выпады Лян Шу-мина получили в ходе кампании критики Ху Ши дружный и решительный отпор со стороны многих учёных.

Лян Шу-мин учѐл то обстоятельство, что обстановка складывается не в его пользу, что его идеи не встречают поддержки. Поэтому на Второй сессии Всекитайского Комитета НПКС второго созыва он выступил с заявлением о том, что принимает критику, высказанную в его адрес, и пересмотрит свои прежние ошибочные идеи.

Несмотря на то, что в сознании китайской интеллигенции за последнее время произошёл большой перелом, буржуазно-идеалистическая идеология в тех или иных формах всё же проявляется ещё не только в науке, но и в области литературы и искусства.

Некоторые учёные, писатели, поэты, художники, артисты считали, что не нужно изучать марксизм-ленинизм, который, по их мнению, никакого отношения к работе не имеет. Эти же люди иногда нигилистически относились к национальному культурному наследию и в то же время преклонялись перед буржуазной западной культурой, считая себя большими специалистами в тех областях науки и культуры, где они работают, и ошибочно полагали, что кроме них там никто ничего не может понимать. Игнорируя роль идеологии, они, эти «чистые специалисты», утверждали, что компартия не может руководить наукой и искусством. Некоторые представители естественных наук заявляли, что партий-

ные работники профаны в этих науках, поэтому они не могут руководить развитием научной работы. Другие рассуждали так: фактические данные естественных наук важнее, чем марксизм.

В ходе развёртывания критики философии Ху Ши окрепли кадры идеологического фронта, они стали более остро ставить вопросы борьбы против буржуазной идеологии, научились разбираться во многих тонкостях коварных методов врагов. Поэтому уже в ходе борьбы против философии Ху Ши началась новая кампания, охватившая всю страну и направленная против буржуазно-идеалистических идей в литературе, насаждавшихся Ху Фыном и его сторонниками.

В процессе борьбы против буржуазной идеологии компартия учила кадры вырабатывать высокую политическую прозорливость, показывала, что враги марксизма, сторонники реакционной идеологии, стремятся иногда замаскироваться под марксистов. Нужна высокая бдительность и теоретическая подготовленность для того, чтобы срывать маски с этих мнимых «друзей марксизма».

Ху Фын и его сподвижники выступали как теоретики литературы и искусства. Более двадцати лет Ху Фын распространял в народе идеи, враждебные марксистской теории литературы и искусства. Если Ху Ши открыто выступал против марксизма, то Ху Фын избрал другой метод борьбы против марксистской идеологии — метод двуличия и маскировки.

Блок Ху Фына занимался пропагандой буржуазного объективного идеализма, но эта вредительская деятельность внешне прикрывалась красивыми марксистскими фразами. И у людей неискушённых создавалось впечатление, что Ху Фын выступает как марксист.

Сущность реакционных идей, распространявшихся Ху Фыном, состояла в отрицании роли марксистского мировоззрения в литературе, в нигилистическом отношении к национальному культурному наследию и национальным формам искусства, в отрицании необходимости писателям овладевать марксистско-ленинской теорией. Ху Фын утверждал, что писатель, художник не должен проникать в жизнь народа, не должен будто бы изучать эту жизнь, т. к. художник творит, руководствуясь только личными соображениями.

Ху Фын и его сторонники утверждали, что литература и искусство не имеют никакого отношения к политике и потому не должны служить политическим задачам и интересам народа. В соответствии с этим делался вывод о том, что партия не может и не должна оказывать своего руководящего влияния на развитие искусства.

Отрицая партийность искусства, Ху Фын выдвинул на первый план «дух объективной борьбы», утверждая, что писатель в первую очередь должен руководствоваться субъективными побуждениями и не нуждается в марксистском мировоззрении.

Такого рода «установки» Ху Фына в конечном итоге вели к

отрыву людей искусства от народа, от марксизма. Заместитель директора института китайского национального оперного искусства Чжан Ген опубликовал в «Театральной газете» «Наброски истории драматического театра в Китае», в которых отходил от принципа классовости и партийности мировоззрения, проповедовал капитуланство перед реакционной теорией театра Ху Ши, отрицал национальные традиции в театре.

Профессор центрального театрального института Чжоу Те-бо в своей работе «История китайского театра» проводил буржуазно-идеалистический взгляд о том, что воля и желания императоров в прошлом всегда являлись решающим фактором развития театра. Зачеркивая традиции народности и реализма в древнем театре, он также стал на позицию надклассовости искусства. Директор шанхайского филиала центрального института музыковедения Хэ Лу-тин в своих статьях превозносил роль техники в музыке, совершенно отбрасывая содержание её.

Некоторые творческие работники из области литературы и искусства не хотели отражать в своих произведениях сложную и острую классовую борьбу и утверждали, что специфичность искусства и литературы в том и состоит, что они не подчиняются партийному руководству, а поэтому работникам искусства незачем изучать марксизм-ленинизм.

Может создаться впечатление, что идеи Ху Фына, имея хождение только в искусстве, представляли угрозу только для данной области. Но такое представление будет совершенно неправильным. Компартия Китая указала именно на то, что вредоносное влияние реакционных идей Ху Фына нельзя ограничивать только областью искусства. Реакционные «установки» Ху Фына логически вели к тому, что научное, марксистское мировоззрение совершенно необязательно для интеллигенции, для людей науки. Следовательно, отпадает задача идейного перевоспитания интеллигенции, отпадает всякое значение коммунистической партии в деле идейного воспитания народа.

Далее. Если работники искусства могут жить и творить в отрыве от народа, то это относится вообще ко всей интеллигенции. Ведь тогда и все другие отряды людей умственного труда могут жить и действовать, не принимая во внимание народ и его потребности, его интересы. К этому вела логика положений Ху Фына.

Если отрицается роль партийного руководства в искусстве, то, следовательно, вся работа в области науки и культуры может также обходиться без партийного влияния.

Таким образом, вражеские идеи Ху Фына разоружали в идейном отношении всю армию работников культуры и науки, открывая широкие возможности для проникновения в эту область идеалистического мировоззрения. Как раскрылось позже, не только идеологическая, но и политическая программа хуфыновского блока явилась программой, направленной против социализма.

Кампания по развертыванию критики взглядов Ху Фына име-

ла огромное политическое значение. Она раскрыла глаза многим интеллигентам, показав, как маскируются классовые враги, к каким коварным приёмам они прибегают в своей борьбе против народно-демократического строя. Вместе с тем это мероприятие, захватившее огромные массы интеллигенции, способствовало её идеологической закалке.

Однако этим не исчерпывается всё значение кампании по критике взглядов Ху Фына. В ходе критики вскрылось, что Ху Фын является скрытым, замаскированным контрреволюционером, заклятым врагом китайского народа. Как известно, была раскрыта целая контрреволюционная организация, возглавлявшаяся Ху Фыном и ставившая своей целью свержение народно-демократического строя в КНР.

Реакционные идеи хуфыновской группировки были разгромлены. В результате этой борьбы значительно улучшилось состояние китайской литературы и искусства, повысилась политическая сознательность, бдительность и общий идейно-теоретический уровень интеллигенции.

Критика буржуазной идеологии ставила своей целью не только развенчать идеализм, но и создать благоприятные условия для дальнейшего успешного развития науки и искусства.

Губительное влияние идеализма в искусстве проявилось прежде всего в уходе художников и писателей от изображения действительности; в абстрактности, сухости и надуманности некоторых произведений искусства. В период, предшествовавший развёртыванию критики, появился ряд бледных и однообразных произведений, страдающих схематизмом и отсутствием глубокого художественного содержания. Причина этого однообразия в том, что, не желая серьёзно изучать и показывать жизнь рабочих и крестьян, их героические дела, некоторые писатели и художники неизбежно скатывались к схематизму. Отсутствие достаточного умения по-марксистски подходить к анализу и оценке явлений жизни породило все эти недостатки.

Принимая все меры к широкой пропаганде научного, марксистского мировоззрения, компартия Китая по инициативе товарища Мао Цзэ-дуна выдвинула курс «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все учёные».

Программа строительства социализма в Китае отводит большое место развитию науки и искусства. Поэтому в ходе идеологической борьбы, в ходе разоблачения реакционной роли идеализма китайские марксисты показали, что идеалистические концепции вели к игнорированию роли народа в создании произведений искусства, к игнорированию всего культурного наследия прошлого.

Деятели, стоявшие на идеалистических позициях, нанесли большой вред и науке и искусству не только своей проповедью ухода от жизни, но и нигилистическим отношением к богатому

национальному культурному наследию, к богатейшей и древнейшей культуре, созданной талантливым китайским народом.

В ходе идеологической борьбы были подвергнуты критике и разбиты такого рода взгляды. Некоторое время тому назад находились люди, которые отрицали целый ряд весьма положительных завоеваний народной медицины. Теперь эти завоевания по праву оценены, получили все права гражданства и очень хорошо служат делу народного здравоохранения. Была проведена большая работа по преодолению недооценки древней национальной оперы, песни, музыки, национальной живописи.

Как воспринимать культурное наследие прошлого? Как к нему относиться? «Если воспринимать в качестве наследия только такие вещи, которые являются идеальными и совершенными с точки зрения настоящего времени, то тогда вообще нечего будет воспринимать и, наоборот, если воспринимать культурное наследие без всякого критического подхода, то можно скатиться к национализму»,³ — говорил в своём выступлении тов. Лу Дин-и в мае 1956 года.

Китайские друзья отмечают, что они будут брать из культурного наследия прошлого всё полезное, ценное, прогрессивное, развивать это положительное и подвергать критике всё ошибочное.

Компартия Китая решительно осудила всякие попытки зачеркнуть всё ценное в наследии прошлого и призвала работников науки, литературы и искусства учиться у великого творца — народа.

ЦК КПК призвал работников культурного фронта внимательно и любовно изучать наследие прошлого и всё прогрессивное, передовое делать достоянием широких масс.

Вместе с тем китайские друзья указывают на необходимость настойчиво учиться у других стран, считая, что «при любых условиях национальное чванство — ошибка». Однако эта учёба не должна носить догматического характера. Изучая опыт других стран, китайские товарищи в соответствии с реальной обстановкой творчески подходят к внедрению его в свою практику.

В решении VIII съезда компартии Китая говорится: «Следует и впредь подвергать критике феодальную и капиталистическую идеологию. Однако необходимо унаследовать и воспринять всё полезное из прошлой культуры нашей страны и культуры зарубежных стран».⁴

В соответствии с курсом «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» допускается наличие разных течений, соревнующихся между собой, и свободные дискуссии по разным точкам зрения. Этот курс поощряет многообразие стилей, жанров, форм, направлений.

Китайские товарищи считают, что люди искусства свободны

³ Дружба, № 158 от 6 июля 1956 г.

⁴ Материалы VIII Всекитайского съезда коммунистической партии Китая, т. 1, стр. 125, Пекин, 1956 г.

в выборе творческого метода. Служить делу развития и упрочения социализма люди искусства могут, пользуясь различными методами. Вместе с этим китайские друзья выражают уверенность, что метод социалистического реализма является самым лучшим, самым передовым. Но он не должен насаждаться путём окрика и нажима, его победа должна быть завоевана в открытом бою против других методов, она должна быть завоёвана силой превосходных произведений.

Наряду с изображением всего положительного в современном китайском обществе, надо показывать и отрицательные явления. Необходимо показывать и старое со всеми его качествами и сторонами. Тов. Лу Дин-и говорил: «если не будет описываться старое общество, то трудно оттенить новое общество, если не будет отрицательных личностей, трудно оттенить положительные личности».⁵

Были также осуждены недостойные методы критики, применявшиеся в области искусства и науки, когда критика велась не на основе глубокого изучения вопроса, а на основе цитат. Если работа не согласовывалась с определенными цитатами классиков её осуждали.

Курс, взятый партией в области искусства и науки, исключает возможность идеологического хаоса и создает самые благоприятные условия для ликвидации всякой односторонности и субъективизма. Курс «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все учёные» ведёт к объединению всех сил интеллигенции на базе марксистской идеологии, направляет их к одной цели, обеспечивая развитие творческой инициативы учёных, писателей, художников и, в конечном итоге, общий подъём науки и искусства. К этому, собственно, и сводится главная забота китайских товарищей в области культуры. И чем больше народа будет вовлечено в этот процесс, тем вернее гарантия, что задача будет успешно решена.

Китайские товарищи правильно рассуждают, говоря, что, если будет цвести один цветок, то, как бы хорош он ни был, он не представляет ещё всей науки или всего искусства.

Китайский народ имеет исторический опыт в деле соперничества учёных. Это было две тысячи лет тому назад. Тогда это дало некоторый результат. Но ведь тогда была совершенно другая обстановка, и условия для развития науки и искусства были неизмеримо хуже.

В своём выступлении 26 мая 1956 г. заведующий отделом пропаганды ЦК КПК тов. Лу Дин-и говорил: «Тогда общество испытывало социальные потрясения, «соперничество учёных» на научном поприще носило стихийный характер и велось без целестремленного и единого руководства.

Сейчас же народ создал свободный мир, установилась и укреп-

⁵ Дружба, № 158 от 6 июля 1956 г.

пилась демократическая диктатура народа. Народ требует быстрого развития научной работы и поэтому сознательно проводит всестороннее планирование её. Он применяет политику «пусть соперничают все учёные», чтобы содействовать развитию научной работы».⁶

Как известно, в антагонистическом обществе наука и искусство всегда являлись ареной классовой борьбы. Политика, рассчитанная на соперничество учёных и людей искусства, поощряет свободу мысли свободного от эксплуатации народа. Но так как идеализм в обществе не исчезает сразу после победы народной революции и его нельзя уничтожить никакими административными мерами, он долго ещё держится в сознании отдельных слоёв населения.

Для преодоления идеалистического мировоззрения необходима упорная идеологическая борьба. Именно курс компартии на всестороннее развитие творческой мысли и творческих дискуссий даёт возможность последовательно изгонять идеализм из всех закоулков человеческого сознания.

Приступая к осуществлению политики «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», ЦК КПК исходил из наличия объективных условий, позволяющих проводить эту политику. Социалистические преобразования в промышленности, торговле и сельском хозяйстве принесли решающую победу силам социализма в экономической области. Произошли также коренные изменения в самой интеллигенции, которая в своём подавляющем большинстве честно служит народу и активно участвует в идеологической борьбе против разного рода идеалистических концепций.

Что же касается различных точек зрения в науке и в искусстве, различных мнений, — то это вполне естественно. Политика открытого соперничества в науке и искусстве есть выражение свободы, которую завоевал народ, ставший хозяином своей судьбы. Эта политика ведёт к укреплению марксистских позиций, к общему подъёму культуры и науки.

Комитет по научному планированию при Государственном Совете КНР летом 1956 г организовал широкое совещание учёных, обсудившее, как лучше внедрять в жизнь курс «пусть соперничают все ученые». На этом совещании учёные пришли к выводу, что направляющей идеологией в научной работе должна быть марксистская идеология, что на основе этой идеологии можно разными путями прийти к одной истине.

Разгром хуфыновского блока послужил толчком для дальнейшего развития идеологической борьбы в различных отраслях науки. С октября 1954 г. идеологическая борьба развернулась в медицине и архитектуре.

⁶ Дружба, № 158 от 6 июля 1956 г.

В медицине эта борьба была направлена против буржуазных взглядов бывшего министра здравоохранения Хэ Чэна и его заместителя Ван Бина. Эти два человека возглавляли группу тех, кто пытался зачеркнуть всё положительное в наследии китайской медицины. Были подвергнуты критике взгляды, считавшие, что работа в области здравоохранения не связана с нуждами и интересами народа и является только технической. Для чего нужна такая наука, которая не служит народу, не стремится охранять его здоровье, не стремится бороться с болезнями и замыкается в скорлупу чисто теоретических проблем, становясь принадлежностью узкой касты?!

Люди, чуждые марксистской идеологии, протаскивали в медицине те же идеи, которые в искусстве распространял Ху Фын: игнорирование роли партии и партийного руководства в науке.

В ходе идеологической борьбы были разоблачены коварные методы работы враждебных элементов в вузах. Некоторая часть реакционных преподавателей вузов намеренно извращала политику партии и государства в переходный период. Предметы изучаемых наук такими преподавателями излагались поверхностно, беспорядочно. Прикрываясь марксистской фразеологией, эти элементы вели тонко замаскированную пропаганду контрреволюционных теорий. Под предлогом критики иногда рекомендовалась для чтения контрреволюционная литература.

Под маской оказания помощи и проявления внимания такие преподаватели проявляли гнилой либерализм, умышленно завышали оценки некоторым студентам, привлекая их тем самым в состав своих сторонников, среди которых распространяли яд реакционных идей.

Усилия этих враждебных элементов были направлены на то, чтобы сорвать обучение студентов действительной науке, дезорганизовать учебный процесс, сорвать подготовку кадров, преданных народу и коммунистической партии.

Разве можно назвать действительной наукой то, что преподносилось студентам враждебными элементами в медвузах? Некоторые из них пропагандировали идею о том, что политическое образование в медвузах мешает студентам осваивать врачебную технику.

Открытой клеветой и тайным распространением провокационных слухов, всеми средствами враждебные элементы стремились подорвать доверие к компартии, поколебать её авторитет, нанести удар делу воспитания молодого поколения в духе марксизма-ленинизма, сорвать дело перевоспитания интеллигенции и посеять неверие в возможность построения социализма в КНР.

Для пресечения всей этой враждебной деятельности в вузах были разработаны конкретные меры. Была проведена работа по выявлению скрытых контрреволюционеров в вузах, усилена критика буржуазных теорий в науке, улучшено преподавание общественных дисциплин. Партийные организации вузов оказали боль-

шую помощь тем, кто хотел осознать свои ошибки в прошлом, кто хотел исправить их.

Благодаря принятым мерам стало возможным быстро устранить недостатки, имевшие место в учебной, научной и воспитательной работе вузов. Широким фронтом развернулось идеологическое перевоспитание вузовских работников, массовое ознакомление их с достижениями передовой мировой науки.

В архитектуре серьёзной критике были подвергнуты формализм и неоклассицизм, апологетом которых являлся Лян Сы-чен. Здесь всемерно расхваливались древнекитайские архитектурные формы, преимущественно формы императорских дворцов феодального Китая, которые были возведены в ранг национальной формы и образца красоты. Подражательство старому стилю вело к ненужному, неоправданному украшательству.

Критика всех этих взглядов в архитектуре оздоровила обстановку, способствовала развитию действительно национальных форм архитектуры и сыграла большую роль в реализации принципа, сформулированного партией: «строить практично, экономно и, по мере возможности, красиво».

В системе народного просвещения было сильно влияние философии прагматизма Дьюи. Воспитание молодого поколения сторонниками Дьюи велось в отрыве от политики, в духе гнилого индивидуализма.

Среди кадровых работников просвещения имелись такие, которые не могли отличить прагматизм Дьюи от марксизма. В течение тридцати лет до освобождения страны прагматизм был главным буржуазным течением во взглядах на просвещение, и критика вредного влияния прагматизма была здесь чрезвычайно необходима.

В некоторых педагогических институтах имело место безразличное отношение к идейно-политическому воспитанию студентов, осуществлялась «учёба без воспитания».

Влияние прагматизма проявилось и в отказах пользоваться стабильными учебниками, учебными программами, определённой методикой и в попытках учить тому, что хочет учить ученик.

Против тлетворного влияния прагматизма была начата беспощадная борьба. Был определён перечень тем, подлежащих разработке в вузах. В числе их — «Критика прагматической педагогической теории о решающей роли наследственности и влияние этой теории в Китае», «Критика прагматической методики преподавания», «Критика реакционной психологии школы Дьюи» и другие.

Работы, посвящённые критике прагматизма, включают в планы научно-исследовательской работы пединститутов.

В 1956 г. в системе народного просвещения проводились для учителей и руководящих кадров теоретико-политические занятия, цель которых — помочь развёртыванию борьбы против буржуазной идеологии в педагогической науке.

Одним из каналов, по которому шло распространение буржуазной идеологии, являлись частные книжные издательства, типографии, книжные магазины и лотки, занимающиеся прокатом различной, в том числе и порнографической, литературы. В 1955 г. в КНР имелось свыше 10.000 предприятий, лотков, бродячих торговцев, занимавшихся прокатом этой литературы. Буржуазия и её агенты использовали реакционную и порнографическую литературу для распространения своего идеологического влияния, для разложения и отравления народа в идеологическом и бытовом отношениях, для того, чтобы завлечь его на путь морального падения и подрыва социалистических преобразований.

Изъятие реакционной литературы при помощи административных мер не имело большого эффекта. Чтобы пресечь распространение этой отравы, все прокатные магазины были превращены в передвижные библиотечные пункты, руководимые государством. Не нарушая материальных интересов предпринимателей и лотошников, у них была изъята реакционная литература и заменена новой, народной литературой на выгодных условиях. Книжки же, воспевающие империалистическую агрессию, гоминдановскую клику, клеветящие на китайский народ и компартию, были запрещены.

Таким образом, эти мероприятия Народного правительства, сохраняя старую сеть прокатных учреждений, позволили заменить почти всю реакционную и порнографическую литературу новой, изданной Народным правительством для просвещения народа.

Что касается частных издательств, то тут надо отметить, что особенно реакционную пропаганду вели религиозные издательства. В книгах этих издательств проводились идеи, направленные против народного строя. В книге «Армия спасения» верующие открыто призывались к сопротивлению Народному правительству. В ней говорилось, что если распоряжения властей не противоречат воле бога, то мы должны, внимая богу, выполнять их; если же они расходятся с волей бога, то мы можем исполнять только волю бога, но не можем исполнять волю людей.

Указанные выше примеры направлений борьбы против идеализма и буржуазной идеологии вообще не исчерпывают, конечно, всего фронта и многообразия этой борьбы.

Все мероприятия по борьбе против буржуазной идеологии, осуществлённые по инициативе и под руководством КПК, имели чрезвычайно огромное значение и дали весьма ощутимые результаты. Буржуазной идеологии во всех областях науки и искусства были нанесены мощные удары, влияние её было подорвано и ослаблено, а влияние марксистско-ленинской идеологии еще более расширилось и укрепилось. Марксистская идеология прочно заняла место руководящей и господствующей идеологии.

Практический, ощутимый результат борьбы против буржуазного идеализма сказался прежде всего в том, что китайские уче-

ные решительно стали пересматривать свои старые работы, подвергать их критическому разбору, усиленно изучать марксистско-ленинскую философию.

Развернулась кропотливая и упорная работа по практическому применению принципов марксистской философии в научно-исследовательской работе, оживилась вся научная работа в стране, поднялся общий идейно-теоретический уровень её.

Борьба против буржуазной идеологии приобрела огромный размах. В критике этой идеологии приняло участие много учёных, писателей, инженеров, врачей и других специалистов.

Было написано большое количество критических статей, которые публиковались во всех газетах, журналах и научных периодических изданиях. Значение этих статей не ограничивается тем, что в них содержалась критика идеализма. Значение этих статей ещё и в том, что они пропагандировали марксистское, научное мировоззрение. Это обстоятельство тем более важно, что очень многие критические статьи публиковались представителями старой интеллигенции, находившимися ранее под влиянием реакционных идей Ху Ши и Ху Фына. Авторы этих статей не только критиковали Ху Ши, Ху Фына и Лян Шу-мина и других идеалистов, но очень добросовестно, самокритично оценивали свои прошлые ошибки.

Крупные учёные Китая включились в критику буржуазной идеологии совершенно добровольно и без всяких понуждений со стороны каких-либо официальных органов. Выступления таких учёных имели большой общественный резонанс. Например, крупный учёный, профессор Пекинского университета Цзинь Юэ-ли, бывший ранее видным пропагандистом философских идей Рассела и сторонником логического позитивизма, принял активное участие в борьбе против идеализма, написав, как и другие ученые, много статей, критикующих Ху Ши.

Другой профессор этого же университета Хэ Линь в прошлом являлся большим поклонником и популяризатором Гегеля. В период наступления на идеалистическую философию этот профессор написал резкую статью против Ху Ши и Лян Шу-мина «Два слова о критике и немного самоанализа». В этой статье он подверг критике свои ошибочные философские идеи в прошлом и решительно отказался от них.

Профессор Пекинского университета Фын Юэ-лай был ранее одним из известнейших в Китае философов-идеалистов, его идеи, разработанные в законченную систему, пользовались большим влиянием среди учёных. Подвергнув критике свои собственные философские убеждения в прошлом, он принял активное участие в борьбе против буржуазной идеологии.

Почти во всех научно-исследовательских учреждениях и вузах прошли широкие обсуждения и беседы по поводу развернувшейся критики. В это же время по всей стране было организовано чте-

ние популярных лекций с изложением основ марксистско-ленинской философии.

Заслуживает внимания самый подход китайских друзей к людям, допустившим идеологические ошибки или стоящим на антимарксистских позициях. В процессе борьбы против буржуазной идеологии было обращено очень серьёзное внимание на то, чтобы не путать людей, допустивших ошибки в своей работе, с политическими контрреволюционерами. ЦК КПК указал, что надо разграничить отношение к контрреволюционерам и к людям, имеющим ошибочные, в том числе идеалистические, взгляды, но стремящимся к правильному, научному мировоззрению. Людей такого рода нельзя шельмовать. Проявляя к ним должное уважение, надо помогать им преодолевать свои ошибки, перестраивать мировоззрение и поощрять активное участие в научной и педагогической работе.

Как известно, когда началась борьба против Ху Фына, сразу не было известно ещё, что он является скрытым контрреволюционером. Поэтому в тот период предпринимались меры к тому, чтобы перевоспитать его, показать весь вред его ошибок, помочь ему исправить их. Потом стало ясно, что Ху Фына надо наказывать, а не перевоспитывать.

Показательно также отношение к Юй Пин-бо. По своим политическим убеждениям Юй Пин-бо поддерживал Народное правительство и был сторонником социалистической революции, хотя имел серьёзные идеологические ошибки в науке. Как человек передовой, имеющий заслуги в науке, он был избран депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Поэтому, относясь к нему как гражданину, поддерживающему народную власть, китайские товарищи тем не менее развернули серьёзную критику его ошибочных взглядов в науке.

В ходе этой критики ему очень много помогали понять свои ошибки, исправить их, создавали благоприятные условия для преподавательской и научной работы. В результате всего этого Юй Пин-бо честно признал свои ошибки и выступил с критикой их в печати и на сессии Всекитайского собрания народных представителей.

Такой же внимательный подход был проявлен и к Лян Сы-чену, который при наличии серьёзных ошибок активно поддерживал КПК и правительство, честно трудился и занимался изучением марксизма-ленинизма.

Критика взглядов Лян Сы-чена развернулась в печати. Кроме того, с ним беседовали по поводу его ошибок и партийные руководители и беспартийные учёные. Он видел со стороны окружающих его людей искреннее желание помочь ему быстрее освободиться из плена заблуждений и ошибок.

Всё это привело к тому, что Лян Сы-чен выступил на сессии Всекитайского Комитета НПКС с критикой своих ошибок, а через некоторое время подал заявление с просьбой принять его в

Коммунистическую партию Китая. И это — не единичный пример.

Под влиянием успехов социалистического строительства и большой воспитательной работы лучшие представители интеллигенции связывают свою жизнь с партией. В сознании интеллигенции произошёл большой поворот в сторону социализма. Об этом говорят следующие факты: в марте 1956 г. в провинции Цзянсу и Нанкинском комитетом было принято в партию 198 человек интеллигенции, среди них 58-летний ректор Нанкинского университета, активно поддерживавший компартию ещё до освобождения страны от сил реакции. Из 1920 инженерно-технических работников Проектного института цветной металлургии 605 человек подало заявления о вступлении в компартию. Из 290 профессоров и доцентов тяньцзиньских вузов 106 человек вступили в компартию.

Принимая во внимание рост сознательности интеллигенции, китайские товарищи предполагают, что в 1962 г. около одной трети высококвалифицированных интеллигентов будет состоять в компартии.

В борьбе против буржуазной идеологии китайские друзья всегда проявляли и проявляют высокую идейную принципиальность, строгость и решительность, но не забывают, что в ряде случаев вместе с критикой необходима определённая осторожность и чуткость. Это вполне естественно, ибо одна из целей идеологической борьбы заключается в том, чтобы разоблачить замаскировавшихся контрреволюционеров, а заблуждавшимся, обманутым и совершившим ошибки помочь найти правильный путь осознать эти ошибки и исправить их.

В процессе осознания своих ошибок человек всегда проходит путь длительных и мучительных размышлений и внутренней борьбы. В таком случае никакое административное давление не может играть положительной роли, и только лишь товарищеская помощь может привести к положительным результатам.

Перевоспитание интеллигенции есть отражение классовой борьбы. Большое значение в развитии сознания интеллигенции имела идеологическая борьба против буржуазного мировоззрения. Идейная эволюция человека, говорят китайские руководители, является результатом собственной сознательности.

Китайские товарищи отмечают, что интеллигентам нравится, когда партийные руководители беседуют с ними на политические и теоретические темы. Поэтому теперь практикуется такая форма работы. Иногда беспартийных интеллигентов приглашают на собрания партийных групп, чтобы они лучше понимали планы и политику компартии.

Исходя из общей линии, все учреждения и организации разрабатывают на каждый год планы перевоспитания интеллигенции и руководствуются ими в своей практической деятельности.

Обстановка, которая была создана в ходе критики буржуаз-

ной идеологии, благоприспособляла тому, что многие учёные старшего поколения постепенно избавляются от груза буржуазных идей и успешно овладевают марксизмом-ленинизмом.

Компартия Китая указала, что таким учёным надо оказывать всестороннюю помощь, не игнорировать их стремлений к идеологической перестройке. Компартия указала на особый вред сектанства в отношении к старым учёным.

В борьбе против буржуазной идеологии выступил большой отряд молодых интеллигентов. Они показали себя не просто задорными критиками, но и людьми, глубоко разбирающимися в конкретных науках и вопросах марксистской теории.

Поэтому компартия обратила большое внимание на воспитание молодых кадров. Она показала большой вред той тенденции в прошлом, которая игнорировала силу молодых кадров.

Компартия указала правильную линию — линию на тесное сотрудничество молодых научных кадров с поколением старых учёных. В ходе борьбы против идеалистического мировоззрения такое сотрудничество дало уже весьма положительные результаты.

В процессе критики идеализма обнаружились уклоны от правильной линии. Эти уклоны — упрощенчество и вульгаризация марксизма. Так, например, после того как развернулась борьба против прагматических методов в науке, в области исследования древней классической литературы Китая стали распространяться вульгарные взгляды, примитивно и упрощенчески определявшие классовую принадлежность древних писателей. Это вульгаризаторство проявилось в догматизме, в игнорировании конкретных исторических условий при анализе реализма и народности произведений древности.

Для того, чтобы успешно изгнать враждебную трудящимся идеологию из науки и культуры и преодолеть различного рода вульгаризаторство, необходимо развивать свободное творческое обсуждение различных вопросов, на основе борьбы мнений выявлять истину.

Компартия возглавила борьбу передовых учёных Китая против слепого преклонения перед авторитетами, против сектанства и монополизма в науке и искусстве, против недооценки идеологической работы, против догматизма, ибо всё это тормозит успешное развитие науки и культуры.

Китайские марксисты считают, что успешная борьба против враждебной идеологии возможна только при правильном подходе к теоретической работе. В этой области китайские коммунисты особенно настоятельно указывают на вред догматизма. Они говорят, что есть еще люди, занимающиеся только подыскиванием определённых доказательств к готовым выводам марксистской теории и игнорирующие изучение фактов жизни. Для таких людей самый убедительный аргумент — не факт, а цитата. От таких догматиков нельзя ожидать действенной убедительной критики буржуазной идеологии, т. к. они не хотят мыслить самостоя-

тельно и заменяют мышление набором цитат. Догматизм неизбежно ведёт к омертвлению мысли, к примитивизму.

ЦК КПК призвал китайскую интеллигенцию смело развёртывать деловую и убедительную критику и дискуссии на научной основе, не допуская никакого давления, никакого администрирования в обсуждениях и при решении каких-либо вопросов. ЦК особо обращает внимание на то, что право свободы мнений не должно ущемляться ни в какой мере, никто не должен иметь никаких особых прав, все имеют одинаковое равное право; недопустимо не только глушить критику, но и безразлично относиться к ней, тем более недопустимо либеральное и капитулянтское отношение к буржуазным теориям.

Курс, взятый компартией Китая в области науки и искусства, ведёт к мобилизации всех сил интеллигенции на решение задач социалистического строительства. Он ведёт к ещё большему сознательному сплочению всех слоёв интеллигенции на базе общей исторической задачи, решаемой всем народом, — на базе социализма. Вот поэтому совершенно естественно, что ЦК КПК придает большое значение борьбе против сектанства, которое ведёт в конечном итоге к отрыву от масс, от народа. Эта борьба велась и ведётся и в науке и в искусстве.

В разоблачении скрытых контрреволюционеров и в борьбе против буржуазной идеологии многие деятели науки приняли очень активное участие, их заслуги в этом несомненны. Но это повело к тому, что некоторые из них стали держать себя высокомерно, третируя других и считая свои мнения единственно верными. Против такого монополизма и зазнайства в науке была проведена решительная борьба.

Усилия компартии по сплочению всех слоёв интеллигенции предусматривают борьбу с сектанством, монополизмом, с нетерпимостью критики, с недооценкой молодых кадров. Эти усилия имеют задачей преодолеть также некоторую кастовость в отдельных кругах учёных, гармонично сочетать работу молодых и старых кадров. Залогом успешной работы по сплочению всей интеллигенции является деятельность интеллигентов-коммунистов, которые подают пример беспартийным и объединяются с ними в решении важнейших проблем науки, искусства и литературы.

Критика, которую компартия призвала развёртывать, должна обеспечить защиту общих интересов, через борьбу мнений вести к сплочению, служить этому сплочению. Такая критика ничего общего не имеет с критикой в отношении врагов народа, рассчитанной на поражение их.

Компартия Китая проделала большую работу по разъяснению того, что критики не надо бояться, что критика должна быть объективной, помогающей исправить ошибки. Критика — это форма помощи тем, кто допустил ошибки, и тот, кто отвергает товарищескую критику, тот отвергает товарищескую помощь.

Президент Академии Наук КНР тов. Го Мо-жо писал: «Во-

лосы на голове шевелит любой, даже самый легкий ветерок, а платье вымокнет и от мелкого дождика. Но когда интеллигент не переносит критики, даже такой легкой, как ветерок, это обстоятельство говорит лишь о том, что он ещё не осознал до конца и не обрёл решимости заняться самокритикой. Пустословить о критике и самокритике дело очень легкое, но по-настоящему заняться ею очень и очень нелегко. Добиться этого на деле можно лишь перенеся внутреннюю психологическую борьбу, да при том не один, а много раз. Мы, интеллигенты, говоря откровенно, не должны проявлять ни малейшей к себе снисходительности».⁷

Политика компартии в области науки и искусства встретила горячую поддержку в народных массах. Это выразилось прежде всего в повышении уровня научной работы, в большом оживлении деятельности театров и издательств. В небывалых масштабах оживилась художественная самодеятельность рабочих и крестьян, выявившая много новых талантливых исполнителей. Появились также новые кадры молодых одарённых писателей из рабочих, крестьян, студентов и армейских работников.

Основная задача работы в области культуры имеет своей целью создать и развить новую народную социалистическую культуру, постепенно повысить культурный уровень народа и удовлетворять культурные потребности его. Это — трудная и большая задача, и для того, чтобы выполнить её, необходимо в рядах работников культуры решительно искоренить влияние буржуазной идеологии, необходимо решительно претворять в жизнь указания ЦК партии об усилении изучения теории марксизма, об усилении пропаганды материализма, об усилении критики буржуазного идеализма.

Компартия Китая обращает особое внимание на роль работников общественных кафедр в вузах. Она рассматривает эти кадры как мощную силу, ведущую активную борьбу против буржуазной идеологии и имеющую огромное значение в деле распространения марксистской идеологии в народе, в деле воспитания молодых кадров в духе марксизма-ленинизма. Поэтому компартия призывает работников общественных кафедр проводить в своей преподавательской и научной работе принцип соединения теории с практикой, вести борьбу против замаскированных врагов марксизма, показывать решающую роль марксистского мировоззрения в практической деятельности, бороться против начётчиков, догматиков и вульгаризаторов марксизма.

Вместе с критикой идеализма под руководством компартии в последнее время развернулась также большая работа по пропаганде основ диалектического и исторического материализма. По указанию ЦК КПК, начиная с 1955 г., в последующие восемь лет должна вестись широкая и систематическая критика буржуазной идеологии и пропаганда марксистского мировоззрения.

⁷ Дружба, № 73 от 27 марта 1956 г.

Идеологическая работа компартии в течение указанного времени должна обеспечить понимание большинством интеллигенции, что такое идеализм, что такое диалектический материализм, так, чтобы интеллигенция глубоко разбиралась в сущности этих мировоззрений.

В течение этого восьмилетнего периода будет проведена большая работа по изменению идеологии всего народа, значительно укрепится идейно-политическое единство на основе марксистско-ленинского мировоззрения. Будут также ускорены темпы развития науки и культуры. Та критика буржуазной идеологии в науке, которая развернулась ныне, есть только начало решения большой задачи, требующей еще многих усилий.

В течение последнего времени ЦК КПК осуществил глубоко продуманную систему мероприятий, направленных на борьбу с проявлением и влиянием буржуазной идеологии.

В марте 1955 г. ЦК КПК дал указание о развёртывании широкой пропаганды материалистических взглядов и критике буржуазного идеализма. В этом указании отмечалось, что без победы на идеологическом фронте осуществление задач социалистического строительства и социалистических преобразований встретит серьёзные трудности.

Идеологическое воспитание в партии должно вестись в духе непримиримости ко всякого рода проявлениям идеализма, в духе научного понимания законов действительности, так, чтобы кадровые партийные работники поняли, что партийную работу надо вести в соответствии с закономерностями реальной жизни общества.

Усиление теоретической работы партии имеет решающее значение для улучшения партийной и государственной работы. Компартия учит, что критика буржуазной идеологии и пропаганда материалистического мировоззрения должны увязываться с актуальными вопросами социалистического строительства, с вопросами государственной и партийной работы.

ЦК наметил практические мероприятия по улучшению лекционной пропаганды, по развёртыванию сети партийных школ для кадровых партийных работников среднего и низшего звена, сети общеобразовательных курсов без отрыва от производства.

Большое значение имело Всекитайское совещание по вопросам работы в области теоретического воспитания кадровых работников, состоявшееся в феврале 1955 г. Совещание наметило конкретную программу теоретической подготовки кадровых партийных работников, которая должна обеспечить повышение уровня партийной работы и успешное развёртывание идеологической борьбы против проявления буржуазной идеологии.

Чрезвычайно большое значение для улучшения идеологической работы в стране имело Всекитайское совещание по вопросам культуры и просвещения, состоявшееся летом 1955 г.

Совещание обсудило основной курс и основную политическую

линию работы в области культуры и просвещения. Участники совещания обсудили и выработали чёткую программу изучения материализма и критики буржуазного идеализма.

На VIII съезде компартии Китая известная общественная деятельница беспартийная товарищ Сун Цин-лин говорила, что китайский народ успешно строит социалистическое общество, и для того, чтобы и впредь успешно решать задачи этого строительства, необходимо усилить работу по идейному воспитанию народа. «С отсталой идеологией не создать новых отношений. Гнилые привычки только подрывают прогрессивный строй. Я глубоко уверена в том, что в недалеком будущем социализм станет преобладающим общественным строем во всём мире. К тому времени бесклассовое общество, в котором отсутствует эксплуатация, без сомнения, получит еще более широкое распространение, и человечество вступит в эру подлинной великой общности. Поэтому я думаю, что этот общественный строй сможет быть и непременно будет осуществлен только под руководством Компартии».⁸

В свете всего изложенного становится совершенно ясным историческое значение той великой борьбы, которую ведёт компартия Китая против буржуазной идеологии, за вооружение народа марксистским мировоззрением.

Идеологическое воспитание народа неразрывно связано с дальнейшим ходом социалистического строительства в КНР «Победа социалистического строительства в нашей стране, — говорил на VIII съезде КПК тов. Линь Бо-цуй, — может считаться прочно обеспеченной только при условии, если у нас будет всё больше и больше людей, по-настоящему овладевших марксизмом-ленинизмом и способных умело его применять».⁹

Борьба против буржуазной философии является постоянной задачей идеологической работы партии в переходный период. Эта борьба продолжается и в настоящее время и будет продолжаться и далее с большей или меньшей силой в различных областях. Идеологическая борьба будет нацелена на искоренение отдельных конкретных проявлений буржуазной идеологии.

Ход идеологической борьбы в КНР показывает, что китайские марксисты не только успешно сокрушают буржуазную идеологию, они также успешно совершенствуют методы борьбы, оттачивают своё идеологическое оружие и развивают марксистскую теорию. Это, бесспорно, имеет огромное значение для деятельности всех коммунистических и рабочих партий.

⁸ Материалы VIII Всекитайского съезда компартии Китая, т. II, стр. 397—398, Пекин, 1956.

⁹ Материалы VIII Всекитайского съезда компартии Китая, т. II, стр. 210, Пекин, 1956.

ДОБРОЛЮБОВ-ПОЛЕМИСТ

Доц., канд. филол наук Б. Ф. Егоров

1.

24 июня 1847 года Некрасов писал Белинскому: «Кронеберг злой человек, и мне хочется его уговорить хоть изредка разбирать книжонки»¹ (т. е. привлечь в «Современник» в качестве рецензента выходящей книжной продукции). Некрасов, конечно, шутил, но в этой шутке была значительная доля правды: в накалированной обстановке 1840-х годов нельзя было писать «добрые», «прекраснодушные» статьи о сочинениях противников демократического лагеря. «Отечественным запискам», а затем «Современнику» во главе с Белинским и Некрасовым приходилось защищать передовые демократические идеалы в ожесточенных журнальных битвах с «Москвитянином», «Библиотекой для чтения» и другими реакционными органами печати. В эпоху «мрачного семилетия» полемика потеряла свой общественный характер и часто выливалась в мелкие личные дрязги, часто вообще затихала. В начале 1855 г. И. И. Панаев наивно верил, что в журнальном кругу можно будет установить правила светской «вежливости и хорошего тона», прийти к примирению враждебных партий: «Новый поэт постарается избегать участия в (. .) полемике с нового года. Он просит извинения у своих читателей, если подал к ней в прошлом году даже неумышленный повод. Ему было неприятно, когда бы даже его противники, вследствие этой полемики, явились в невыгодном свете (. .) Критика, рецензия — не пародия, не фарс, не эпиграмма, не карикатура».²

Но надежды Панаева на «светский» тон литературной критики не оправдались. Начинался период исключительно острой общественной борьбы, который не мог не отразиться и в журнальных статьях критического и публицистического характера.

¹ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, М. 1952, стр. 70.

² Современник, 1855, № 1, стр. 64—65. Хотя в середине XIX века в «толстых» журналах каждый отдел имел свою пагинацию, мы для краткости не указываем его порядковый номер, т. к. большинство цитат берется из критического отдела, и поэтому поиски соответствующей страницы не представляют труда.

Представители прогрессивных сил не боялись полемики, они смело подвергали резкой, беспощадной критике все старое, отживающее. Характерно, что большинство Добролюбовских статей начинается с полемического вступления. И в смысле силы полемических ударов «Современник» занимал, вне всякой конкуренции, первое место. Эту силу обуславливала четкость программы революционных демократов, противостоящая скользким, половинчатым выводам либералов, критический метод которых очень удачно пародировал Чернышевский: «нет, я не это хотел сказать, а я хотел сказать, что в романе нет интриги; но и это я сказал не безусловно, напротив, в романе есть хорошая интрига; а главный недостаток романа тот, что неинтересен герой; впрочем, лицо этого героя очерчено превосходно; однако — впрочем, я не хотел сказать и «однако», я хотел сказать «притом» нет, я не хотел сказать и «притом», а хотел только заметить, что слог романа плох, хотя язык превосходен» (2, 245).³ В статье «Об искренности в критике» (откуда была процитирована пародия) Чернышевский главное внимание уделил полемике и убедительно доказал, что действенная критика не может руководствоваться правилами светских приличий, что резкость и прямота отзывов не только возможна, но и необходима в полемике с реакционными течениями в литературе. Характерно, что статья Чернышевского была напечатана в «Современнике» еще в 1854 г., в июльском номере, т. е. за полгода до отмеченного выше отзыва Панаева.

Четкость программы Чернышевского и Добролюбова сочеталась с их публицистическим талантом, с умением употреблять оригинальные приемы, неожиданные повороты мысли, остроумные сопоставления, которые способствовали окончательному развенчанию врага. В полемических приемах с ними мог соперничать только Герцен. Сами враги, при всей их злобе против революционных демократов, вынуждены были признать замечательный полемический талант Чернышевского и Добролюбова.⁴

Острота и сила полемики, открытое развенчание отживших явлений — все это было связано с общим взглядом революционных демократов на задачи журнальной критики. Большинство либеральных журналистов главное внимание уделяли авторам рецензируемых сочинений, задача критики тогда заключалась в советах, «увещеваниях», даже если сочинение не имело никакого интереса: «Критик (. .) должен высказывать свои приговоры как можно мягче, осмотнительнее, чтобы не пристыдить талант, не заставить его краснеть, не обнаружить самым наглым, ироническим образом ошибку (. .) но высказать свои (. .) дружеские советы не иначе, как в форме исключительно личного убеж-

³ Все цитаты из произведений Н. Г. Чернышевского даются по Полному собранию сочинений в 16 т.т., М., 1939—1953. В скобках указывается том и страница.

⁴ См., например, редакционную статью «Русского вестника» «Виды на entente cordiale с Современником» (1861, № 7).

дения, которое может и не совсем справедливо, но которое составил себе критик».⁵ Наиболее откровенно и ясно эту точку зрения высказал анонимный рецензент «Современника» в 1855 г. (когда революционные демократы еще не занимали главенствующего положения в критическом отделе):

«Рецензенты часто не могут устоять против искушения посмеяться над разбираемыми книгами и нельзя не сказать, что об иных книгах трудно говорить без улыбки. Но если ирония избавляет читателей от скуки слушать серьезные приговоры произведениям, которые не заслуживают серьезного разговора, то едва ли она приносит желаемую пользу авторам этих сочинений (.) Если мы хотим убедительно внушить какому-нибудь автору, что он написал плохую книжку и не должен впредь издавать подобных, то необходимо оставить шутки в стороне, как бы ни заслуживало их разбираемое произведение, и говорить серьезным тоном, хотя бы книжка сама по себе и не стоила его».⁶

Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» (1856, № 6) также подробно развивал мысль о том, что критика должна ориентироваться, главным образом, на авторов.⁷ В журнале бр. Достоевских «Время» в 1861 г. был даже введен специальный отдел — как бы в «помощь», «в поощрение» забытым авторам — «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой».⁸

Совсем иные задачи ставили революционные демократы. Уже Белинский неоднократно заявляет, в противовес дворянской критике, презиравшей «толпу», что он считает основным адресом критики — широкие слои читателей, особенно демократическую массу, разночинную интеллигенцию (см. его спор по этому поводу с Шевыревым в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя»»). В письме к В. П. Боткину (3 февраля 1840 г.) Белинский прямо сказал: «я чувствую, что совсем не автор для немногих».⁹ В другом письме к Боткину (10—11 декабря 1840 г.) он отметил, что в современных условиях России есть лишь два рода деятельности: университетская кафедра и журнальная трибуна. Иными словами, под деятельностью Белинский подразумевал активную пропаганду передовых идей и критику всего отмирающего — для широкой публики. В этом смысле «журнал стоит кафедры» (XI, 453), как выразился Белинский в другом письме, т. е. журнал имеет не меньшие, если

⁵ Библиотека для чтения, 1851, № 6, стр. 22.

⁶ Современник, 1855, № 7, стр. 17.

⁷ Указ. изд., стр. 53. Ср. утверждение критика «Отечественных записок» К. Штахеля, что задача рецензента — «убедить его (писателя — Б. Е.) и обратить к нашему мнению» (1857. № 6, стр. 76).

⁸ См. обоснование этого раздела во вступительной статье к циклу (Время, 1861, № 3).

⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, М., изд. АН СССР, 1953—1957, т. XI, стр. 438. Все дальнейшие ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием тома и страницы.

не большие возможности для воздействия на массы. Журнал был кафедрой не для нескольких десятков, а для многих тысяч слушателей и читателей. Этим и объясняются те специфические «ораторские» черты стиля, которые так удачно охарактеризовал Л. П. Гроссман: «Основная и любимая форма статей Белинского — это критика-речь, критика-доклад, критика-беседа. Вслушиваясь в главную интонацию его писаний, мы вернее всего представляем его себе стоящим на трибуне перед большой аудиторией, которую он учит, воспитывает, убеждает и увлекает своим словом. Это критик-оратор».¹⁰

Перед «шестидесятниками» поэтому почти не вставала дилемма: кафедра или журнал? И Чернышевский, и Добролюбов (в отличие от Белинского, исключенного из университета) вполне могли бы избрать «профессорский» путь, но они предпочли все же журнал, как трибуну более обширную и действенную.¹¹ По воспоминаниям А. Слепцова, Чернышевский рассматривал «Современник» именно как своеобразную кафедру.¹²

Создание статей для массового читателя предполагало, таким образом, что полемические приемы рассчитаны на восприятие читателем-другом (термин М. Е. Салтыкова-Щедрина), а не на убеждение, «уголаживание» реакционного противника.¹³

Вопрос о полемических приемах в русской критике и публицистике мало исследован. Пожалуй, наиболее полно изучено в этом плане ленинское наследие — в статьях А. Г. Цейтлина «Ленин-полемист» и «Из наблюдений над стилем ленинского доказательства».¹⁴ Отдельные наблюдения над щедринскими полемическими приемами сделаны в кандидатской диссертации В. Ф. Никифоровой «М. Е. Салтыков-Щедрин — литературный критик» (Л., 1956). В «Научном ежегоднике Саратовского гос. университета за 1954 год» появился реферат (точнее — резюме) работы И. С. Сереброва «Приемы и методы полемики Н. Г. Чернышевского». Так как резюме предельно сжато, то очень трудно судить

¹⁰ Л. П. Гроссман, Поэтика Белинского (Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XXXIV, 1954, стр. 121).

¹¹ Подробнее об этом см. докторскую диссертацию С. А. Рейсера «Н. А. Добролюбов в 1836—1857 гг.», Л., 1955.

¹² См. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. 16, стр. 75.

¹³ Недавно вышла в свет содержательная книга Б. И. Бурсова «Мастерство Чернышевского-критика» (Л., 1956), автор которой придерживается такой же точки зрения, даже несколько дифференцируя компоненты: Б. И. Бурсов считает, что статьи Чернышевского полемически направлены не против вражеских критиков, а против читателя, примыкающего к враждебному лагерю (стр. 199) (а затем уже автор книги говорит, что главное для Чернышевского — убеждения и доказательства для читателя-союзника). Вряд ли есть нужда в таком дроблении, вряд ли для Чернышевского существовало разделение враждебного лагеря на профессионалов-критиков и публику.

¹⁴ Литературный современник, 1937, № 2, Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та, вып. 7, 1943. См. также исследование А. Г. Цейтлина о Белинском-полемисте в сб. «Белинский историк и теоретик литературы» (М.—Л., 1949).

о степени охвата материала автором. Свежие наблюдения о Чернышевском-полемисте содержатся в упомянутой книге Б. И. Бурсова.

Ниже мы постараемся более подробно остановиться на полемических приемах Добролюбова. Оговоримся, что мы будем анализировать лишь критику и публицистику, так как художественные произведения — предмет особого исследования.¹⁵

Кроме того, мы не будем рассматривать историю полемики революционных демократов с различными общественными и литературными группами, а остановимся лишь на приемах, которые использовали Добролюбов и его соратники в тех или других обстоятельствах, в связи с тем или другим идейным заданием.

2.

Главной задачей в полемике с реакционным противником было развенчать его (или его идеалы, его героев), сбросить с мнимого пьедестала, показать все его ничтожество. Отсюда обилие уничижительных сопоставлений. В рецензии на книгу В. Ведрова «Поход Афинян в Сицилию и осада Сиракуз» Добролюбов на нескольких страницах предается «воспоминаниям» о сочинениях в старших классах гимназии, так и не коснувшись книги Ведрова (3,307—310).¹⁶ Читатель же легко угадывал, что рецензент фактически анализирует книгу, приравнивая ее к бездарным ученическим сочинениям. Особенно часто Добролюбов проводил параллели с героями художественной литературы, ставшими нарицательными. В рецензии на «Разные сочинения» С. Аксакова он от мечает узость кругозора автора воспоминаний (обилие никому не нужных подробностей, вроде детального перечисления блюд, поданных на завтрак, или точного веса пойманных рыб) и добавляет: «теперь ли только г. Аксаков вспомнил все это или тогда же все записал, — предупреждая таким образом известного гоголевского героя, писавшего: «сия дыня съедена та кого-то числа», и если кто присутствовал, то «участвовал такой то» (2, 456). Год спустя это сравнение было

повторено в «Современнике» анонимным рецензентом (Пыпиным, как доказал В. Э. Боград) «Дневных записок» Я. Марковича: некоторые сочинители писали мемуары «только для себя, совмещая в своих записках весь свой житейский обиход, по тому же

¹⁵ На эту тему уже имеются труды. См., например, В. Щербина. Сатира Н. А. Добролюбова (Октябрь, 1936, № 2), Б. Бухштаб. Добролюбов-пародист (Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1936, № 1—2), П. Н. Берков. Из истории русской пародии XVIII—XX веков. («Вопросы советской литературы», т. V. М.—Л., АН СССР, 1957), Н. Г. Леонтьев. Добролюбов-пародист (Уч. зап. ЛГУ. серия филолог. наук, вып. 30, 1957) и др.

¹⁶ В основном цитаты из произведений Добролюбова даются по полному собранию сочинений в 6 тт. М., 1934—1941. В скобках указывается том и страница.

простому побуждению, по которому Иван Никифорович записывал, с кем и когда была съедена дыня». ¹⁷

При уничижительных сопоставлениях с литературными героями Добролюбов иногда пользуется «именным каламбуром» (в случае, если данная фамилия вызывает какие-либо ассоциации). Некий К. Костанжогло выпустил книгу «Совершенный человек, или наставления к воспитанию детей», где проповедовал филистерскую мораль. Всю рецензию на это сочинение Добролюбов строит на сравнении с «Мертвыми душами», «наивно» предполагая, что автор и гоголевский герой — одно лицо. В начале выражается «радость»: Костанжогло, практичный хозяин, от которого Чичикову так хотелось узнать, как это «всякая дрянь давала доход», — пустился в литературу! Можно надеяться, что книга будет практичной и полезной. Но затем, в процессе анализа оказывается, что автор проповедует такие молчалинские идеалы, такую «житейскую мудрость», что это «скорее переодетый Чичиков, нежели Костанжогло», ибо последний «все же отличается благородством в образе мыслей». В результате рецензент выдвигает предположение: не вздумал ли автор «на этой книжке испытать, как «всякая дрянь может дать доход» — и для пушей вероятности сбыта злоупотребил именем Костанжогло» (3, 493).

Остроумный именной каламбур использовал Добролюбов в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым». Последний — автор мракобесного двухтомного труда «*Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie*», вышедшего в Париже в 1858 г. Смысл добролюбовской статьи раскрывается уже в эпиграфе к ней: «Луна обыкновенно делается в Гамбурге, и прескверно делается. Гоголь («Записки сумасшедшего»)». Страница за страницей Добролюбов показывает реакционно-славянофильский характер теорий Жеребцова. В ряду этих разоблачений Добролюбов и применяет каламбур. Автор книги очень пристрастен к генеалогии дворянских родов, часто намекает на древность рода Жеребцовых, идущего якобы от Александра Невского. В другом месте в книге есть фраза: «Было одно время, когда император Николай обратил особенную заботливость на улучшение пород лошадей в империи» (т. II, стр. 187; перевод Добролюбова). Добролюбов комментирует: «Кто может ожидать, что в истории русской цивилизации встретит фамильные предания рода Жеребцовых и подробности об улучшении в России коннозаводства?» (3, 263). А ниже поясняет: «Ясно, почему он (автор — Б. Е.) придает такую важность для истории цивилизации фамильным преданиям рода Жеребцовых. Ясно даже и то, почему заняло его улучшение пород лошадей в российской империи. Везде порода и порода...» (3, 265). Трудно найти более уничижительную параллель к дворянской генеалогической спеси!

В данном случае для сравнения Добролюбов воспользовался

¹⁷ «Современник», 1860, № 5, стр. 54.

объектом, который находится в самом рецензируемом сочинении. Подобный прием применяется очень часто в критике «Современника». Рецензию на «Руководство к изучению словесности» М. Архангельского Добролюбов начинает с цитирования: «Г Архангельский весьма справедливо говорит на стр. 9-й своего руководства: «не должно читать всяких сочинений без разбора. Есть сочинения худые, т. е. скудные и неправильные по мыслям, неудовлетворительные в отношении к искусству (?) и слогу, и даже вредные по своему направлению. Читать такие сочинения было бы вредно и опасно, особенно для начинающих учиться словесности». И затем следует комментарий рецензента: «Внимательно просмотревши книжку г. Архангельского, мы убедились, что приведенные слова в полной мере прилагаются к его руководству» (2, 613).

Прием «биения противника его же собственным оружием» был у Добролюбова особенно излюбленным, если оружие направлялось против революционных демократов.

10 января 1860 года Тургенев публично произнес речь «Гамлет и Дон-Кихот» (одновременно она была напечатана в январской книжке «Современника»), где с образом Дон-Кихота он связывал черты, как он полагал, вождя народных движений. Отдавая дань уважения Дон-Кихоту, Тургенев все же характеризовал его как утописта, сражавшегося с ветряными мельницами. В статью «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов также ввел образ Дон-Кихота, но здесь дон-кихоты — либералы! («Выдумают вдруг взятки искоренять, — и уж какая тут мука пойдет бедным чиновникам, берущим гривенник за какую-нибудь справку! Со свету сгонят их наши герои (. .) И эти-то выходят бесполезны и смешны, потому что не понимают общего значения той среды, в которой действуют» — 2, 229). Так прозвище «Дон-Кихот» Добролюбов перенес на представителей либерального лагеря.

Иногда (особенно, когда удар исходил из наиболее реакционных общественных кругов) Добролюбов применял маску «наивности», которая давала возможность эффектно парировать вражеский выпад и направлять этот удар на врага же. В «Современнике» появились неодобрительные отзывы Панаева и Добролюбова о пустенькой пьесе Н. Львова «Предубеждение». Озлобленный Львов опубликовал в юмористическом листке «Весельчак», который он редактировал, злобный пасквиль на Некрасова и Панаева.

Последний был выведен под фамилией Пустяковского. Но в то же время «Весельчак» начинал издаваться под редакцией Сенковского, использовавшего образ Пустяковского как маску (наподобие Козьмы Пруtkова) в своих статьях и фельетонах. Добролюбов сделал вид, что якобы он понял пасквиль на Пустяковского как выражение злобы Львова против Сенковского: «ожесточение новой редакции против старой доводит ее до неблагодарности и даже неприличия» (3, 391).

Другой пример. «Известный» писатель и доносчик Б. Федоров выпустил в свет (под псевдонимом Ижицына) грязный безграмотный листок «Басня. Ороскоп кота», направленный против Герцена и его свободной печати. В ответ на критические замечания Федоров выпустил еще такой же листок «Моим трутням совет», со стишками, где из первых букв каждой строки составлялся акrostих «Обезьянам трезвона». Листок явно метил в революционных демократов. Но в 1858 году, к которому относится эта история, выходил пошлый, на уровне изданий Б. Федорова, уличный листок «Пустозвон», в виньетке которого была изображена обезьяна. Добролюбов опять направил вражеский удар в его же лагерь. «Пытаясь» отгадать адресат листовки Федорова, Добролюбов заключает «мы поняли, в чем дело: нелепость эта направлена была против «Пустозвона», который выставил обезьяну и попугая в виньетке своего издания (. .)? Ижицын, обращаясь к «Пустозвону» (который он — верно ради стиха, — называет трезвоном) .» и т. д. (3, 392). Лучшего способа дискредитации пасквилей нельзя было придумать, как верно заметил С. А. Рейсер.¹⁸

Очень оригинально использовал прием «биения врага его же оружием» другой сотрудник современника, М. Антонович. «Русский вестник» неоднократно выступал против требований революционных демократов отражать в философии и вообще в науке современные тенденции, злободневные общественные проблемы, Антонович же под маской «наивности» «доказывает», что именно «Русский вестник» в литературе и публицистике наиболее «современен», так как все «модные» вопросы тотчас же получают отклик на страницах журнала, а «Современник» оказывается, наоборот, менее «современным», ибо выступает против этой «моды»: «Современник» и «Свисток» обличительными повестями не занимались, «Свисток» даже положительно стоял за взяточничество: (. .) глумился над г. Вышнеградским, «не берущим взятку», и над элегиями г. Розенгейма, оплакивавшими взятки. А в то же самое время, в скромной тиши «Русского вестника», г. Кокорев громил откуп, а взятки поражались обличительными повестями».¹⁹

Маска наивности создавала иронический подтекст, насмешку, переходящую в издевку над ретроградными явлениями.²⁰ Револю-

¹⁸ См. подробный комментарий С. Рейсера к рецензии Добролюбова на «Басню. Ороскоп кота» (3, 626—629).

См. также комментарий И. Ямпольского к статье Добролюбова «Уличные листки» (3, 632—639).

¹⁹ Современник, 1861, № 8, стр. 237. Вся «соль» приведенной выше цитаты из статьи Антоновича заключалась в том, что Кокорев с помощью различных махинаций (и путем откупа, и путем взяток) нажил целое состояние. Тем самым Антонович вскрывал циничное лицемерие Русского вестника.

²⁰ Мы будем все время иметь в виду иронию, так сказать, отрицающую, иронию по отношению к реакционным явлениям. Ирония в адрес положительного почти не употреблялась революционными демократами, так как этот тип иронии возможен, главным образом, при массовом, утвердившемся положительном явлении.

ционные демократы очень часто применяли иронию для разоблачения всего отжившего, устаревшего. Поэтому вполне понятен тот «единодушный» вопль осуждения «свистунов», «мальчишек», «несерьезного отношения к делу», «легкомыслия» и других подобных качеств, которые приписывались «Современнику» и его авторам со стороны враждебной печати, боявшейся смеха, сатиры, иронии. Об этом говорили почти все реакционные, либеральные, славянофильские журналы. «Русская беседа» поместила специальную статью «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» (автор — А. И. Иванцов-Платонов), где с прискорбием отмечается «порочность» отрицательного, сатирического направления и в противовес этому выдвигается старая славянофильская идея о необходимости отобразить в литературе и публицистике «идеальные стороны» народной жизни.²¹

Многие реакционные критики прекрасно поняли связь между сатирой и революционным движением: «Юмор, юмор нас губит! Юмор и в ученых статьях, и в критике, и в «Свистке», и в повестях, и в приложениях из Англии. Юмор скоро станет тем, чем была в свое время сентиментальность, чем были ужасы и кровь».²²

Представители уходящих классов почувствовали революционный характер смеха и убоялись его, видя в нем приговор над собой. К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» писал: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее ко м е д и я (. .) человечество весело расставалось со своим прошлым».²³ К. Маркс требовал такого «веселого» отношения к современным политическим властям Германии.

Революционные демократы подобным образом относились к «устаревшим формам жизни» в России. Правда, теоретически они не сразу поняли социальный смысл комического. Белинский трактовал проблему довольно отвлеченно (комическое — несообразность жизни с целью), хотя практическое применение этого положения давало возможность сделать революционные выводы: существование самодержавного строя несовместимо с претворением в жизнь передовых идеалов. Чернышевский в своей диссертации также еще не сделал шага вперед. Если в трактовке большинства эстетических категорий он резко разошелся с господствующими в тогдашней науке определениями (исходящими в основном из гегелевских формулировок), то при рассмотрении комического — почти полностью согласился с отвлеченным объяснением «комическое есть перевес образа над идеею» (см. 2, 31)

В этом отношении характерно также сочинение ученицы Добролюбова, Татариновой, о комическом в искусстве (1857), где

²¹ Русская беседа, 1859, № 1.

²² К. Леонтьев. По поводу рассказов Марка Вовчка. (Отечественные записки, 1861, № 3, стр. 10).

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 1, стр. 418.

сделан шаг назад от Белинского и Чернышевского. Сочинение правлено рукой Добролюбова, т. е. как бы санкционировано им. Здесь комическое объясняется как внесоциальная и даже анти-социальная категория: «в комическом представлении писатель должен удалять нравственное негодование при виде дурных поступков и искреннее участие, которое может возбуждаться в нем положением людей (. .) Комик должен представлять дурные действия людей не зависящими от высшего нравственного управления, и то, что с ними случается — только смешной необходимостью, которая не имеет пагубных последствий».²⁴

Между тем перед 1861 г. революционные демократы уже подошли к объяснению социальной сущности комического. Герцен в 1858 г. отвечал критику «Колокола»: «смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых (. .) Крепостные слуги лишены улыбки в присутствии помещиков. Одни равные смеются между собою . . .»²⁵

Да и Добролюбов в рецензии на пьесу Потехина «Мишура» (1858) рассматривал комическое уже в тесной связи с развенчанием прогнивших реакционных сил в обществе. Одним из главных недостатков пьесы Добролюбов считает «недостаток смеха» (1, 421) при изображении центрального отрицательного персонажа — Пустозерова: «Что, если бы Пустозеров, не теряя всей своей гадости, был выставлен при том в комическом свете? Что, если бы вся пьеса, вместо сдержанно-озлобленного тона, введена была в тоне комическом? Какое бы великолепное произведение имели мы, и какой бы страшный удар был нанесен этим всем Пустозеровым» (1, 422). Именно такой комизм Добролюбов усматривал в творчестве Гоголя, которого он тут же противопоставляет Потехину: «Гоголь обладал тайной такого смеха, и в этом он поставлял величие своего таланта. Посмотрите, в самом деле, как забавны эти Чичиковы, Ноздревы, Сквозники-Дмухановские, и пр. и пр. Но меньше ли от того вы их презираете? Расплывается ли в вашем смехе хоть одна из гадостей этих лиц? Нет, напротив — этим смехом вы их только конфузите как-то, так что смущенные и сжавшиеся фигуры их так навсегда и остаются в вашем воображении, как бы скованными во всей своей отвратительности» (1, 422—423).

Еще более точную формулировку комического мы находим в статье Добролюбова «Черты для характеристики русского просто-народья» (1860) В комическом тоне рассказа Марка Вовчок «Игрушечка» Добролюбов видел «торжественный суд истории над самой сущностью, над принципом крепостного права» (2, 278).

Отсюда такое обилие смеха, комических элементов в статьях революционных демократов. Ирония — любимый прием Добро-

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 496, оп. 1, № 28, лл. 82 об. — 83.

²⁵ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. 9, стр. 118—119.

любова, он применил ее в самых различных вариантах. Чаще всего это «обычная» ирония, когда просто внутренний смысл фразы противоположен внешнему значению слов. Анализируя «уличное» юмористическое издание «Весельчак», Добролюбов замечает: «Повидимому, он распространен страшно: в трактирах он есть столь же необходимая принадлежность, как «Полицейские ведомости», на станциях железной дороги — сотни экземпляров последнего номера «Весельчака» красуется вместе с «Приятным Собеседником» г. Булгарина, «Атакой женских сердец» г. Федорова и «Предубеждением» г. Львова. Из книжного магазина присылают вам книги: они завернуты в листок «Весельчака»; в него же обернут вам в лавке папиросы, свечи и т. п.» (3, 390). В процессе чтения (жаргонизм «страшно» вместо «очень» — уничижительное сопоставление с «Полицейскими ведомостями» — то же со снискавшими позорную славу авторами и их произведениями — наконец, с оберточной бумагой) раскрывается ироническое значение слова «распространен» и всей фразы в целом. Часто Добролюбов применяет известный гейневский (и герценовский) прием сопоставления в одной грамматической конструкции совершенно различных, несовместимых логических понятий, что придает фразе явно иронический подтекст: «с послеобеденно-философской точки зрения» (3, 80); «Дмитряев — все тот же Дмитрияев: и в счастливой Аркадии, и в собачьей конуре» (2, 473).²⁶

Добролюбов мастерски использовал какое-либо слово, фразу (неосторожно брошенную противником) для создания целого каскада иронических выпадов. В рецензии на комедию Паткевича «Напрасная вражда» Добролюбов «обыгрывает» фамилию героини Амалии Бом для доказательства «пустозвонства» всей пьесы (см. 2, 618—619). Вслед за Добролюбовым подобный прием использует Д. Михаловский в статье «Шекспир в переводе Фета». Эпиграфом взяты слова Фета: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик», и рецензия начинается с общей оценки перевода на основании этой «программы» Фета: «Без всякого ущерба для достоинства перевода, он мог бы сохранить более благоразумия и удовольствоваться прыжками, например, из пятого или даже четвертого этажа и притом не вниз головой. Это ему тем легче было бы сделать, что у него перед глазами был пример другого переводчика, г. Дружинина, который совершил свое дело весьма солидно, и если иногда и прыгал со своим изящным стихом, то не более как из бель-этажа. Но г. Фету непременно хотелось хватить с седьмого, и непременно вниз головой и вверх ногами. Он остался верен своей лирической натуре, но нельзя не сознаться, что путешествие свое вниз головой совершил не совсем удачно и если не сломал шеи

²⁶ Подробнее об этом приеме см. И. М. Багрянский, К вопросу о языке критических статей и сатирических произведений Н. А. Добролюбова (Труды Узбекского гос. университета, в. 62, 1956).

себе самому, то зато пошатнул в глазах русских читателей здание шекспировской трагедии».²⁷ И далее идет тщательный анализ перевода (где все время учитывается «идеал» Фета), и наконец следует вывод, что прыгание с седьмого этажа вниз головой несовместимо с точностью и художественностью перевода.

Другой сотрудник «Современника», товарищ Добролюбова по Педагогическому институту Н. М. Михайловский в рецензии на книгу А. Славина «Путешествие русского человека .» использует замечание автора (тот, силясь доказать, что находился в религиозном экстазе при обозрении Новгорода и Софийской колокольни, так описывал свое состояние: «вообразил себя поднятым на облака»), чтобы «объяснить» полное ошибок и нелепостей описание достопримечательностей города тем, что автор изучал его с облачной высоты ²⁸

3.

Как орудие полемики революционные демократы очень часто применяли пародию. Добролюбов от лица редакции «Современника» подчеркивал, что придает пародиям «большое значение». Они встречают сочувствие, читаются с удовольствием и означают, что то, на что они намекают, уже не пользуются особым сочувствием публики» (2,295). Здесь же Добролюбов дает ценные теоретические положения: невозможно пародировать то, «что дорого и свято для большинства» (2,595). Никакого успеха не будет иметь пародия на «Мертвые души», зато «Выбранные места из переписки с друзьями» достойны осмеяния.

Пародии Добролюбова направлены именно на то, что не только не «дорого и свято для большинства», но что давно уже нуждается в разоблачении. Еще в первые студенческие годы Добролюбов пишет «Дифирамб земле русской»,²⁹ пародию на славянофильскую публицистику: «Крепки его основания надежды и сильны подпоры. Не на песке, не на болоте стоит оно, а на доброй земле. Святая, православная вера, да власть самодержавная — основания царства русского; а подпоры — нравственные качества народа и самый склад светлого ума его! .» Пародия настолько тонко воспроизводила «дух» славянофильских статей, что Чернышевский, изучая рукопись, сделал пометку: «выписка

²⁷ Современник, 1859, № 6, стр. 256.

²⁸ Современник, 1858, № 7 Рецензия анонимна. Доказательство принадлежности ее Михайловскому см. Добролюбов, 5, 583.

²⁹ Текст опубликован недавно Н. А. Золиной (Уч. зап. ЛГУ, сфн, в. 30). Рукопись хранится в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде. Сотрудник библиотеки Э. Э. Найдич датирует рукопись приблизительно 1853 г. Действительно, почерк Добролюбова еще не устоявшийся, относящийся к 1853—1854 гг. Об идейной сущности «Дифирамба» см. кандидатскую диссертацию Н. А. Золиной, Проблема положительного героя в критике Н. А. Добролюбова, ЛГУ. 1954.

или пародия? из (на) Шевырева?» Но перед нами несомненно пародия: рукопись-черновик с зачеркнутыми словами, надписанными другими, такой правленный текст не мог быть выпиской.

И в зрелые годы Добролюбов широко использует пародию. Такова его пародия на «эстетическую» критику, «принадлежность чувствительных барышень»: «прочтите эту чудесную сцену, исполненную такой грации и прелести (выписка); припомните эту поэтическую живую картину (выписка), или вот это высокое, смелое изображение (выписка). Не правда ли, что это проникает в глубину души, заставляет сердце ваше биться сильнее, оживляет и украшает вашу жизнь .» и т. д. (2,206) Приведенная пародия включена в текст статьи «Когда же придет настоящий день?», опубликованной в мартовской книжке «Современника» за 1860 г. То, что Добролюбов не слишком утрировал реальную картину, можно увидеть на примере рецензии М. Лонгинова «Сочинения Д. В. Давыдова», появившейся почти одновременно с добролюбовской статьей («Русский вестник», 1860, март, кн. I) и ставшей как бы невольной иллюстрацией справедливости добролюбовской пародии.³⁰ Анализ ведется почти в тех же выражениях, которые употреблял Добролюбов в своей пародии: «Проза Давыдова так увлекательна, что почти нельзя анализировать, в чем состоит эта необычайная прелесть его рассказа (. .) Что за меткость, бойкость, вместе с тем плавность и живописность языка! .» (стр. 21). И далее следует целый обзац неумеренных восторгов.

Приведем еще пародию Добролюбова на крохоборческие литературоведческие исследования: «В первой сатире Кантемира говорится (. .) (стих 112-й):

Рексу, не Цицерону похвала достоин.

Кто такой Р е к с, в истории литературы сведений доселе не было. Только в издании Кантемира 1762 г. (которое очень редко; оно есть у меня), к означенному стиху сделано примечание: «Рекс был славный портной в Москве, родом немчин (. .)». Ныне примечание это подтверждено одним местом в «Жизни Ваньки Каина». В ней сказано: «пошли в ту же Немецкую слободу, к дворцовому закройщику Рексу». Из этого видно, что действительно Рекс был портной и, по всей вероятности, немец, ибо жил в Немецкой слободе (. .) Кроме того, — в «Жизни Ваньки Каина» на той же странице есть еще черта, бросающая свет на жизнь и характер Рекса. «Как настала ночь, — говорится здесь, — то тот Рекс и живущие с ним в доме одержимы были сном». Отсюда

³⁰ Том Русского вестника подписан цензурой — 4 марта, Современника — 28 марта. Но Добролюбов писал пародию, еще не увидев в печати рецензию Лонгинова, так как сохранились типографические гранки со статьей Добролюбова, посланные цензору 8 марта (см. 2, 654)

ясно: 1) что Рекс жил не один в доме, и 2) что он имел мирные наклонности, ибо по ночам спал, а не кутил» (2, 469).³¹

Очень меткой была пародия Добролюбова в статье «Литературные мелочи прошлого года» на либеральную публицистику, славословящую правительственные мероприятия: «В настоящее время, полное радостных и благодатных надежд, когда отрадно восходит на нашем горизонте прекрасная заря светлого будущего, когда мудрые предначертания повсюду представляют новые залого народного благоденствия, — каждый день, каждый час, каждое мгновение этого великого движения судеб нашего великого отечества, нашей родной России .» (4, 63) Формула «в настоящее время, когда .» стала после этого нарицательной характеристикой либеральной болтовни. В следующих статьях Добролюбов уже свободно пользовался лишь этими тремя словами для оценки сущности либеральной публицистики. Так, в статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» встречается фраза: «и все это делается в 1858 году, который (. .) принадлежит настоящему времени, когда и пр.» (4, 178) Добролюбов выделяет курсивом пародийную формулировку, а далее можно просто поставить «и пр.» — читателям уже ясен смысл. Пародия Добролюбова широко распространилась в передовой журналистике 60-х годов. Некрасов в стихотворении «Недавнее время» (1871) назвал добролюбовскую формулу бессмертной:

Понял горькую истину сразу
Только юноша-гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда .»

Добролюбов не избегал пародий и на конкретных авторов, разумеется, если они представляли собой какую-то значимую общественную группу. Так, в рецензии на «Московские элегии»

³¹ Данная пародия — один из эпизодов борьбы революционных демократов с так называемым «библиографическим» направлением в литературоведении, представители которого (Г. Н. Геннадий, М. Н. Логинов и др.) уходили от решения важных проблем в область мелочных библиографических разысканий.

Ср. в неопубликованной в свое время рецензии-пародии Чернышевского: «В типографии Лобысевича», а не Лобысевич, т. е. госпожи, как ошибочно пишет Сопиков. Типография Лобысевича перешла по смерти его к жене только уже в 1804 году и тогда действительно стала называться «Типография Лобысевич» (ошибочное правописание того времени, вместо правильного Лобысевич). В каталоге Смирдина повторена эта важная ошибка. — Так небрежно до последнего времени обрабатывалась русская библиография». Или: «Жаль, что наши исследователи мало пользуются интересными показаниями этой брошюры, впрочем очень редкой. Мы знаем ее только один экземпляр, принадлежащий нам. В нем (не) достает 11 и 12 страниц. Брошюра напечатана in-8 и содержит 16 страниц» (XVI, 294—295; пародия написана в 1854 г.).

М. Дмитриева Добролюбов пародирует как самого Дмитриева, так и — более широко — славянофильские писания вообще: «В этой самой Москве вдруг ни с того, ни с сего, появляются элегии! Да, что же с тобой, матушка, попритчилось? С чего на тебя такая тоска нашла? Кто на тебя этакую напасть напустил? Скажи нам, наша родная, хлебосольная, златоглавая » и т. д. (1,434)

Иногда Добролюбов тонко включал пародию в свой стиль, в «голос» критика. В рецензии на реакционное философское сочинение профессора В. Берви «Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» Добролюбов, процитировав образец «учености» из книги Берви,³² заключает: «По-видимому, так нам кажется, можно так думать, что г Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессор В. Берви полагает, даже имеет убеждение и твердую уверенность в том, что популярность, простота изложения, общепонятность представления вещей или предметов состоит в том, не в другом чем заключается, как в том, чтобы повторять несколько раз, много раз повторять, переворачивать на разные лады простые истины, самые простые положения, всем понятные вещи .» (3, 346).

Широко применяли пародию и другие сотрудники «Современника», особенно Чернышевский (выше мы уже приводили пародию на компромиссную, половинчатую критику либеральных авторов) В борьбе за лаконизм сюжета и стиля Чернышевский пародировал даже роман Гончарова «Обломов»: «Он медленно, с какой-то негой два раза провел гребнем по своим шелковистым волосам и задумался: он сам любовался своими белокурыми кудрями, кольца которых вились так мягко; он в первый раз заметил, что на висках у него показалось несколько седых волосков. (О том, что на висках у него было несколько седых волосков, читателю уже было сообщено четыре раза и впоследствии будет сообщено еще двадцать девять раз). Гребень выпал из его руки, он задумчиво склонил лоб на другую руку, которая прежде лениво лежала на столике. Ему припомнилось время, когда еще не было седины в его кудрях. Вот перед ним широкая поляна с пыльной дорогой, ведущей к покачнувшемуся помещицкому дому (Начинается описание деревни, в которой вырос Иван Андреевич, рассказывается его детство)» (7 452). Чернышевский не указывает адресата. Но намеки на «Сон Обломова», утрированная детализация в описании внешности и поступков героя — все это, при учете постоянно отрицательного отношения Чернышев-

³² «Кто взглянет на труп человека, или на застреленного зайца, или на зарезанную курицу, не останавливаясь скажет, что здесь суть тела мертвые. Почему? потому, что они перестали жить, лишились жизни. Следовательно, смерть лишает животное жизни, и мертвое тело есть отрицание живого, или нечто противоположное живому телу» (стр. 9 книги Берви).

ского к личности и творчеству Гончарова³³ является веским аргументом, подтверждающим, что пародия направлена против художественной манеры автора «Обломова».

Но, пожалуй, самым излюбленным сатирическим приемом поэтики у революционных демократов был, говоря языком математики, прием «обратного знака»: отрицательные явления иронически восхвалялись и, наоборот, положительные — «разносились», поэтому в таких случаях похвалу нужно было считать хулой, хулу — хвалой.

Еще в студенческие годы (вероятно, в 1856 г.) Добролюбов написал сочинение «Очерк направления иезуитского ордена» (причем подал его официально профессору Вышнеградскому!), где впервые применил этот прием. Добролюбов «доказывает», что сугубая субординация, чинопочитание, полное подчинение младших воле старших, лицемерие и шпионство, поповское мракобесие, ненависть к «светским» наукам — все эти черты иезуитского ордена отнюдь не отвратительны, если на них смотреть с точки зрения «благоустроенного государства». Добролюбов явно намекает, что в современной России официальная мораль ничем не отличается от иезуитской, следовательно, идеалы и действия ордена заслуживают высшей похвалы. И все сочинение написано в таком тоне. Профессор Вышнеградский, которому, по-видимому, принадлежат пометки на полях рукописи сочинения, понял иронический смысл, оставляя замечания: «Хороша мораль», «Что за предательские софизмы» (см. 1, 662).

Не исключена вероятность, что Добролюбов знал об этом приеме по статьям Белинского и Сенковского.³⁴ Возможно также, что сочинение об иезуитах писалось уже после появления известной рецензии Чернышевского на «Стихотворения» графини Раstopчиной, о которой речь будет ниже. Во всяком случае, одна из первых печатных статей Добролюбова — рецензия на официальные документы Главного Педагогического института — была написана по способу «обратного знака» под прямым влиянием рецензии Чернышевского, о чем сам Добролюбов сообщал 1 августа 1856 г. в письме Н. П. Турчанинову: «В «Современнике» пропущена уже

³³ Такое отношение объясняется в первую очередь принадлежностью Гончарова к либеральному лагерю. Поэтому отзывы Чернышевского очень резки: «даже те, которые не любят его (Белинского — Б. Е.) (. .), не имеют сказать о нем ничего, кроме похвал (исключение остается за Булгариным, Дружининым и Гончаровым)» (14, 320). Или еще резче: «Это все равно, что Дружинина упрекать в пылкости или Гончарова в избытке благородства» (14, 324).

В связи с этим Чернышевский ошибочно недооценивал роман «Обломов»: «автор не понимал смысла картин, которые изображал» (13, 872). Или такой отзыв: «Я до сих пор прочел полторы из четырех частей «Обломова» и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, — разве опять примусь за рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом» (1, 634).

³⁴ Влияние Белинского на Добролюбова — настолько большая тема, что мы посвятим ей специальную работу. О Сенковском см. ниже.

статейка о нашем последнем акте, наполненная самыми злокачественными выписками из него. Написана она в таком духе, как например статья о стихотворениях Ростоичиной». Комментируя этот отрывок из письма Добролюбова, Чернышевский поясняет: «Сходство между статьями состояло в том, что резкая насмешка в обеих прикрыта формой утрированной похвалы».³⁵

Этот прием Добролюбов часто употребляет в зрелых статьях, особенно, когда по цензурным условиям нельзя было прямо передать свое отношение к объекту. Добролюбов так, например, характеризует самодержавный строй: «Россия, напротив того, государство благоустроенное, в ней, как известно всем и каждому, существуют мудрые законы, охраняющие права граждан и определяющие их обязанности, в ней царствует правосудие, процветает благодетельная гласность» (2, 652).

Правда, цензор понял истинный смысл и вычеркнул в корректуре статьи слова «как известно всем и каждому», «мудрые», «процветает» (см. 2, 240а), тем самым нейтрализовав иронию. Впрочем, до конца иронию вытравить не удалось, она звучала и в таком урезанном виде.

В других случаях Добролюбов применяет противоположный метод: отрицательно отзываясь о положительных явлениях. Например, в его статье «Мысли об учреждении открытых женских школ» проводится взгляд, в корне противоположный известным суждениям революционных демократов по женскому вопросу: «Ну, к чему девочкам образование, скажите на милость. К чему? Какую практическую пользу они могут извлечь из наук, которыми их обучают? На государственной службе они ведь не состоят, а если и состоят, так чинов не получают, звание и положение в обществе они имеют не сами собой, а отцом или мужем. Карьера же их известно, чем составляется, — хорошеньким личиком, французскими разговорами, танцами, а всего больше приданым. К чему же их мучат этими науками-то несносными?» (3, 79). Все эти мысли — явная издевка над реакционными «домостроевскими» взглядами на роль женщины в обществе и семье.

Прием «обратного знака» был особенно эффектным, когда критик под маской «наивности» приписывал рецензируемому автору прямо противоположные мысли. Этот прием был использован еще Белинским. Например, рецензируя бездарный роман эпигона романтизма П. Каменского «Искатель сильных ощущений» (см. III, 357), он представляет героя, Павлика Энского, не как образчик достоинств (что желал показать автор романа), а как «настоящего Хлестакова»: якобы Каменский не прославляет героя, а создал сатирический роман против «пустоголовых господ с вычурными фразами». Прием этот был настолько нов, что некоторые читатели приняли иронию за «чистую монету». Белинский писал В. П. Боткину (3. II. 1840): «Представь себе, что двое литераторов приняли мою ругательную, наглую статью за преуве-

³⁵ Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М., 1890, стр. 314.

личенную похвалу и наглую лесть Каменскому» (XI, 438). Дело в том, что Каменский был зятем влиятельного Ф. Толстого (вице-президента Академии художеств), и Белинскому, естественно, было больно, что его ирония принята за лесть «сильным мира сего».

Прием «обратного знака» использовал затем Чернышевский в рецензии «Стихотворения графини Ростопчиной» (1856). Он делает вид, что принял хвалебное изображение Ростопчиной ее великосветских героев и героинь за сатиру на общество тунеядцев и болванов, и поэтому расточает ей неумеренные комплименты. Подобно Белинскому, Чернышевский свое ироническое отношение к лирическим героям Ростопчиной приписывает самому автору, и это делает иронию особенно ядовитой: «хотя вымышленная личность (лирическая героиня — Б. Е.) очень много говорит о пылкости своей натуры, о зное страстей, о кипении чувств, о пламенной любви, но так как она, какова бы ни была ее натура, пресыщена развлечениями и наслаждениями, то вместо пылкости везде видна вялость, неразлучная спутница пресыщения (. .) Поэтому-то общий колорит стихотворений чрезвычайно удовлетворяет художественным условиям соответствия формы идее: он сух, эгоистичен, экзальтирован и холоден (. .) По художественному достоинству, состоящему в этом полном соответствии формы с идеею, в графине Ростопчиной должен быть признан талант необыкновенный» (3, 467—468).

Рецензируя полтора года спустя роман Ростопчиной «У пристани», Добролюбов повторил тот же самый прием. Вскрыв всю ничтожность героев романа, критик заканчивает рецензию: «Могут подумать, судя по тону изложения, что автор серьезно считает свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, без сомнения, очень грустно для автора, и потому мы думаем, что, решившись на такой подробный разбор романа, оказываем автору услугу, ставя читателей на настоящую точку зрения» (1, 295).

Совершенно в таком же роде написаны рецензии Добролюбова на комедию Н. Львова «Предубеждение» (1, 390—406), на «Правду в стихах и прозе» Гр. Надхина (3, 392) и др. Иронический характер этих статей у современников не вызывал уже никаких сомнений,³⁶ все понимали их истинный смысл, авторы были

³⁶ Лишь в начальный период деятельности Чернышевского и Добролюбова имели место недоразумения. Например, товарищ студенческих лет Добролюбова А. П. Златовратский принял за панегирик иронию Добролюбова в статье «Деревенская жизнь помещика в старые годы» (Современник, 1858, № 3). См. об этом «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», т. I, М., 1890, стр. 439. Показательно, что и цензоры вначале не слишком разбирались в иронии. Добролюбов в письме к Н. П. Турчанинову от 1 августа 1856 г., где он сообщил о пропуске в цензуре статьи о Педагогическом институте, добавил, что цензор Бекетов совсем не понял смысла статьи (см. «Материалы . . .», стр. 314). Однако в 1860 г. цензор (Рахманинов) уже не пропустил прием «обратного знака» при характеристике Добролюбовым России в статье «Когда же придет настоящий день?»

очень задеты за «живое» (выше говорилось о злобных пасквилях Львова, которыми он ответил на добролюбовскую критику). Более того, ирония в «Современнике» стала настолько обычным явлением, что в отдельных случаях революционным демократам нужно было опасаться, как бы прямой текст не был принят за иронию! В рукописи рецензии на «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина Чернышевский детально доказывал мысль о том, что все пороки щедринских подъячих объясняются не их личными преступными наклонностями, а средой, обстоятельствами жизни, что многие подъячие сами по себе были хорошими и порядочными людьми. А затем Чернышевский прибавил: «Мы опасаемся одного. Наша публика имеет наклонность находить иронический и тонкий смысл в том, что говорится совершенно прямо. Быть может, кому-нибудь вздумается полагать, что мы шутим, защищая личность подъячего прошлых времен. Шутка эта была бы очень плоска. Мы говорили совершенно прямо и просто, употребляя все слова в прямом их смысле» (4, 278—279). Впрочем, Чернышевский убрал этот отрывок из журнального текста статьи, вероятно, решив, что передовой читатель не нуждался в дополнительных указаниях.

Для советского читателя, уже имеющего понятие об иронии и пародии Салтыкова-Щедрина, классиков марксизма-ленинизма, описанные факты не представляются чем-то выдающимся. Их значение можно понять лишь на фоне тогдашней журналистики. Ведь большинство журнальных критиков совершенно не использовало сатирических приемов для развенчания реакционных или халтурных произведений. Это относится даже к сотрудникам «Современника». На полном «серьезе» строил свои статьи А. Пыпин, как бы они ни были разносными. Уничтожающая рецензия на «Историю русской словесности» С. Шевырева (Современник, 1860, № 10), принадлежащая Г. З. Елисееву (указано В. Э. Боградом), написана без единой «улыбки». В большинстве случаев «серьезность» статей объясняется «осторожностью», половинчатостью идейной позиции критика, боязнью «гусей раздражить», иногда — установкой на «поучение» автору. Так, Львов в рецензии «Несколько слов о комедии «Чиновник», которая (рецензия) написана в виде письма чиновника, на протяжении нескольких страниц нудно пытается «увещевать» автора, графа Соллогуба.³⁷ Архисерьезный разбор настоящей чепухи ставит рецензента в очень невыгодное положение, статья сама превращается в «чепуху».

Некоторые же авторы пытались «острить» в полемике, но проявили полную бездарность. К. Кавелин опубликовал в «Совре-

³⁷ Современник, 1856, № 6. Рецензия одно время приписывалась Некрасову (см. «Литературное наследство», № 49/50, стр. 231, 291—298). Убедительное доказательство авторства Н. Львова см. в комментариях М. М. Гинна (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, М., 1950, стр. 747).

меннике» антикритику на возражения Лохвицкого (по поводу речи Кавелина в Петербургском университете) из «Отечественных записок». В заключение статьи Кавелин явно пытается «связать»: «Г Лохвицкий похоронил меня, справил над моей могилой тризну и написал эпитафию. Но плохие критики и ругательства никого не укладывают в гроб прочным образом. После них мертвые иногда возвращаются на свет божий».³⁸ Тем самым Кавелин сам себя похоронил, хотя бы и временно!

В этом отношении значительно отличалась от других журналов «Библиотека для чтения», где большинство рецензий писал сам Сенковский, талантливый и остроумный критик. Ирония, каламбур, смех не сходили со страниц «Литературной летописи» этого журнала. Приведем несколько примеров:

Приговор в рецензии на бездарный роман Р Зотова «Цын-Киу-Тонг»: «Действие происходит в самом сердце Китая, который господин Зотов знает как нельзя лучше. Он глубоко изучил его в балете «Киа-Кинг» и на множестве чайных ящиков».³⁹

Заключение отзыва на брошюру Ротшильда «Искусство наживать деньги»: «Поблагодарим же от всей души человеколюбивого Ротшильда за его советы, которые, впрочем, доступны только для богатых, потому что продаются за деньги, да еще и наличные. Но вспомнив, как сам же автор рекомендует тщательное сбережение денег, не советуем вам тратить на то, что не может принести вам ни малейшей пользы».⁴⁰

Отзыв о Булгарине: «четыре новые тома полного собрания «Сочинений Ф. В. Булгарина» четыре финские залива соли, юмора, остроты».⁴¹

О баснописце К. Масальском: «баснословный талант Константина Петровича».⁴²

Примеры можно было бы умножить в несколько раз. Несомненно, что Белинский, а позднее Чернышевский и Добролюбов в какой-то степени учились у Сенковского искусству полемики и критики. Никто до Сенковского так умело и широко не пользовался приемом «биения врага его же оружием», приемом «обратного знака» и т. д.

Однако учеба эта была очень ограничена. Дело в том, что Сенковский свой талант полемиста использовал отнюдь не в прогрессивных целях. О своем понимании задач критики он откровенно сказал однажды в «Литературной летописи»: «Да разве в нашем веке (. .) возможна какая-нибудь другая критика, кроме той прелестной беседы, в которой между добрыми друзьями так приятно сливаются в одну болтовню, в одно наслаждение погода, актриса, шутка, новая книга и другие пустяки?»⁴³

³⁸ Современник, 1861, № 2, стр. 234.

³⁹ Библиотека для чтения, 1841, № 1, стр. 7.

⁴⁰ Там же, 1849, № 5, стр. 18.

⁴¹ Там же, 1843, № 1, стр. 7.

⁴² Там же, 1851, № 1, стр. 4.

⁴³ Там же, 1841, № 4, стр. 16.

Установка на развлекательность, полнейшая беспринципность, глубокий скепсис приводили к тому, что если речь шла о реакционных или бездарных сочинениях, то ядовитые рецензии Сенковского имели объективно прогрессивный смысл (хотя часто Сенковский уделял «разносу» какой-либо пустенькой книжонки непропорционально много места⁴⁴). Но — увы — значительно чаще ирония была направлена на объект отнюдь не смешной. Например, в самый разгар холерной эпидемии в Петербурге в «Библиотеке для чтения» «рецензировалось» «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии». Рецензия начиналась так: «Когда солнце покрыто траурным крепом, когда страшная болезнь косит цвет жизни человеческой и из земли быстро вырастают новые могилы, о могилах только и можно говорить»⁴⁵ — и далее на 16 страницах «расписывались» достоинства и недостатки сочинения.⁴⁶

С ожесточением нападал Сенковский на Гоголя, Тургенева, Белинского, на «натуральную школу». При этом, естественно, талант его мельчал, тускнел, лишался свежести и яркости. Различный характер юмора можно проследить даже в пределах одного номера журнала. Выше говорилось о рецензии Сенковского на халтурный роман Р. Зотова «Цын-Киу-Тонг»: вся рецензия остроумна и занимательна. Вслед за этим следует оценка «Пана Халывского» Квитко-Основьяненко — произведения гоголевской школы, следовательно, оценка отрицательная. Но отрицание прогрессивного никакой талант не сделает остроумным: критика превращается в крохоборчество, в придирки по мелочам, в старческое брюзжание.

Поэтому критикам демократического лагеря приходилось и учиться, и одновременно отталкиваться от Сенковского.⁴⁷ Рассмотрим это на одном примере. Выше говорилось о приеме «обратного знака» и о рецензиях Чернышевского и Добролюбова на сочинения графини Ростопчиной. Не исключена вероятность, что

⁴⁴ Рецензия на стихотворения М. Демидова — 8,5 стр. (1842, № 10) на стихи Элизы О-в — 11, 5 стр. (1842, № 11), на «Аристократку» Л. Брандта — 10 стр. (1843, № 3), на «И. М. Прямыков» Бурсака — 12 стр. (1848, № 12) и т. д.

⁴⁵ Библиотека для чтения, 1848, № 8, стр. 1.

⁴⁶ Интересно отметить, что современники, хорошо знавшие скептическую манеру письма Сенковского, не верили ему даже тогда, когда он искренне давал высокую оценку произведению, видели в этом иронию. П. А. Вяземский, например, писал И. И. Дмитриеву по поводу похвал Сенковского в адрес Кукольника: «не на смех ли он его так расхваливает?» (Русский архив, 1868, № 4—5, стр. 637).

⁴⁷ В корне неправ Тургенев, который в «Воспоминаниях о Белинском», написанных в период вражды автора с редакцией «Современника» (1869), пытался противопоставить Белинского Чернышевскому и Добролюбову на том основании, что последние якобы заимствовали у Сенковского легкомысленное «свистание» и «зубоскальство». В свое время против такой точки зрения решительно выступил М. А. Антонович (см. «Шестидесятые годы». М.—Л., «Academia», 1933, стр. 72—73).

они учли рецензию Сенковского на драму Ростопчиной «Нелюдимка», где впервые по отношению к писательнице был использован такой прием: «Полно, не смеется ли сам автор над своею героинею Зоей, представляя нелюдимку такой великой женщиной и презрение ее к людям таким подвигом прекрасной души? У тонких умов между хвалой и порицанием такой неуловимый оттенок! (. .) если бы это кажущееся величие Зои было только иронией над нелюдимостью, как в «Мизантропе» Мольера, нет сомнения, что драма приобрела бы новое и весьма высокое достоинство».⁴⁸

Но насколько при этом рецензии Чернышевского и Добролюбова изящнее и тоньше! Ирония в них так скрыта, что внешне «придаться» совершенно невозможно: льется яд, всем он виден, но доказать это, так сказать, юридически — немыслимо. У Сенковского ирония настолько обнажена, что с первой строчки «бьет в лоб»: «Ах! эти мужчины, мужчины! что это за пол! что за неблагородная порода! С тех пор, как стал я читать женские книги, (. .) я удивительно просветился на мой счет (. .). Я теперь ясно вижу, что мы, мужчины, никуда не годимся (. .) такие эгоисты, мучители, губители настоящие носороги!» (стр. 13).

И далее следует довольно грубая издевка над драмой Ростопчиной. Вот образец «остроумия» по поводу тирады героини о презрении к людям: «Это ужасно. Несчастная Зоя! Эта несравненная девушка совершенно лишилась самолюбия. Я уверен, что у нее болит левый бок. Она очевидно страдает ипохондрией (. .) От такого страшного презрения ко всем она должна непременно лечиться сывороткой. Удивительное средство! Я видел примеры, что в две недели сыворотка восстанавливала уважение к людям» (стр. 19)

Чем дальше, тем более грубела и опошлялась критика Сенковского. В период работы в «Современнике» Чернышевского и Добролюбова Сенковский уже фактически перестал сотрудничать в «Библиотеке» и дошел до предела пошлости: писал бульварные, зубоскальные фельетоны в уличных листках, шедших на потребу приказчиков и полицейских.

Критика, идущая из таких изданий в адрес демократических идеологов, никакому серьезному разбору, конечно, не подлежит. «Солидные» же либеральные издания как уже говорилось выше, сравнительно редко использовали сатиру. Впрочем, точности ради следует сказать, что либеральные журналисты иногда стремились в борьбе с «Современником» использовать насмешку, иронию, ядовитую «шпильку». Но эти шпильки были весьма грубыми, топорными: «Фауст» Тургенева «своей прелестью и поэзией, свежестью и, так сказать, пахучестью красок, подействовал даже на тех людей, у которых совершенно отрублен нос на понимание эстетических произведений»;⁴⁹ «В тех статьях г. Чернышевского, кото-

⁴⁸ Библиотека для чтения, 1850, стр. 36—37.

⁴⁹ Библиотека для чтения, 1857, № 2, стр. 69. Рецензия некоего «К». на «Переселенцы» Григоровича.

рые разбирает г. Юркевич, доказывалось очень убедительно, что характер ощущений зависит от характера пищи (.) может быть, также и характер мнений? Любопытно было бы знать, что кушал г. Чернышевский в последнее время?»⁵⁰

Анонимный обозреватель «Библиотеки для чтения» (отдел «Журналистика») в бессильной злобе на передовую литературу дошел до глумления над одним из лучших стихотворений Некрасова — «Больница»: «господин Некрасов, которого стихотворения опять почему-то появились в «Современнике», ведет вас в больницу. — Зачем, спрашиваете вы? Мы, читатели, здоровы. Лечите лучше своих поэтов .»⁵¹ Некрасов в «Заметках о журналах» справедливо назвал это «критическим растлением».⁵²

Единственный журнал, который сохранял в 1855—1861 гг. «солидность», «серьезность», — «Отечественные записки», да и тот не выдержал. В февральской книжке за 1861 г. впервые в этом журнале появилась «не-академическая» рецензия (анонимная, на «Курс истории поэзии» А. Липниченко), которая, как бы компенсируя многолетнюю выдержанность журнала, была написана в совершенно гаерском тоне: «Вместо эстетики теперь господствует безраздельно одна история литературы, и эстетические определения родов и видов поэзии к ней пришиваются, как пуговицы к сюртуку; иначе не застегнешься, то-есть, не соберешь воедино всех плодов истории литературы» (стр. 99) — и далее на нескольких страницах следует шутовское кривлянье над стихотворением Некрасова «Где твое личико смуглое». Попытки «острить», смеяться над прогрессивными явлениями, естественно, приводили к гаерству, глумлению. Низкий уровень критики усугубляется еще отсутствием таланта (рецензенты даже никудышным книжонкам не умели дать уничтожающую оценку).

Пожалуй, единственным критиком в среде либеральных журналистов, кому более или менее удавалось удачно употреблять иронию при оценке истинно халтурных произведений, был П. Вейнберг, рецензент «Библиотеки для чтения» (см., например, его рецензии «Лизанька, соч. П. Арапова», «Стихотворения для детей, соч. Б. Федорова», «Наташа Подгорич, роман М. Воскресенского»⁵³ и др.). Но Вейнберг, в отличие от Чернышевского и Добролюбова, не всегда выдерживал иронический тон до конца. Например, рецензия на «Стихотворения» Б. Федорова начинается по принципу «обратного знака» — стихи утрированно восхваляются, но затем вдруг дается прямая оценка: «А теперь я читаю стихи г. Федорова и нахожу их скучными, вялыми, даже — представьте мое варварство — почти лишенными здравого смысла».⁵⁴ Далее

⁵⁰ Русский вестник, 1861, № 6, стр. 155—156. Редакционная статья «По поводу «Полемиических красот» в «Современнике»».

⁵¹ Библиотека для чтения, 1855, № 11, стр. 2.

⁵² Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, М., 1950, стр. 355.

⁵³ Библиотека для чтения, 1858, №№ 7, 9, 10.

⁵⁴ Библиотека для чтения, 1858, № 9, стр. 28—29.

снова следует ирония, а в заключение — вторичный возврат к прямой оценке (детям советуется не покупать стихи Б. Федорова). П. Вейнберг как бы не доверяет читателю в его сообразительности и поминутно напоминает оценкой «в лоб», что неумеренное восхваление — ироническое. Это, естественно, снижает «ядовитость» иронии.

Между прочим, и сотрудникам «Современника», соратникам Чернышевского и Добролюбова был свойственен этот недостаток. Например, анонимный рецензент сочинения А. Ващенко-Захарченко «Мемуары о дядюшках и тетушках» начинает статью со знакомого нам «зачина» — с утрированной похвалы: «А. Е. Ващенко-Захарченко уже приобрел себе в русской литературе известность как продолжатель «Мертвых душ» Гоголя. Из лежащего перед нами нового сочинения г. Ващенко-Захарченко мы видим, что талант его с каждым годом растет и крепнет все более и более». Но затем идет мгновенный переход на прямую оценку: «В русской литературе мы не знаем никого, кто бы умел нагонять на читателя скуку, тоску, даже уныние с таким искусством, с каким это делает почтеннейший А. Е. Ващенко-Захарченко () Он довел искусство писать галиматью до гениальной простоты». ⁵⁵ И далее следует уже серьезный «разнос». Впрочем, в данном случае серьезность в критике «галиматии» может быть объяснена особыми причинами: вслед за этой рецензией разбирается книга Д. Зоркина «О плутнях карточной игры» (автор которой с наивной «скромностью» сообщал, что поставил целью жизни борьбу с шулерством и ради открытия жульнических секретов истратил почти все свое состояние, но зато «осчастливил» человечество данным сочинением), и рецензия на эту книгу полностью написана по принципу «обратного знака». В таком случае серьезность первой рецензии могла иметь целью разнообразие оценок (возможно, что обе рецензии принадлежат одному автору). Но показательно, что в подавляющем большинстве случаев рецензенты не выдерживают иронии до конца и тем или другим способом дают прямо знать об истинной оценке произведения, как бы не доверяя наглядности своей иронии. В ноябрьской книжке «Современника» за 1860 г. опубликованы две анонимные иронические рецензии (автор — М. Л. Михайлов; указано В. Э. Боградом): на «Месяцеслов на 1861 год» и на «Песни и думы из Гейне, переводы в стихах А. Мантейфеля». В обеих рецензиях ирония была понятна даже ограниченному читателю, хотя бы по безоговорочному восхвалению скомпрометированных в литературе имен: в первом случае — Булгарина (стр. 102), во втором — Бенедиктова и Розенгейма (стр. 106). Но автор постоянно, при всяком удобном случае, сообщает о своем истинном мнении, а вторая рецензия ради этого даже заканчивается весьма грубоватой шуткой. Ман-

⁵⁵ Современник, 1860, № 9, стр. 111. Рецензент — Г. З. Елисеев (указано В. Э. Боградом).

тейфель, говорит критик, искажил в переводе смысл стихов Гейне, как будто эти стихи сочинил не сам поэт, а его друг, которого Гейне изобразил в «Италии» (Гумпель), «да и то не в нормальном состоянии, а именно в ту пресловутую ночь, как его пригласили на любовное свидание, а он царапнул перед тем стакан глауберовой соли» (стр. 106).

Значительно ближе к Чернышевскому и Добролюбову (по умению широко и последовательно употреблять иронию в критике) стоит М. Антонович, один из самых боевых и «задиристых» соратников революционных демократов. Впрочем, некоторая путаница во взглядах у Антоновича частично снижала ценность его иронии. Характерно, что иронический «разнос» материализма в его статье «Современная философия» («Современник», 1861, № 2) был принят редакцией «Русского вестника» за чистую монету.⁵⁶ И Антоновичу тоже иногда было свойственно не доверять силе своей иронии и поэтому переходить к прямым оценкам. В статье «О гегелевской философии» Антонович утрированно, явно иронически «разносит» рецензируемую книгу Р. Гайма «Гегель и его время», пародируя выпады реакционных журналов против «Современника»: «А что же такое, наконец, сам Гайм? Да он, как вы уже и догадываетесь, сущий невежда, и книга его о Гегеле служит ясным доказательством, что и в немецкой литературе, точно также, как и в нашей, быстро распространяется крайнее невежество. Авторитетов он не уважает нисколько; даже авторитет самого Гегеля...»⁵⁷ и т. д. Вполне ясно, что под ироническим уничижением кроется одобрение, но Антонович не удовлетворен этим и в заключение поясняет: «Читатели, быть может, подумают, что мы намерены оспаривать приведенные нами мнения Гайма ()» Напротив, мы разделяем приведенные мысли Гайма».⁵⁸

Добролюбов еще в студенческие годы написал статью «Нечто о дидактизме в повестях и романах», где тонко подметил: дидактические обращения к читателю показывают неуважение к нему и в очень невыгодном свете представляют автора, так как подобные обращения равносильны тому, что если бы актер, должествующий по ходу действия говорить нетвердым голосом, сообщил бы публике: «Не подумайте, гг., чтобы я не знал роли; нет это я нарочно произнес так, чтобы показать нетвердость моего решения» (I, 538). Многие сотрудники «Современника» фактически превращались в такого актера, беспрестанно перебивая иронический текст «разъясняющими» замечаниями. На этом фоне очень ярко выделяются полемические таланты Чернышевского и Добролюбова.

⁵⁶ См. анонимную статью «Старые боги и новые боги» (Русский вестник, 1861, № 2).

⁵⁷ Современник, 1861, № 8, стр. 231.

⁵⁸ Там же, стр. 236—237. Антонович слишком преувеличивал значение умеренного Гайма, критиковавшего Гегеля с позитивистских позиций.

Однако «Современнику» было доступно полемизировать далеко не по всем вопросам. Лишь только критика касалась основ существующего строя, царская цензура беспощадно вырывала куски, запрещала целиком статьи, романы и даже целые номера журнала. Поэтому революционным демократам пришлось прибегнуть к массовому применению различного рода «эзоповых» приемов, т. е. иносказательных выражений той или другой «запретной» мысли. Как никогда до тех пор в России, «Современнику» приходилось использовать «эзопов» язык, и сотрудники выработали много особых приемов и оборотов, дающих возможность донести до читателя сущность идеи во всей ее силе. В этом плане уже было рассмотрено значение эпиграфа.⁵⁹ Выше мы столкнулись и с другим таким приемом — с иронией. Ведь с помощью завуалированной иронии можно было показать свое истинное отношение к целому ряду явлений, отношение, которое по цензурным обстоятельствам не могло быть выражено прямо. Так, говоря о России, как о «благоустроенном государстве», где «существуют мудрые законы», «в виде стада никого не гоняют», Добролюбов имел в виду совершенно противоположное: беззаконие в стране, бесправие народа. Ироническое восхваление отрицательных явлений (и, наоборот, ироническое уничижение положительных) являлось, таким образом, особым «эзоповым» приемом. Добролюбов писал С. Славутинскому: «чтобы ваши труды не пропадали в цензуре, необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру».⁶⁰

Однажды Добролюбову пришлось из-за цензуры указать на другую причину ради более острой критики следствия. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» он рассматривает былинный образ князя Владимира как тип владыки, «недоступного для народа», «не имеющего другого дела, кроме пиров и веселья», пренебрежительно отнесшегося к вести о нападении врагов, а затем пресмыкающегося перед завоевателями и т. п. (I, 220—221) Но для того, чтобы цензура пропустила такое описание образа князя, Добролюбов был вынужден назвать в качестве источника не народное мнение, а идеи «книжников» — средневекового духовенства, — которые якобы принесли в народ подобное отношение к князю (см. I, 221). В действительности Добролюбов думал совершенно иначе. В тетрадах Н. А. Татариновой рукою Добролюбова вписаны такие фразы о былинном Владимире: «народ не питал особенного уважения к этому князю, в котором представляется вообще олицетворение княжеской вла-

⁵⁹ См. Б. Егоров, О форме литературно-критических статей Н. А. Добролюбова (Ученые записки Тартуского университета, в. 43, 1956).

⁶⁰ Сборник «Огни», кн. I, Петроград, 1916, стр. 77.

сти», «народ не считал своего князя достойным уважения (). обличая его в трусости, ничтожности, корыстолюбии».⁶¹ Но если бы Добролюбов создателем былинного образа князя назвал народ, то ему не удалось бы в подцензурной статье охарактеризовать всю резкость народных суждений о князе Владимире. Разумеется, подобный прием (указание другой причины) мог применяться в исключительных случаях.

Обычно революционные демократы, когда нужно было подвергнуть критике государственный строй России или какие-либо официальные институты, прибегали к такому приему: переносили действие в другую страну.⁶² Так, для критики самодержавного строя в России служило разоблачение Австрийской монархии. Не имея возможности вскрыть всю реакционную сущность русского либерализма, Добролюбов дает подробную характеристику известному итальянскому либералу Кавуру. Или возьмем такой характерный пример. Добролюбов пытался вначале прямо сказать об отрицательном отношении народа к духовенству. В статье «Заграничные прения о положении русского духовенства» (1860) он писал: «А общее понятие о духовенстве давно уже составлено в нашем обществе, и, если спросить по совести кого угодно из духовных, каждый, конечно, сознается, что понятие это далеко не в их пользу (. .) Стоит послушать сказки народа и заметить, какая там роль дается «по п у, по па д ь е, по по в ой д о ч е р и и по по в у р а б о т н и к у», стоит припомнить названия, которыми чествят в народе «поповскую породу», чтобы понять, что тут уважения никакого не сохранилось» (4, 243). Заклучив в кавычки подчеркнутую нами фразу, Добролюбов хотел напомнить читателям о заветах Белинского в письме к Гоголю, находившемся под строжайшим запретом цензуры. Но последняя поняла этот смелый маневр, и весь цитированный отрывок был исключен из журнального текста.

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов весьма осторожно сказал о равнодушии народа к религии, и все равно цензура вычеркнула эти строки (1, 217). Он смог об этом заявить прямо лишь тогда, когда внешне его статья («Непостижимая странность») была направлена против католической церкви: «религия была () постоянно в союзе с королевской властью () служители религии, имея огромное влияние, располагали народ не к нововведениям и самовольству, а к послушанию, самоотвержению и сохранению утвержденных порядков и обычаев. Консерватизм религиозный неразлучно связывался с консерватизмом политическим» (5, 30)

Иногда революционные демократы прибегали к приему «внешнего объективизма»: давалось «голое» изложение фактов без ком-

⁶¹ ЦГАЛИ. ф. 496, оп. I, № 28, лл. 23, 24 об.

⁶² Ср. у Некрасова: «Переносится действие в Пизу — И спасен много-томный роман». («Газетная», 1865 г.).

ментариев. Добролюбов учил этому приему С. Славутинского: «Все, что вы похвалите — пропустят, как бы это ни было прилично, а замечания даже самые скромные о дурных сторонах зачеркнут, и выйдет сплошное восхваление. Гораздо лучше будет группировать вопиющие факты так, чтобы из одного сопоставления их видно было, в чем дело».⁶³

В качестве примера использования самим Добролюбовым «внешнего объективизма» можно назвать его «Внутреннее обозрение» в августовском номере «Современника» за 1861 г. Лишь в начале автор заявил о своих «осенних» настроениях, а затем на протяжении многих страниц «группирует», факт за фактом, свидетельства тяжелой картины русской жизни летом 1861 года, но выводы предоставляет сделать читателям: «А где же внутренние обозрения? Что произошло замечательного в эти месяцы? Так и не будет об этом ничего? Об этом так ничего и не будет, читатели» (5, 238).⁶⁴

Итак, своеобразным «эзоповым» приемом была и «фигура умолчания»: когда нельзя было дать настоящую оценку явлению, то молчание о нем являлось весьма явным признаком отрицательного отношения к нему, если это явление прославлялось официальными органами. В данном случае, вопреки известной половице, молчание оказывалось знаком несогласия. Так, на выход в свет царского манифеста 19 февраля об «освобождении» крестьян «Современник» не отозвался ни единой заметкой. «Не удивительно, — писал Ленин, — что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания».⁶⁵

В ряде случаев революционные демократы по цензурным причинам использовали прием отсылки к первоисточнику, не цитируя «опасный» текст. Анализируя сочинения Пушкина, Добролюбов останавливается на статье Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»: «Жаль только, что «настоящий Выжигин», обещанный Пушкиным в конце статьи о мизинчике, — не появился в свет. Там, вероятно, интересны были бы в литературном отношении многие главы, особенно VIII и XV» (1, 317). Далее Добролюбов переходит к другим вопросам, так и не объяснив, почему ему «в литературном отношении» интересны главы VIII и XV? Обращаясь к пушкинскому тексту, читатель понимал, что эти главы привлекли внимание критика неспроста. Показывая

⁶³ Сборник «Огни», кн. I, Петроград, 1916, стр. 77.

⁶⁴ Этот пример приведен в книге К. Чуковского «Мастерство Некрасова», М., 1952 (глава «Эзопова речь» в творчестве Некрасова). Здесь же освещены и другие факты из области «эзопова» языка революционных демократов. См. также А. Ф. Ефремов. «Приемы эзоповской речи в произведениях Н. Г. Чернышевского», («Ученые записки Саратовского пед. ин-та», в. XVII, 1955), и Б. И. Лазерсон «Способы подцензурной иносказательности в публицистике Чернышевского», Саратов, 1956 (автореферат).

⁶⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 395.

гнусную роль Выжигина-Булгарина, Пушкин именно в этих главах намекает на связь Булгарина с III отделением: «Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш». «Глава XV (. .) Выжигин (. .) пишет пасквилы и доносы».⁶⁶ Когда Добролюбов писал рецензию на сочинения Пушкина (1858), Булгарин был еще жив и «активно» содействовал всему реакционному, гнусному в жизни России. Но дело, конечно, не в личности Булгарина. Цитируя Пушкина, Добролюбов намекал на булгариных вообще, — шпионов, агентов самодержавия и проходимцев, продажных журналистов.

Развенчание противника занимало значительное место в революционно-демократической критике. Но еще более существенным и важным было выразить позитивную программу, передать на страницах журнала передовые идеи эпохи. Однако вся беда была в том, что передовые идеи эпохи явно противоречили тому направлению, по которому хотели вести Россию правительство и его идеологи в прессе. Если «Современнику» полемизировать можно было далеко не по всем вопросам, то тем большие трудности возникали, когда речь заходила о положительной программе. И здесь снова приходилось прибегать к «эзоповым» приемам, из которых самым удобным была аллегория.

В статье «Что такое обломовщина?» Добролюбов с помощью аллегории описывает положение в России обломовцев (т. е. либерального дворянства): когда-то они шли впереди людей, прокладывая дорогу через чащи и болота (самодержавная Россия); чтобы увидеть путь, обломовцы залезли на деревья; там им стало хорошо и удобно; тогда люди не стали их ждать, сами начали расчищать путь в лесу и болоте; при этом деревья, на которых восседают обломовцы, будут подсечены и свалены, обломовцы погибнут: единственный выход — «слезть с дерева и приняться за работу вместе с другими», но обломовцы не способны на этот шаг (см. 2, 26—27). Добролюбов, таким образом, весьма прозрачно намекает на дальнейшие судьбы страны: народ не потерпит тунеядцев, их ждет гибель.

В статью «Когда же придет настоящий день?» критик вводит известную аллгорию с ящиком: если сидеть в ящике, то невероятных усилий потребуются, чтобы сдвинуть его с места; если же подойти к пустому ящику со стороны, то столкнуть его не так уж трудно. Болгария поработщена иноземными завоевателями — турками, следовательно, Инсарову и его соратникам приходится толкать ящик со стороны. Русские же «Инсаровы» оказываются в положении сидящих в самом ящике: им нужно выступать против своих же соотечественников и часто даже против того же «дерева», на котором сам вырос (2, 229—230). Таким образом Добролюбов показывал всю трудность предстоящей борьбы в России. Но — самое главное — вопреки тургеневской идее о не-

⁶⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 тт., М., 1949, т. 7, стр. 260—261.

обходимости классового мира в стране, Добролюбов призывает бороться за народное счастье против порабощителей, если они даже и соотечественники. Разумеется, далеко не всякая аллегория попадала в журнал. Если первая аллегория (об обломовцах) увидела свет, то картина с ящиком была запрещена цензурой и при жизни Добролюбова в печати не появилась.

В дополнение к аллегориям революционные демократы выработали специальный «эзопов» лексикон, с помощью которого можно было «изъясняться» о запретных вещах в подцензурной печати. Так, вместо термина «революция» Добролюбов употреблял выражения: «коренное изменение отношений», «радикальное лечение», «серьезная операция», «самобытное воздействие народной жизни», вместо «самодержавный строй» — «общественная неправда», «самодуры», вместо «духовенства» — «книжники» и т. п.

Интересно отметить, что реакционеры тоже прибегали в условиях 60-х годов к «эзопову» языку, но, конечно, совсем в другом смысле: им нужно было бояться не цензуры, а передового общественного мнения, отсюда многочисленные попытки лицемерно завуалировать гнусные мысли «благонамеренными» фразами. Добролюбов срывал маску и объяснял истинный смысл таких фраз: «лицемерие в «Науке жизни» (Е. Дыммана — Б. Е.) изображается постоянно под видом вежливости, подлость — под именем угождения и искательства, мошенничество называется ловкостью, подозрительность и малодушие — осторожностью, кража всех видов — пользованием обстоятельствами, шарлатанство — сноровкою и пр. И все это пересыпается, само собою разумеется, беспрестанными громкими воззваниями о честности, добросовестности, братолюбии, помощи несчастным и т. п.» (4, 94).

Путем широкого применения «эзоповых» приемов, путем аллегорий и перифраз революционные демократы достигали намеченной цели: провести сквозь цензурные шлагбаумы заветные идеи. При этом иногда, вполне естественно, статья значительно расширялась, ибо многие мысли приходилось «поворачивать», объяснять дважды, трижды, несколько раз, пока критик не удостоверился, что общая идея проведена, наконец, достаточно ясно для демократического читателя. Отсюда неоднократные «извинения» Добролюбова: «Многое мы не досказали, об ином, напротив, говорили очень длинно: но пусть простят нас читатели, имевшие терпение дочитать нашу статью» (2, 136); «Читатели, признающие истину этих соображений, — надеемся, — поймут и извинят нам длинноту нашей статьи» (2, 309). Первый отрывок приведен из статьи «Темное царство», второй — «Черты для характеристики русского простонародья». Герцен был явно неправ, характеризуя последнюю статью Добролюбова — «длинно, но хорошо»,⁶⁷

⁶⁷ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. 10, стр. 444.

т. е. наряду с похвалой он как бы осуждает длинноту статьи, качество, на которое указал сам критик, следовательно, сознательно допущенное. Разумеется, вина ложится не на Добролюбова, а на цензуру. Добролюбов, принеся «извинение» (цитировано выше) в статье «Темное царство», пытался объяснить точнее: «Виною того и другого (недомолвок и длиннот — Б. Е.) был более всего способ выражения, — отчасти метафорический, — которого мы должны были держаться (. .) иногда общий смысл раскрываемой идеи требовал больших распространений и повторений одного и того же в разных видах, — чтобы быть понятным и в то же время уложиться в фигуральную форму, которую мы должны были взять для нашей статьи, по требованию самого предмета .» (2, 136). Но даже такой намек на цензуру был, по-видимому, слишком прозрачен, и это объяснение не попало в журнальный текст статьи. Оно восстановлено Чернышевским лишь в 1862 г., в посмертном издании сочинений Добролюбова.

Разнообразные приемы, выработанные «шестидесятниками», прочно вошли в публицистику и критику. Ими широко пользовались Щедрин, деятели народничества, марксисты. Но это — тема специального исследования.

А. Н. РАДИЩЕВ И РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ В XVIII в.¹

Доц., канд. филол. наук Ю. М. Лотман

Роль А. Н. Радищева в истории русской военной мысли еще не делалась предметом изучения. Однако даже далеко не полные сведения, которыми располагает исследователь, позволяют судить о том, что интерес Радищева к этому вопросу был постоянным и глубоким. В начале своего творческого пути в 1773—1774 г. он осуществляет перевод военного наставления «Офицерское упражнение», а в 1790 г., в период наивысшей общественно-политической и литературной активности, выступает с идеей организации «городовой команды» — народного ополчения с участием беглых крестьян, возглавить которое писатель-революционер собирался сам.² Известно, что высказывания Радищева в «Путешествии» по вопросам «воинского строя» привлекли внимание Екатерины II, писавшей, что сочинитель «клонится к возмущению крестьян против помещиков, войск противу начальства».³ Бесспорная связь между антикрепостническими идеями Радищева и его воззрениями в области военного дела особенно интересна для исследователя.

Характер развития военной мысли конца XVIII в. может быть понят лишь в связи с общим направлением идейной борьбы тех лет. Острая классовая борьба последних десятилетий XVIII в. привела к четкому идеологическому размежеванию. С одной стороны, возникает комплекс демократических идей, рассматривающих человека как разумное существо, способное к познанию объективных закономерностей мира «посредством разума»,⁴ стре-

¹ Настоящая статья является частью работы о месте А. Н. Радищева в идейной борьбе его эпохи. Отдельные отрывки из этой работы были уже опубликованы. См. сб. «Радищев. Статьи и материалы», изд. ЛГУ. Л., 1950 и «Научные труды, посвященные 50-летию ТГУ», Таллин, 1952.

² См. В. П. Семенов, Литературно-общественный круг Радищева, сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.—Л., 1936, стр. 287—289.

³ Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, Academia, 1935, стр. 426—427.

⁴ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, т. I, стр. 215. В дальнейшем, ссылаясь на это издание, указываю лишь номер тома и страницу.

мящееся всегда «к прекрасному, величественному, высокому».⁵ Рожденный для свободы, склонный к добру, человек черпает свои представления из окружающего его общества. Следовательно, разумное переустройство общества на основе свободы и счастья всех и каждого — залог благоденствия народа. Доведенная до логической последовательности, эта точка зрения приводила к революционной теории Радищева.

С другой стороны, формируется система антидемократических идей, захвативших широкий и разнородный круг дворянских теоретиков, от правительственных публицистов до Хераскова и Н. М. Карамзина. Человек рассматривается как существо, злое по своей природе, ограниченное субъективностью чувственных представлений. Неразумный эгоизм человека делает, по мнению дворянских идеологов, праздным вопрос о каком-либо общественном переустройстве. Общее благо является результатом не свободы и максимального развития прекрасных возможностей человеческой личности, а подразумевает максимальное подчинение, «обезличивание» человека-эгоиста, антиобщественная сущность которого требует «обуздания» со стороны «высшей власти». С этим связано, например, стремление поэтизировать подчинение, отказ от своей воли, характерный для масонской публицистики. Показательно, в этом отношении, название статьи, открывавшей «Магазин свободнокаменщический»: «Рассуждение о повиновении, которое есть деятельное покорение воли нашей воле мастеров наших и о том, что гордость и непослушание суть причины заблуждений наших и суть препятствия, которые мы полагаем самопроизвольно на пути нашем к истине».⁶ Один из масонов, в связи с закрытием лож, скорбел о тяжести жизни «без сей священной цепи, без сей подчиненности», т. е. без безусловного подчинения своей воли распоряжениям орденового начальства⁷ (курсив мой — Ю. Л.).

Утверждения о «злой», «эгоистической» природе человеческой личности стали общим местом в дворянской литературе конца XVIII в. Сумароков в отрывке «К добру или к худу человек рождается» писал: «Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого другого животного к худу. Каждое дышащее вредоносно другому дышащему [] Дружимся и любимся ради сами себя. Другова любим любя себя, ненавидим, ненавидя ево. Все наши действия происходят от любви к себе и

⁵ Там же.

⁶ Ср. мысль А. Н. Радищева о том, что подавление воли человека выгодно угнетателям: «Одно (суеверие — Ю. Л.) сковать рассудок тщится, другое (угнетение — Ю. Л.) волю стерть стремится; на пользу общую, рекут», «...человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею» (А. Н. Радищев, т. I, стр. 215).

⁷ Альбом Ланского. Архив Института Русской литературы АН СССР, шифр 1880/XXVO, стр. 159. Подробнее см.: Ю. Лотман, Из истории литературно-общественной жизни 1780-х гг., в сб. «Радищев», изд. ЛГУ. 1950.

ненависти к другому».⁸ Многочисленные утверждения о «врожденном эгоизме» человека, о непримиримости личного и общественного интереса и, следовательно, о необходимости аскетического подавления первого во имя второго переполняют масонские издания. Их также можно в изобилии найти в поэзии, мемуарах и эпистолярной литературе тех лет.

В политическом отношении из подобных предпосылок следовал вывод о необходимости наличия сильной власти, способной поддерживать «тишину и устройство», насильственно ограничивая необузданное себялюбие отдельных людей-эгоистов «с очами внутрь себя обращенными», по выражению «Утреннего света».⁹

В масонских изданиях мы находим многочисленные описания гибели народа, лишенного «спасительной власти единого», как позже скажет Карамзин. Таково, например, описание судьбы общества троглодитов в «Утреннем свете» (перевод из Монтескьё). В том же духе высказывался в своих поздних произведениях М. Херасков. При ослаблении царской власти «загорелось несогласие; дух корыстолюбия и любовластия разлился по сердцам развратным» («Нума Помпилий»)¹⁰. Аналогична картина междуцарствия в «Кадме и Гармонии»: «Град сей, пресловутый град, прежде сладкой тишиной приосеняемой, ныне позорищем вражды и страшного безначальства учинился [. . .] необузданные прения жителей на части расторгли». Сильная власть царя нужна, по утверждению Хераскова, не только для того, чтобы подавить стремление каждого члена общества к своей пользе, но и для установления объективно отсутствующих норм морали. Нужна власть, «добро от зла, истину от коварства [. . .] отличать могущая».¹¹ Основанная на субъективистской философии идея «врожденно-злой» природы человека теоретически обосновывала и защищала строй дворянской монархии. Связь отвлеченных рассуждений об общей и частной пользе с практическими интересами угнетателей была ясна еще Я. Козельскому, который в «Философских предложениях» писал о «слабости законодателей, которые полагают особенную пользу в противность общей пользе» (§ 392) и «под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних» (§ 427).

Напряженная идейная борьба, захватившая разные сферы общественной мысли и являвшаяся отражением острых социальных противоречий, сказалась и на развитии военно-теоретической мысли.

История военного искусства в России XVIII в. знает две школы, борьба между которыми растянулась на всё столетие. Одна система, ведущая свое начало от военных реформ Петра I, свя-

⁸ Полн. собр. соч. в стихах и прозе покойного А. П. Сумарокова. Собраны и изданы Николаем Новиковым, ч. X, М., 1782, стр. 149.

⁹ Утренний свет, 1780, ч. VIII, стр. 149.

¹⁰ М. Херасков, Творения, ч. XII, М., 1803, стр. 34.

¹¹ Там же, ч. VIII, М., 1801, стр. 101 и 105.

зана была с отказом от уставного «методизма», со стремлением развязать инициативу подчиненных. Другая — насаждала муштру, требовала превращения солдата в автоматического исполнителя чужих приказов. В XVIII в. «в уставной теоретической мысли определились ясно выраженные два направления, нашедшие отражение в практике боевой подготовки».¹² Без труда можно заметить связь между дворянской школой военного искусства, основанной на стремлении обезличить солдат, слить их в единую механическую и покорную массу, лишить самостоятельной воли, — и дворянской философией, основанной на учении о злой природе человеческой личности, о необходимости отказа от свободного проявления воли. И то и другое имело основу в крепостном праве. С другой стороны, представляется бесспорной связь военной педагогики Суворова с идеей высокого достоинства человеческой личности. Возникало известное противоречие между «системой боевой подготовки и господствовавшими общественными отношениями».¹³ Отказ от подавления личности солдата во имя нивелирующей идеи дисциплины настоятельно диктовался соображениями военной практики. Еще Румянцев, введя для полковых егерских команд рассыпной строй, поставил вопрос об индивидуальной инициативе солдата. Требования, предъявляемые к егерям, в корне отличались от фридриховско-павловского идеала «механического солдата». В «Правилах для обучения егерей» предписывалось «приучать их к проворному беганию, подползать скрытными местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни, кусты возвышенные и, укрывшись, стрелять». Инструкция требовала от рядового знать «хитрости егерские для обмана и скрытия».¹⁴ Суворовское требование «учить солдат поодиночке»¹⁵ и гатчинская педагогика вахт-парада; идеал инициативного солдата, стремление к тому, чтобы «каждый воин понимал свой маневр»,¹⁶ а «войска предводителя своего разумели»,¹⁷ и тактика линейного боя, в которой «видели единственное средство держать армии в повиновении»,¹⁸ — таковы разные полюсы военно-теоретической мысли XVIII в., в основе которых объективно лежало разное представление о природе человеческой личности, полярно-противоположный комплекс идейно-теоретических воззрений.

Основанная на идеале мертвой подчиненности и полного обезличивания человека, система военной муштры полностью отнима-

¹² Л. Г. Бескровный, Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки), М., 1958, стр. 392.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСЗ, т. XXIII, № 16755, стр. 18.

¹⁵ А. В. Суворов, Документы, т. III, М., стр. 351.

¹⁶ Д. Масловский, Записки по истории военного искусства в России, вып. II (1762—1771), ч. I, Спб., 1894, стр. 107.

¹⁷ А. Ф. Петрушевский, Генералиссимус Суворов, т. I, стр. 104.

¹⁸ Л. Г. Бескровный, Стратегия и тактика Суворова, «Суворовский сборник», М., изд. АН СССР, 1951, стр. 45.

ла инициативу не только у рядового солдата, но и у всех частных начальников, превращая армию в гигантский механизм, управляемый волей одного человека. В этом отношении павловско-аракчеевская страсть к парадам была не просто болезненной манией (эта сторона резче всего бросалась в глаза современникам), но и последовательно проводимой военной и политической системой, основанной на теоретических положениях, общих с политико-философскими идеями дворянских мыслителей. Парад сливал солдат в единую, лишенную воли, массу и выделял самодержавную власть императора. Это метко охарактеризовал Т. Бок: «Парад есть торжество ничтожества, — и всякий воин, перед которым пришлось бы потупить взор в день сражения, становится манекеном на параде, в то время как император кажется божеством, которое одно думает и управляет».¹⁹ Именно в сфере военной теории смогли с наибольшей полнотой осуществиться общие принципы дворянской идеологии этой эпохи. Достаточно сопоставить ее, например, с государственной теорией столь далекого в личном отношении от указанного лагеря, просвещенного и гуманного Н. М. Карамзина. Считая, что «все эгоизм в человеке»,²⁰ который «рад пожертвовать целым миром удовлетворению своей любимой склонности», Карамзин закономерно приходит к государственной теории, оправдывающей максимальное подавление свободы человека, слияние отдельных человеческих личностей в управляемую единой волей массу. Власть монарха должна «все соглашать и все устремлять к общей цели».²¹ Следствием этого является вывод о том, что «главная опора правления есть власть воинская [.] *равное повиновение всех могуществу и воле одного человека* (курсив Карамзина).²² Исходя из идеи врожденно-злых свойств человека, Карамзин закономерно приходил к апологии подавления воли и свободы. «Речи и книги аристократов убеждают аристократов, а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законами или силою. Вот неоспоримое доказательство в пользу аристократии: палица, а не книга! — Итак сила выше всего? Да, всего, кроме бога, дающего силу!»²³

Если стремление заменить живого человека послушным манекеном в области военной практики приводило к тому, что цен-

¹⁹ А. В. Предтеченский, Записка Т. Е. Бока, в сб. «Декабристы и их время», Изд. АН СССР, 1951, стр. 198.

²⁰ Об учтивости и хорошем тоне, Вестник Европы, 1803, № 9, стр. 102.

²¹ Письмо из Парижа, В. Е., 1802, № 10, стр. 66.

²² О твердости нынешнего консульского правления во Франции, В. Е., 1803, № 21—22. Карамзин, как и в других случаях, использует внешнеполитический материал для доказательства своих политических идей.

²³ Н. М. Карамзин, Неизданные сочинения и переписка, ч. I (вторая часть не появилась). Спб., 1862, стр. 195. Ссылка на бога имеет здесь чисто условный характер. Скептик Карамзин мало рассчитывал в своих политических построениях на силу религии. Он писал: «Несмы от мира сего, сказал Христос, а граждане и государства в сем мире [.] Евангелие молчит о политике» (Там же, стр. 4).

ность личности солдата принципиально отрицалась (убежденный гатчинец, в. кн. Константин Павлович говорил: «Дурной тот солдат, который доживает срок свой двадцатипятилетний до отставки»; «убей двух, поставь одного»²⁴). то суворовская система строилась на идее ценности человека и человеческого достоинства. В известном предписании Краю Суворов писал: «Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратна, нередко один человек дороже самого поста».²⁵ Суворов подчеркивал уважение к личности солдата, он знал своих солдат по именам и, совершенно в духе материалистической морали конца XVIII в. с ее учением о связи добродетели и стремления к вознаграждению, требовал, чтобы «всякий имел свое честолюбие». Вся суворовская военная педагогика была основана на старании разбудить энергию отдельного солдата, вселить в него «на себя надежность», заставить поверить в свои силы и силы товарищей. Характерна речь его перед войсками: «Вы все, все, вся ваша рота, весь полк, все, все, чудо-богатыри! Спаси бог! Вы все молодцы! Все русские Вы богатыри! Вы витязи! Какую топь перелетели! Какие крепкие батареи вы взяли! Благодарение богу — Ура!»²⁶

Суворов, по словам Дениса Давыдова, «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение. Он уверился, что русский солдат, если не более, то конечно не менее всякого чужеземного солдата причастен воспламенению и познанию *своего достоинства* (курсив мой — Ю. Л.), и на этой уверенности Суворов основал образ своих с ним сношений. Находя повиновение начальству [.] доведенным в армии до совершенства [.], он удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав ее в душе солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве своем над всеми солдатами в мире, чувством, которого следствию нет пределов». «Он не ударил ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками, прозвищами в народном духе, которые врезывались в них, как клейма».²⁷

Система, построенная на вере в человека, стремилась развязать инициативу подчиненных от низших ступеней до самых высших. «Армия прямой линии иметь не может [.] и сам четвертый ефрейтор — тот же генерал».²⁸ В одном из приказов Суворов писал: «Рекомендую вашему превосходительству полную решимость, вы генерал; я издали и вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальны».²⁹ «Не надо методизма [.], — писал он в другом месте, — подробности зависят от обстоятель-

²⁴ А. Поджио, Записки, М., 1931, стр. 23. Ср. С. А. Тучков, Записки, СПб., 1908, стр. 10.

²⁵ А. В. Суворов, Документы, т. IV, М., стр. 269.

²⁶ Д. Масловский, Записки по истории военного искусства в России, вып. II (1762—1771), СПб, 1894, стр. 97

²⁷ Денис Давыдов, Сочинения со статьей и примечаниями А. О. Круглого, СПб., 1893, т. I, стр. 85—86 и 89.

²⁸ А. В. Суворов, Документы, т. III, М., стр. 547.

²⁹ А. Ф. Петрушевский, Генералиссимус Суворов, т. II, стр. 145.

ств».³⁰ С этим связано представление о том, что живая практика не может уместиться в параграфы циркуляров и уставов, навязываемых жизни. Это резко выделяет Суворова среди фридриховско-павловских поклонников буквы наставления.³¹ Осуждаемый Суворовым «методизм» являлся следствием все того же стремления убить частную инициативу во имя всепроникающей опеки начальства.

«Я никогда не последовал общим правилам»,³² — писал Суворов. «. Поздно семидесятилетнему педантической методике учиться».³³ Он иронизировал над журналистом, который попробовал оценивать действия суворовской армии, исходя из прусских уставов и «не понимая полета Марса, запутался в обычных военных правилах».³⁴

Следует, однако, иметь в виду, что если связь между павловской системой муштры и реакционной идеологией была прямой, поскольку первая была лишь одним из проявлений (наиболее ярких) второй, то вопрос взаимоотношений суворовской системы и демократической идеологии XVIII в. значительно более сложен. Мы отметили черты ощутимого сходства, однако, у нас нет никаких оснований для отождествления этих понятий. Бесспорно, что, создавая свою систему, Суворов исходил не из каких-либо идеологических соображений, а из требований военной целесообразности. Именно она заставляла порвать с системой муштры, не только реакционной в идейном отношении, но и фантастически расходящейся с потребностями военной практики. Будучи доведена до идеала, эта система лишала армию возможности выполнить свою прямую функцию, столь необходимую для *дворянского* государства. Армия оказывалась не приспособленной и не предназначенной для военных действий. «Довольно было войн на Дунае, они деморализуют армию», — говорил Александр I.³⁵ Однако, дворянское государство, как только возникала необходимость военных действий, начинало испытывать потребность в армии, от которой можно было бы требовать не строевой виртуозности, а боевых качеств. Создавалось своеобразное положение, при котором дворянское государство, ведя активную внешнюю политику (для внутренней функции подавления механический солдат-автомат был вполне пригоден), само вынуждено было отказываться от последовательного проведения военной теории, выра-

³⁰ А. В. Суворов, Документы, т. IV. стр. 412.

³¹ Уставный формализм вытекал из общего характера того мироощущения, которое герой Салтыкова Филоветринов выразил словами: «Вне администрации в мире все хаос и анархия». Н. Щедрин, Избранные произведения в семи томах, т. I, М., 1939, стр. 220.

³² А. В. Суворов, Документы, т. IV. стр. 430.

³³ Там же, стр. 427.

³⁴ Там же, стр. 453.

³⁵ Н. К. Шильдер, Император Александр I, Спб., 1905, т. IV, стр. 8. После Отечественной войны 1812 г. Александр I жаловался, что война «портит армию».

ставшей на основе классово-дворянской идеологии, а определенный учет принципов военной теории, связанных с демократическими идеями, повышал боеспособность *классово-дворянской* армии. Это придает чрезвычайную сложность облику А. В. Суворова с его наивным монархизмом и не менее наивной верой в то, что война против «атеистов» (так Суворов называл якобинцев) приведет «к освобождению французского королевства от ярма его притеснителей»,³⁶ с одной стороны, и глубокой верой в человека, гуманностью, как одним из принципов военного дела, который он, подводя итоги своей системе, записал рядом с мужеством, глазомером, быстротой и натиском,³⁷ уважением к солдату и презрением к придворной камарилье, убеждением в том, что «контр-революционеры способны только выедать хлеб»,³⁸ — с другой. Кричащие противоречия такой позиции субъективно примирялись для Суворова в утопическом идеале боевого братства между офицерами и солдатами (т. е. фактически между крестьянами и дворянами) «Милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранство».³⁹ В отношении своей общественной позиции Суворов напоминает другого великого новатора его эпохи — Г. Р. Державина. Параллель между Державиным и Суворовым, утвердившаяся еще в период романтической критики и основывавшаяся на общем для обоих деятелей стремлении «сломить» догматическую систему правил (что истолковывалось в свете романтической теории вдохновения), в известном смысле основательна. Державин, с его стихийным тяготением к эмпирическому реализму, любовью к жизни и глубокой верой в человека, проявившейся не только в прямых декларативных высказываниях («будь на троне человек»), но и в принципиальном внимании к обычным, интимным проявлениям человеческой личности; Державин, оставшийся в стороне от выражавшей наиболее полно классово-дворянскую программу в литературе масонско-карамзинской эстетики, стихийно способствовавший демократизации литературы и усилению в ней реалистических элементов — и Державин-монархист, не только как политический деятель, но и как писатель, сознательно содействующий укреплению феодально-крепостнического порядка. Механическим было бы объяснение этого противоречия как расхождения между Суворовым-полководцем и Суворовым-политиком, Державиным-поэтом и Державиным-вельможей. Подобно тому как политические идеалы Державина были сложно связаны в единое целое с творческим методом писателя, делая его внутренне противоречивым, позиция Суворова как дворянского военного деятеля лишала его возможности последовательного проведения его собственных теоретических принципов, придавая его

³⁶ А. В. Суворов, Документы, т. IV, стр. 391.

³⁷ Там же, стр. 453.

³⁸ Там же, стр. 439.

³⁹ А. В. Суворов, Документы, т. III, стр. 575.

военно-теоретическому творчеству черты внутренней противоречивости. Идеал сознательно-инициативного солдата не мог осуществиться в рамках крепостнической армии, на укрепление боеспособности которой были направлены все силы Суворова.

Радищев впервые в России создал революционную и, следовательно, до конца самостоятельную демократическую идеологию. Поэтому и во взглядах Радищева на вопросы военного искусства отсутствовала внутренняя противоречивость теорий суворовской школы.

Воззрения Радищева в рассматриваемой области были не только противоположны теории и практике реакционных дворянских идеологов, но и качественно отличались от построений прогрессивных военных теоретиков XVIII в. Его задачей было создание не только боеспособной, но и революционной армии.

Искаживания Радищева по военным вопросам немногочисленны. В «Путешествии» они почти всегда связаны с полемикой против философии дворянских субъективистов типа А. М. Кутузова, разоблачая которую, Радищев указывает на практическое тождество её с крепостнической практикой как в военной, так и в хозяйственной областях.

«Воззрим, — писал он, — на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй, зрится, в рядах их. Единое веление, единое рукововление начальника, движет весь стан, и движет его стройно. Но можем мы ли назвать воинов блаженными? Превращенные точноию воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движения воля, толико живым существам свойственная. Они знают только веления начальников, мыслят, что он хощет, и стремятся, куда направляет. Толико всеислен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупны, возмогут вся, но разделены и на едине, пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелает. *Устройство на щет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы*». (Курсив мой — Ю. Л.).⁴⁰

Повторяя в главе «Вышний Волочек» это рассуждение, автор прямо указывает на связь дворянской военной теории, основанной на идее подавления личности человека, с крепостнической практикой. Говоря о стремлении помещика выкачать как можно больше доходов из имени. Радищев пишет: «Способом к сему надежнейшим, почел он уподобить крестьян своих орудиям, *ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам*, (курсив мой — Ю. Л.) управляемым грудю, устремляющимся на бой грудю, а в единственности ничего не значущим».⁴¹

⁴⁰ А. Н. Радищев, т. I, стр. 315—316.

⁴¹ Там же, стр. 325.

Проявленное в приведенном отрывке понимание связи «прусской» военной школы с крепостнической системой дало возможность Радищеву сделать революционные выводы, резко отличающиеся от принципов суворовской школы. Он считал, что только уничтожение крепостного рабства создаст благоприятные условия для воспитания солдата в нужном направлении.

Осуждая современное ему крепостническое государство как извратившее «первоначальный договор», узурпировавшее у народа власть и обратившее ее на угнетение народа же, Радищев аналогично решает и вопрос организации армии. Вооруженные силы созданы в идеальном договорном обществе народом для защиты отечества:

«Своих кровей я (т. е. народ — Ю. Л.) без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать».⁴²

Но в современном Радищеву дворянском государстве договорные основы общества попораны, армия является средством угнетения:

«Злодею меч мой изощренный,
Ты стал невинности сулить».

«Ссружденные полки в защиту» (т. е. войско, созданное для обороны) вступают в бой не для того, чтобы «за человечество карать» (т. е. защищать поруганные права человека, свободу), а во имя честолюбия самодержца:

«В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
Герой! — зевав, могли сказать».⁴³

Создать армию, способную охранять народные права, — такова центральная идея военной системы А. Н. Радищева. Воззрения Радищева на государство определили и его отношение к вопросам построения армии. Создаваемая для защиты народа (ср. общенародное ополчение новгородцев в «Песнях петых на состязании»), армия является средством осуществления воли народа «в соборном его лице». Народ может вручить управление ею «единственному», исполнителю своей воли:

«С тобою к славе устремляться,
Тебе велели повиноваться».

Но это оправдывается только общенародными интересами («для пользы всех можно все») и не снимает верховного характера на-

⁴² А. Н. Радищев, т. I, стр. 6.

⁴³ Там же, стр. 7.

родной власти. Известный интерес в этом отношении представляют исторические выписки Радищева. Читая обширную статью Миллера, посвященную животрепещущей для Радищева теме внутреннего строя и упадка Новгорода, он в первую очередь обратил внимание на высказывания о характере армии в древней Руси. Конспективная выписка: «Армия в старину состояла из дворян, из наемных казаков и из крестьян»,⁴⁴ делается понятной из сравнения с текстом статьи Миллера. Оценивая состояние армии XVII в., последний вместе с тем характеризует войско древней Руси вообще. Перед вольно выписанной Радищевым фразой стоит: «Не было регулярного войска». В одном контексте с этой фразой радищевская выписка приобретает смысл характеристики древнерусской армии как общего народного ополчения. При этом, если Миллер оценивает описываемый им порядок отрицательно: «Вся армия состояла по старинному обычаю из дворян, которые собрались из разных городов государства [] и из крестьян, военному делу ни мало не обученных», то оценка Радищева была противоположной: он обрывает выписку на слове «крестьян», опуская осудительный конец. Не менее интересна и другая выписка: «Ц[арь] Ив[ан] В[асильевич] учредил опричников, которые его были яко гвардия».⁴⁵ Смысл выписки в данном случае также раскрывается из контекста статьи Миллера, где перед нею следует: «Надлежит признаться, что много поспешствовало к несчастью Новгорода, что царь ввел за несколько лет перед тем [. .] так называемую опричину». Таким образом эволюция военной силы в России рисуется Радищеву в следующем виде: от исконного вечевого порядка, при котором «не было регулярного войска», к самодержавной власти, опирающейся в первую очередь на гвардию — оторванную от народа, поддерживающую царя военную силу с ярко выраженным сословным принципом. Выписывая это место, Радищев, бесспорно, сопоставлял его с ролью гвардии в XVIII в. (само слово наводило на размышления). Если Миллер считал, что само по себе создание гвардии «учреждением было не худо», то Радищев, сочувствовавший вечевой Новгородской республике, и здесь оценивал конспектируемое диаметрально-противоположным образом.

Понимание Радищевым задач вооруженной силы сказалось в своеобразном отношении его к рекрутскому принципу комплектования войск. Радищев понимал преимущество его перед системой наёмных армий. В «Записке о податях Петербургской губернии» он снабдил пункт о рекрутском наборе примечанием: «В нем и состоит крепость армии российской».⁴⁶ Изображая в «Путешествии» (глава «Городня») рекрутский набор, Радищев нарисовал отрицательный тип ландскнехта, француза, за деньги нанимающегося

⁴⁴ А. Н. Радищев, т. III, стр. 36.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 548.

в армию. Главный жизненный принцип «сего бродяги» — «где хорошо, тут и жить хорошо» — прямо противоположен национальному комплектованию армии — основе прогрессивной военной педагогики XVIII в. Радищев понимал, какое огромное преимущество даёт армии, с точки зрения боевых качеств, её народный (в основном крестьянский) состав. Наёмнику-французу противопоставлены крестьяне, которые «обыкнув в сем тяжком во исполнении звании, становятся бодры, предприимчивы». ⁴⁷

Однако, соглашаясь с представителями петровско-суворовской школы в их отрицательном отношении к наёмной армии, Радищев вместе с тем шёл гораздо дальше их. При оценке тех или иных военных мер он исходил не только из соображений военной целесообразности — основными для него оставались интересы народа. Рассматривая рекрутскую систему, он осуждает её как порождение крепостничества. «Рекрутский сбор можно для поселян почесть наитягчайшим из всех», — пишет он в «Записке о податях Петербургской губернии». — Тяжесть его заключается прежде всего в том, что он «есть не добровольный». ⁴⁸ В главе «Городня» автор «Путешествия» показал тяжесть рекрутчины, связь её с деспотической властью и корыстными интересами помещиков.

Но и с чисто военной точки зрения Радищев не одобрял рекрутский принцип. Сторонник войска вооружённого народа, он понимал, насколько феодально-крепостнические отношения понижают боевые качества армии. В «Рассуждении о человеке», напечатанном в «Беседующем гражданине» и связанном с влиянием Радищева, если не прямо вышедшем из-под его пера, находим весьма интересное высказывание о том, что в обществе, лишенном угнетения, оборона своей земли, как и труд, является уделом всего народа, а не какой-либо сословной группы: «Опасность как и труд [] есть природное состояние, а не звание породы; должность народа, а не служба семейства», т. е. задача обороны родины возлагается не на какое-либо привилегированное сословие («звание породы», «служба семейства»), а является правом и обязанностью вооруженной нации («должность народа»).

В этом отношении интересно также «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Рассматривая причины быстрого завоевания Сибири, Радищев, прежде всего, останавливается на особенностях войска Ермака. Его привлекает свободный и народный характер казачьих отрядов: «На Российском говорят по просторечию про кого-либо: вольный казак, кто живет в независимости». ⁴⁹ Автор подчёркивает направленность деятельности казачьих отрядов против самодержавной власти. «Вследствие сего Царь Иоанн отрядил против Донских казаков знатное число

⁴⁷ А. Н. Радищев, т. I, стр. 368.

⁴⁸ Там же, т. III, стр. 119.

⁴⁹ Там же, т. II, стр. 149.

войска под предводительством Стольника Мурашкина, который, преследуя казаков, разбивал их [.] а всех попадавших в полон или как-либо захваченных казнил смертью [.] Таким-то образом, — резюмирует Радищев, — усилившейся Иоанн почитал бунтовщиками всех, Россиянам единоплеменных, буде они самовластия его не покорялися».⁵⁰

Свободный характер войска усиливал его боеспособность и требовал от вождя не знатности рода, а личных заслуг: «Ермак имел первое и многие из тех свойств, которые нужны воинскому вождю, *а паче вождю непорабощенных воинов*». (Курсив мой — Ю. Л.).⁵¹

Интересна трактовка Радищевым причины побед Ермака. Автор подчёркивает, что дело не только в превосходстве военной техники — столкнулось войско свободных людей с армией самодержавного деспота: «Хан Кучум был не истинный владелец Сибири, но пришлец и завоеватель, а потому, опричь пришедших с ним, подвластные ему повиновались из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных землях .»⁵² «Столь превозмогает мужество, отважность» — свойство свободного человека — «над властью», — заключает Радищев.⁵³

Мысль о столкновении свободного войска казаков, пополненного крестьянами, «убегаящими угнетения»,⁵⁴ с армией деспота-самодержца, легко могла ассоциироваться с событиями пугачевского восстания. Возможно, что рукопись оказалась оборванной на «предметах государственного управления» не случайно.

Таким образом, идеал войсковой организации для Радищева был следствием общей системы антикрепостнических, революционных взглядов. Армия рисуется ему в виде вооруженного народа, осуществляющего суверенное право на свержение тирана и защиту границ. Революционный характер армии определяет весь ее облик и в первую очередь всеобщность, общенародность:

«Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда в с е х вооружит.
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит».⁵⁵

Ср. в описании восстания крестьян, убивающих господ (гл. «Зайцево»): «Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве».

Армия «стерта зверства» (т. е. уничтоженного тиранства) от-

⁵⁰ А. Н. Радищев, т. II, стр. 150.

⁵¹ Там же, стр. 152.

⁵² Там же, стр. 151.

⁵³ Там же, стр. 155.

⁵⁴ Там же, стр. 149.

⁵⁵ Там же, т. I. стр. 5.

личается сознательностью дисциплины и предельным развитием инициативы каждого из воинов:

«Не скот тут согнан поневоле».

Ср. «не скот, не дерево, не раб, но человек». В «Беседе о том, что есть сын отечества» человек, т. е. борец и патриот, также противопоставлен рабам, «кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя».⁵⁶ Мы уже приводили характеристику крепостнической армии, рассчитывающей на слепое повиновение команде и полное подавление личной инициативы: «пасутся, яко скоты, аможе пастырь пожелает». Таким образом «скот» — для Радищева не только экспрессивное выражение, но и политический термин, равнозначный понятию раба.⁵⁷

«Не жребий мужество дарит».

Мужество воина зависит не от жребия (рекрутчина) — оно «должность народа».

«Не гряда правильно стремится,
В о ж д е м здесь воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он».

«Правильной гряде» фридриховской военной педагогики противопоставлена армия, в которой каждый — «непоколебимый» и «непобедимый воин». Вождь армии — «свобода, Вашингтон».

Таким образом, военная система А. Н. Радищева кратко может быть охарактеризована как требование организации общенародной армии на основе полной ликвидации сословно-крепостнического строя.

⁵⁶ А. Н. Радищев, т. I, стр. 215.

⁵⁷ Сравни иное, с опзий просветительства и дворянского конституционализма, употребление его в творчестве Фонвизина: «Знатному скоту льстят подлые скоты» («Лисица-казнодей»), монологи и имя Скотинина в «Недоросле», царедворец Скотаз, который «человек был низкий и глуп до невероятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств» («Каллистен»).

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СПЕЦИФИКЕ ИСКУССТВА (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ИСКУССТВА)

Канд. философских наук Л. Н. Столович

Вопрос о сущности и специфике искусства является одним из важнейших в эстетической науке. То или иное понимание природы искусства, которое имеется у каждого деятеля искусства, оказывает значительное воздействие на процесс художественного творчества. Вот почему в истории эстетической мысли вопрос о сущности искусства, о его специфике был предметом ожесточенной борьбы между представителями материалистической и идеалистической эстетики, борьбы, которая, в конечном счете, отражала идеологическое столкновение передовых и реакционных общественных сил. Общей особенностью материалистического понимания сущности искусства было стремление рассматривать искусство в связи с другими формами общественного сознания. Материалистическая эстетика в борьбе с идеалистическими принципами «чистого искусства», «искусства для искусства», вскрывая огромные познавательные и воспитательные возможности искусства, подчеркивала прежде всего общность искусства, с одной стороны, науки и морали, с другой. Но метафизичность и идеализм в объяснении явлений общественной жизни, присущие домарксистскому материализму, не дали возможности домарксистской материалистической эстетике в полной мере раскрыть специфику искусства.

Спекулируя на неразработанности в материалистической эстетике вопроса о специфических особенностях искусства, идеалистическая эстетика специфике искусства уделяла главное внимание. Однако метафизическая ограниченность была присуща не только домарксистскому материализму, но и многим идеалистическим эстетическим теориям. Поэтому, правильно ставя проблему специфики искусства, решали они её неверно, так как абсолютизировали специфику искусства, рассматривали эту специфику не на основе общности искусства с другими формами сознания, а совершенно игнорируя общность искусства и других форм

общественного сознания (например, эстетика Канта). Решение вопроса о специфике искусства возможно только с диалектической точки зрения. В этом отношении нельзя забывать о заслугах эстетического учения Гегеля, который, хотя и на идеалистической основе, показал необходимость исследования специфики искусства с точки зрения объекта искусства, его содержания, форм и способов выражения содержания. Именно во многом диалектический подход к искусству дал возможность и русским революционным демократам подняться выше всей домарксистской материалистической эстетики и по вопросу о специфике искусства.

Марксистско-ленинская эстетика, основывающаяся на диалектическом материализме, имеет все возможности как материалистически раскрыть сущность искусства, так и диалектически выявить его специфику. Вполне закономерно, что работы по марксистско-ленинской эстетике прежде всего старались доказать значение основных положений марксистско-ленинской философии для понимания искусства. Подчеркивался вторичный характер искусства по отношению к экономическому строю общества, классовый характер искусства в классовом обществе и т. п. Всё это стало бесспорным, и только отступлением от марксизма-ленинизма можно характеризовать стремление некоторых исследователей, например, П. Трофимова, якобы во имя специфики объявить искусство не надстроечным явлением.¹ Но простое иллюстрирование тех или иных положений философии примерами из искусства ещё не достаточно для развития марксистско-ленинской эстетики, ибо именно диалектический материализм требует раскрытия конкретными науками специфической сущности изучаемых ими явлений.

Отрицательное влияние на развитие нашей эстетической мысли оказали вульгарно-социологические представления об искусстве, которые игнорировали специфическую сущность искусства. Своеобразной разновидностью вульгарного социологизма явилось чисто формальное понимание специфики искусства, по которому искусство отличается от других видов общественного сознания только художественно-образной формой отражения действительности.² Доводом для такого рода понимания специфики искусства являлось то, что единая действительность есть предмет как научного, так и художественного отражения, а это будто бы отрицает специфику предмета и содержания искусства.

Антидиалектический характер такого понимания сущности и специфики искусства нетрудно обнаружить, поставив следующие вопросы: каким образом неспецифическое содержание искусства

¹ См. П. С. Трофимов, Об отношении искусства к базису и надстройке («Вопросы философии», 1951, № 2).

² Из работ, в которых отстаивается данная точка зрения на специфику искусства, отметим книги Ф. И. Калошина «Содержание и форма в произведениях искусства» (Госполитиздат, 1953) и А. Н. Дрёмова «О художественном образе» («Советский писатель», 1956).

обретает специфическую форму? Почему нехудожественное содержание должно выражаться в художественной форме? Действительность, конечно, отражается всеми формами общественного сознания. Но разве это означает, что все формы общественного сознания отражают *одни и те же стороны* действительности?

Несостоятельность данной трактовки специфики искусства показала и художественная практика: ведь именно те произведения, которые пытались лишь в образной форме иллюстрировать идеи (даже совершенно правильные), взятые «напрокат» из других форм общественного сознания, были равнодушно восприняты народом как лишенные всякой художественности. Подобное искусство являлось своеобразным сочетанием натуралистического правдоподобия с навязчивой дидактикой, и только по недоразумению можно было его считать применением метода социалистического реализма.

Безусловно положительным фактом в последние годы были попытки некоторых исследователей перейти от общих рассуждений об искусстве, которые не шли дальше повторения и иллюстрирования общеизвестного положения о первичности действительности и вторичности искусства, к проблемам специфики искусства. В этом отношении примечательной была статья Б. Реизова «О понятии формы художественного произведения» («Звезда», 1953 г., № 7). Но решение вопроса о специфике искусства пошло в ней, на наш взгляд, по неверному пути.

Правильно указывая, что специфику искусства нельзя сводить к форме, Б. Реизов утверждает, будто бы специфика искусства состоит в полном тождестве содержания и формы. отождествляя содержание и форму в искусстве, отрицая относительную самостоятельность формы и возможность противоречия и несоответствия содержания и формы, Б. Реизов приходит в статье «Понятие формы в анализе художественного произведения», («Вестник Ленинградского университета», 1955 г., № 12) вообще к отрицанию категорий «форма» и «содержание» в искусстве, оставляя эти категории только для характеристики процесса восприятия произведения искусства. Если с этим согласиться, то это значит противопоставить искусство решительно всем явлениям природы, общества и мышления, которые имеют как своё содержание, так и свою форму. С диалектической точки зрения специфика того или иного явления заключается не в том, что у него может не быть содержания или формы, а в том, какова специфика самого содержания и самой формы данного явления.

Поэтому плодотворной явилась точка зрения, диалектически обоснованная ещё в «Эстетике» Гегеля, по которой специфика искусства обусловлена спецификой его предмета и содержания. С этой позиции рассматривалась литература в «Теории литературы» Л. И. Тимофеева (Учпедгиз, 1948). музыка в книге «Отражении действительности в музыке» В. В. Ванслова (Музгиз, 1953) искусство в целом в статье А. И. Бурова «О специ-

фике содержания и формы в искусстве» («Вопросы философии», 1953 г., № 5). Сама постановка проблемы специфики предмета и содержания искусства имела большое значение, но решение её было недостаточным, так как и предмет искусства и его содержание не рассматривались в их эстетическом качестве. Более того, в статье А. И. Булова утверждалось: «Восприятие явления как жизненного целого — одно из важных условий эстетического созерцания. Однако эта важнейшая особенность предмета искусства не определяет ещё полностью его специфики».³

Вместе с тем, в какой-то мере откликаясь на запросы художественной практики, в работах по эстетике всё чаще и чаще стали говорить об эстетической особенности искусства, эстетической функции и художественности искусства — о всём том, что долгое время третирувалось «с легкой руки» вульгарной социологии.

Но простое поминание эстетической природы искусства и многочисленные призывы разрабатывать её не приносили существенных результатов. Как говорит китайская пословица, от того, что много раз произносят: «Сахар, сахар, сахар», во рту слаще не станет.

Показателем важности проблемы эстетической сущности искусства является тот факт, что целый ряд эстетиков, можем смело сказать, не в порядке очередной кампании, часто независимо друг от друга, занялись основательной разработкой вопросов эстетической природы искусства. В этой связи с большим интересом должна быть встречена вышедшая в 1956 году в издательстве «Искусство» книга А. И. Булова «Эстетическая сущность искусства». Этот интерес обусловлен тем, что в книге А. И. Булова эстетическая сущность искусства не просто склоняется во всех падежах, как это бывает в некоторых работах, а содержится определенная концепция эстетической сущности искусства. Не ставя перед собой задачу дать всестороннюю рецензию на книгу А. И. Булова, нам хотелось бы рассмотреть концепцию, лежащую в основе книги «Эстетическая сущность искусства».

Нельзя не согласиться с постановкой А. И. Буловым вопроса об эстетической сущности искусства. Автор с большой убежденностью и убедительностью дает критику того вульгаризаторского направления в нашей эстетике, которое сводило специфику искусства только к художественно-образной форме, а эстетическое в искусстве противопоставляло идейному содержанию искусства. С полным основанием такое противопоставление идейного эстетическому, которое, между прочим, делалось во имя утверждения идейности искусства, А. И. Булов определяет как рецидив кантианской эстетики. И действительно, не включать эстетический момент в содержание искусства на том основании, что содержание считается идейным — политическим, моральным, философским — это ведь и значит автономизировать эстетическое

³ «Вопросы философии», 1953, № 5, стр. 145.

отношение человека к действительности, противопоставлять его идейно-практическому отношению к жизни!

Совершенно правильно А. И. Буров стремится эстетическую сущность искусства вывести из предмета, отражаемого искусством. Это единственно верный путь к материалистическому пониманию эстетической сущности искусства. Тем более следует приветствовать такое стремление обосновать эстетическую сущность искусства, что большинство появившихся в печати определений эстетического значения искусства исходит не из того, что искусство отражает эстетически значимый предмет, а только из субъективной эстетической оценки художником явлений действительности. Поступать подобным образом, значит видеть корень эстетической сущности искусства не в объекте, а в субъекте, что и характерно для субъективно-идеалистической эстетики. От эстетической особенности предмета к эстетической природе содержания искусства и отсюда к эстетической сущности искусства в целом — таков, повторяем, совершенно правильный подход к исследованию данной проблемы.

В чем же суть концепции эстетической сущности искусства, изложенной в книге А. И. Булова? Вслед за постановкой вопроса и определения путей его решения, данных во введении и в первой главе, А. И. Буров во второй главе определяет, по его мнению, специфический предмет, или объект, искусства, причем, предмет познания, а не изображения. *«Специфическим объектом искусства, — пишет А. И. Буров, — является человеческая жизнь, точнее — общественный человек в живом единстве общественного и личного, в том единстве, которое свойственно ему по его объективной человеческой сущности»* (стр. 136). Со специфическим предметом искусства связывается художественное содержание, которое является отражением специфического предмета с позиций определённых общественных идеалов. Специфическим же предметом искусства определяются особенности художественного мышления, которые рассматриваются А. И. Буровым в третьей главе книги.

В разделах работы А. И. Булова, посвященных специфическому предмету искусства, его содержанию, особенностям художественного мышления и составляющих почти треть работы, очень мало говорится об эстетическом. Если же понятие «эстетическое» и встречается, то воспринимается подобно *x* в еще не решенном уравнении. В четвертой главе мы узнаем, что до сих пор «говорили прозой»: оказывается специфический предмет искусства — человек — и есть, говоря словами А. И. Булова, «абсолютный эстетический предмет». Следовательно, сущность искусства, отражающего этот «абсолютный эстетический предмет» в качестве специфического предмета, есть сущность эстетическая, и специфическая функция искусства, рассматриваемая в последней пятой главе, есть тоже функция эстетическая. Такова в кратце логи-

чески-стройная концепция книги «Эстетическая сущность искусства».

Но суть дела заключается не просто в том, чтобы *назвать* эстетической сущность искусства. Главная задача исследования эстетической сущности искусства заключается в выяснении того, в чём именно состоит *эстетическая* сущность искусства. Исходя из этого, необходимо разобраться в том, каково значение *х*, называемого «эстетическим», содержится в книге А. И. Бурова. Только в этом случае можно определить отношение к данной концепции эстетической сущности искусства в целом.

Прежде всего остановимся на вопросе о предмете искусства, ибо в нём основной узел проблемы. А. И. Буров, как мы видели, усматривает специфику предмета искусства в отличие от предмета науки в том, что этот предмет — человек. Такое понимание предмета искусства, бесспорно, отличает предмет искусства от предмета естественных наук, направленных на изучение природных явлений. В чём же отличие предмета искусства от предмета общественных наук, рассматривающих человека во всех его общественных отношениях? А. И. Буров считает, что положение, взятое им у Н. Г. Чернышевского: «в искусстве берётся жизнь человека, а в общественных науках жизнь общества» «достаточно, чтобы, с одной стороны, исключить отождествление искусства и общественных наук по содержанию, объяснить бросающуюся в глаза специфичность их содержания, и, с другой стороны, обосновать общественный характер содержания и общественное значение искусства» (стр. 93). В книге неоднократно подчёркивается синтетичность, целостность предмета познания в искусстве в отличие от предмета общественных наук, по А. И. Бурову, только аналитически изучающих общественную жизнь (см. стр. 87, 137, 277).

Нам представляется такое понимание специфики предмета искусства, по крайней мере, неточным, уже потому, что оно исходит из неверного распределения анализа и синтеза между наукой и искусством, тогда как анализ и синтез неразрывно связаны как в науке, так и в искусстве. К. Маркс во «Введении к «Критике политической экономии»» глубоко показал, что процесс научного познания необходимо ведёт к «воспроизведению конкретного путём мышления», что в этом процессе создаётся «конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности».⁴ Например, такой «конкретной целостностью» является картина капиталистического общества, воспроизведённая К. Марксом в III томе «Капитала». Дело вовсе не в том, что предмет как целое существует для искусства и не существует для науки, а в том, какие свойства этого целого и, в соответствии с этим, каким способом осваивается оно в том и другом случае. «Целое, — писал К. Маркс о методе научного по-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 191—192.

знания, — как оно представляется в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственным возможным для нее способом, способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения этого мира».⁵ Следовательно, целостность какого бы то ни было предмета-объекта (отдельного человека или определённого общества) не может характеризовать специфику данного предмета для искусства. Кстати говоря, человек как целое является предметом таких наук, как психология, педагогика, этика. Нельзя согласиться с А. И. Буровым в том, что искусство в отличие от психологии «берет душевные процессы иначе — в плане их социального качества, интимно-человеческого и гражданского значения» (стр. 132). Марксистская психология должна рассматривать душевные процессы именно, говоря словами Букова, «в плане их социального качества, интимно-человеческого и гражданского значения».

С другой стороны, искусство, как и наука, отражает действительность не только синтетически, но и аналитически. Встав на точку зрения единого в своей синтетичности предмета искусства, невозможно понять, почему же существуют разные виды искусства, различные жанры тех или иных видов искусства.

И действительно, если все виды искусства имеют один и тот же предмет отражения, то спрашивается, в чем же отличие одного вида искусства от другого? Этот вопрос вообще обойдён в книге А. И. Букова. Но на стр. 72 книги «Эстетическая сущность искусства» отмечается, что переживание, выраженное в картине Левитана «Над вечным покоем», может быть выражено в музыке «во всем своем богатстве и сложности». Итак, получается, что различие между живописным и музыкальным произведениями только в форме выражения. Но ведь это же означает отказ от важнейшего принципиального положения, справедливо подчеркиваемого самим А. И. Буровым: специфика предмета обуславливает специфику содержания, а затем и формы искусства!

Практически же определение А. И. Буровым специфики предмета искусства мало что дает как для понимания произведений искусства, так и для художественного творчества, ибо это определение оставляет в тени вопрос: ка к и е же свойства живого человека, да и вообще всей действительности, являются предметом искусства? Более того, определение специфики предмета искусства как предмета целостного и синтетического может привести, как этого правильно опасается и сам А. И. Буров в примечании на 277 странице своей книги, к требованию обязательно в любом произведении всестороннего изображения человека. К сожалению, в ряде произведений мы видим попытку «объять необъятное», любым способом «сочетать» в изображении личное и общественное, в результате чего имеет место не связь, а разрыв личного с общественным, ибо обычно в этих произведениях личное дается само по себе (часто переходя в сентиментальность), а обществен-

⁵ Там же, стр. 192.

ное само по себе. Такого рода недостатки свойственны, например, кинофильмам «Крутые горки» и «Дорога правды», выпущенным киностудией «Ленфильм», в которых личное и общественное в жизни главных персонажей, как две параллельные, сосуществуют не пересекаясь.

Если в статье «О специфике содержания и формы в искусстве» («Вопросы философии», 1953 г., № 5), как мы выше видели, А. И. Буров считал, что эстетическое значение предмета искусства не составляет его специфики, то в четвертой главе книги мы узнаём, что человек, который как целостный и синтетичный является специфическим предметом искусства, есть «абсолютный эстетический предмет» (стр. 199). На первый взгляд кажется, что А. И. Буров теперь-то и подходит к определению тех свойств, а именно свойств эстетических, которые и составляют специфический предмет искусства. Но, к сожалению, это только кажется.

Спору нет, искусство отражает действительность, и во всем многообразии явлений действительности человек есть главный предмет искусства. Но, как мы стремились показать, человек не может считаться специфическим предметом искусства. Заблуждение А. И. Бунова состоит в том, что он на основании того, что человек является г л а в н ы м п р е д м е т о м искусства сделал вывод, по которому человек — с п е ц и ф и ч е с к и й п р е д м е т искусства. Специфическим предметом искусства, очевидно, следует признать те стороны, свойства действительности, к которым искусство обращается, в отличие от других форм общественного сознания, для осуществления своей специфической общественной функции. Такой специфической общественной функцией искусства является эстетическое, то есть идейное, эмоциональное и волевое воспитание человеческой личности. Именно поэтому искусство обращается к эстетическим свойствам действительности, ибо эстетические свойства прекрасного и отвратительного, возвышенного и низменного, трагического и комического во всем многообразии их оттенков способны вызывать к себе определенное идейно-эмоциональное, эстетическое отношение. Поэтому т о д е й с т в и т е л ь н о с т ь в её эстетическом значении, в её эстетических свойствах и есть с п е ц и ф и ч е с к и й п р е д м е т искусства. Эстетическое свойство может быть предметом искусства потому, что оно объективно, существуя независимо от сознания и воли человека. Объективность эстетического свойства, во-первых, определяется тем, что по своей форме эстетическое свойство явления есть природная сторона этого явления; во-вторых, по своему содержанию, эстетическое свойство явления — это совокупность общественных отношений, которые «аккумулируются» этим явлением в о б ъ е к т и в н о м процессе общественно-исторической практики человечества.⁶ Но для

⁶ Более подробно вопрос об эстетическом свойстве см. в нашей статье «Об эстетических свойствах действительности» («Вопросы философии», 1956 г., № 4).

А. И. Бурова эстетические свойства не объективны. Отрицая же объективность эстетических свойств, А. И. Буров тем самым отрицает их и как предмет отражения в искусстве.

Отрицание объективности эстетических свойств действительно А. И. Буровым очевидно проявляется при характеристике им сущности красоты. Полемизируя с Д. Дидро, А. И. Буров утверждает, что красоты «как «чисто» объективной, абсолютной красоты в себе, строго говоря, не существует» (стр. 185). Это утверждение не является оговоркой, вскользь брошенным замечанием, оно обосновывается сопоставлением истины и красоты. Для А. И. Бурова истина и красота, как и добро, явления одного порядка: *«Отражённую в сознании закономерность определённого качества мы называем красотой»*. Красота то же, что истина, но это именно истина особого качества как по предмету, так и по вызываемому им состоянию субъекта» (стр. 185). Следовательно, красота, как и истина, не существуют объективно, т. е. независимо от субъекта. Мы говорим об объективной истине (далее А. И. Буров пытается сравнивать объективность красоты с объективностью истины) не в том смысле, что эта истина существует объективно без субъекта, а в том что с о д е р ж а н и е истины, которая является субъективным образом объективного мира, не зависит от человека и человечества.⁷

Характеризуя красоту как истину, А. И. Буров в качестве объективного содержания красоты определяет «полноту жизни», отношение к которой субъекта и даёт прекрасное (см. стр. 189, 240). Определить, что А. И. Буров понимает под «полнотой жизни», довольно трудно, так как в одном случае — это совершенствование жизни в процессе её естественной эволюции (стр. 192), в другом случае — это «реальные потребности жизни (ее реального движения к полноте проявления)» в процессе исторического развития (стр. 191), в третьем случае — это «живая целостность, как единство телесного и духовного» (стр. 202), в четвёртом — «жизнь ума и сердца» и «трудовая творческая деятельность» (стр. 199). Исходя из того, что «полнота жизни» проявляется в наибольшей степени в человеке, А. И. Буров и определяет человека как высшую красоту действительности и «абсолютный эстетический предмет» (стр. 199), забывая, что критиковал Дидро за признание объективной и абсолютной красоты.

А. И. Буров правильно считает, что до человеческого общества красота не могла существовать. Говоря о так называемой «формальной красоте», он на основе некоторых известных высказываний К. Маркса из философско-экономических рукописей 1844 года, хорошо показал роль практической деятельности человека в образовании предмета эстетического отношения. Если бы А. И. Буров последовательно исходил из этих положений К. Маркса, и не только при характеристике формальной красоты,

⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.

а вообще прекрасного, он бы пришёл к правильному пониманию объективности эстетического и, в частности, прекрасного.

К. Маркс подчёркивает, что в процессе объективной общественно-исторической практики, прежде всего трудовой практики, возникает предмет всех, в том числе и эстетических, человеческих чувств. Приведём высказывание К. Маркса из подготовительных работ к «Святому семейству», которое, нам кажется, глубоко не осмыслено в книге А. И. Бурова: «Только благодаря (предметно) объективно развёрнутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной *человеческой* чувственности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы, — словом, отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться *чувства*, чувства, которые утверждаются как *человеческие* существенные силы. Не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.). одним словом, *человеческое* чувство, человечность органов чувств, возникают только благодаря бытию *их* предмета, благодаря *очеловеченной* природе».⁸

Неправильно было бы считать, что «очеловеченная природа» не объективна потому, что она создаётся человеческой деятельностью. У нас часто неверно трактуется понятие объективности. Определение объективности природных явлений, которые существуют независимо от человека и даже до человечества, понимают порой как общее определение объективности. Но ведь с точки зрения исторического материализма объективными являются и общественные отношения, поскольку они складываются независимо от сознания и воли человека, хотя, разумеется, и речи быть не может о том, что общественные отношения существуют до человечества или без человека. Под объективностью того или иного общественного явления следует понимать существование этого явления независимо от сознания и воли человека, субъекта. Законы общественного развития объективны, хотя это развитие осуществляется людьми, так как законы общественного развития действуют независимо от сознания и воли человека. Например, объективна стоимость товара, хотя она не могла существовать до человечества и даже до товарного производства. Так же объективно «очеловечивается» природа в процессе общественно-исторической практики, совершающейся по объективным законам общественного развития. Независимо от воли и сознания людей в силу потребностей общественно-исторической практики те или иные явления действительности включаются в систему общественных отношений, приобретают определённое общественное значение и содержание, затем уже отражаемое сознанием человека. Эта «очеловеченная природа», объективное проявление в кон-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 627.

кретно-чувственных явлениях общественных отношений — и есть объективно существующие эстетические свойства действительности, которые и составляют специфический предмет искусства.

Ошибка А. И. Бурова, на наш взгляд, в том и состоит, что он не видит объективности эстетических свойств и по существу переходит на позицию субъективно-идеалистической теории «вчувствования», по которой человек своим сознанием наделяет предметы эстетическими свойствами, объективно ими не обладающими. «Можно утверждать, — пишет А. И. Буров, — что в любой практической деятельности человека предмет становится прекрасным лишь постольку, поскольку человек узнает в нем самого себя, свои творческие возможности, богатство своей человеческой сущности» (стр. 222). Выходит, что до узнавания человеком самого себя в предмете предмет не был прекрасным. А. И. Буров непозволительно отождествляет объективное «очеловечивание» природы в процессе практической деятельности людей с субъективным восприятием природы человеческим сознанием. Но ведь недопустимо отождествлять общественное бытие с сознанием как индивидуальным, так и общественным. Считая эстетическое своего рода «принципиальной координацией» между субъектом и объектом, А. И. Буров сплошь и рядом субъективное эстетическое восприятие не отличает от объективного эстетического свойства, восприятие красоты от самой красоты. Красота объявляется стороной эстетической оценки (см. стр. 205), в понятие прекрасного вводится понятие эстетического идеала (см. стр. 240). Подводя итоги своим рассуждениям о сущности эстетического и прекрасного, А. И. Буров пишет: «Итак, прекрасное есть в своей основе объективное качество, но оно (это качество) не реализуется без субъекта именно как прекрасное» (стр. 240), т. е., прекрасное, по А. И. Бурову, не объективно, ибо без субъекта оно не реализуется.

На наш взгляд, одной из причин отрицания А. И. Буровым объективности эстетических свойств является смешение двух смыслов понятия «субъект». Под субъектом иногда понимают общество в целом, но также субъектом называют отдельного человека. Следует чётко различать понятие «субъект» как в первом, так и во втором смысле. Дело в том, что общество порой называют субъектом по отношению к природе, но по отношению к человеческой личности общество есть объект. Кроме того, общество не есть механическая сумма субъектов-индивидуумов. Исторический материализм показал, что общество не субъективное явление, оно объективно, так как развивается по объективным законам общественного развития. Возможно, А. И. Буров, говоря о субъективности прекрасного имел в виду «субъект» как общество в целом, а под «объективным» понимал природу. Но и в таком случае формула «прекрасное есть в своей основе объективное качество, но оно (это качество) не реализуется без субъекта как прекрас-

ное» неверна, ибо получается, что общество-субъект только реализует прекрасное, тогда как на самом деле прекрасное как объективное качество возникает в обществе. А. И. Буров же вообще нигде не оговаривает, что именно он понимает под субъектом. А потому правомерно полагать, что под субъектом в книге А. И. Букова понимается также и сознательный индивидуум, тем более, что А. И. Буров неоднократно говорит о человеке-субъекте в процессе эстетического переживания. Но эстетическое переживание возможно только в индивидуальном сознании.

Точка же зрения, по которой прекрасное «не реализуется» без субъекта-индивидуума, если её логически последовательно проводить, ведет неизбежно к субъективизму и релятивизму, от чего не спасут никакие оговорки. И на самом деле, если прекрасное — это мое восприятие предмета, то один Я — носитель прекрасного и единственный критерий его истинности. Только стоя на точке зрения объективности эстетических свойств, в частности, прекрасного, которые образуются в объективном процессе общественно-исторической практики, можно определить истинность одного и ложность другого эстетического восприятия и переживания.

Кроме того, отрицание объективности эстетических свойств не дает возможность А. И. Букову вскрыть в полной мере специфику эстетического, ибо корень её не в субъекте, а в объекте. «Человек есть абсолютный эстетический предмет» — неоднократно читаем мы в книге «Эстетическая сущность искусства». Но ведь человек есть и абсолютный этический предмет и т. п.! И не случайно А. И. Буров превращает единство эстетического и этического в полное тождество, утверждая, что «оценивая предмет эстетически (не только по форме, но и по содержанию), мы обязательно включаем в суждение момент нравственной оценки, потому что исходим мы всегда из критериев человеческой жизни как абсолютного эстетического предмета» (стр. 201). На самом же деле, разве красота солнца означает его нравственность или отвратительность медицинской пиявки — её безнравственность?!

Из специфики предмета искусства А. И. Буров стремится вывести специфику художественного образа, необходимость художественно-образного отражения действительности. Но, нам представляется, это ему не удалось осуществить в полной мере именно из-за неразработанности вопроса об эстетической специфике самого предмета искусства. Правильно критикуя тех, кто противопоставляет художественное познание абстрактно-логическому, А. И. Буров в свою очередь стремится доказать, что в основе образа лежит понятие (см. стр. 131), считая, что «только понятие охватывает наиболее общие, существенные признаки предметов и процессов» (стр. 143). Здесь А. И. Буров допускает серьёзную ошибку, смешивая различные вещи: абстрактно-логическое мышление и одну из его форм, каковой является понятие. В высказываниях В. И. Ленина из «Философских тетрадей», которые приводит А. И. Буров, речь идёт не о понятии, а об абстракции, об

обобщении.. К сожалению, А. И. Буров не приводит мыслей В. И. Ленина из «Философских тетрадей» о различных формах мышления, одной из которых является понятие.⁹ Даже формы научного мышления не ограничиваются только понятием. Кроме понятия, логика знает такие формы мышления, как суждения и умозаключения. Что же касается искусства, то в нём абстрактно-логическое мышление имеется не в формах понятий, суждений и умозаключений, а в форме художественных образов. Это не значит, что понятия, суждения и умозаключения отличаются от художественного образа только по форме. Различие их формы обусловлено различием их содержания и предмета познания. Так, только художественный образ способен отразить эстетические свойства действительности. Эстетические свойства предмета или явления есть, как мы видели выше, единство общественного содержания предмета или явления с его конкретно-чувственной формой. Отразить это единство невозможно в понятии, которое фиксирует только общее в предметах и явлениях, но возможно в художественном образе, который способен отразить как общую, так и конкретно-чувственную, индивидуальную сторону явлений и предметов.

Отождествляя абстрактно-логическое мышление с его понятийной формой, А. И. Буров неверно трактует и сущность самого понятия. «Отражая наиболее существенное, — пишет он, — общее, понятие включает в себя и особенное и даже единичное» (стр. 151) Так обстояло дело в объективно-идеалистической системе Гегеля, для которого понятие не отражение действительности, а наоборот, бытие и сущность — только моменты становления понятия.¹⁰ Но с точки зрения диалектического материализма понятие не существует объективно и потому не может включать в себя всё богатство особенного и единичного. Понятие — субъективное отражение только объективно существующего общего, существенного в явлениях действительности. В. И. Ленин писал, что бессмысленна попытка «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, — попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что такое наука...»¹¹

Положение А. И. Бунова о том, что в основе образа лежит понятие, не только, как мы видим, теоретически несостоятельно, но и ни в коем случае не должно быть приемлемо для художественной практики. Как это ни странно, этим своим положением А. И. Буров «ликвидирует» специфику художественного познания, за которую неоднократно и справедливо ратует в своей книге. И правда, если понятие считать основой художественного образа, то это означает низводить художественный образ до роли

⁹ См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947. стр. 157.

¹⁰ См. Гегель, Соч., т. VI, стр. 1.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 130.

иллюстрации общих понятий. А такое использование художественного образа и есть основной недостаток многих произведений нашего искусства, который нужно устранить, а не культивировать.

А. И. Буров рассматривает сущность искусства как эстетическую сущность. С этим можно согласиться, оговаривая то, что сущность самого эстетического, с нашей точки зрения, А. И. Буров понимает неправильно. Но дело в том, что не только сущность, но и специфика искусства А. И. Буров определяет как эстетическую (см. стр. 11). Когда мы говорим об эстетической сущности искусства, мы имеем в виду то, что искусство относится по своей природе к области эстетических явлений (как одна из форм эстетического отношения человека к действительности). Но ведь специфика искусства должна определять также отличие искусства от других эстетических явлений. Специфика явления и его сущность — это не одно и то же. Сущность у любого явления может быть разных порядков, характеризуя закономерную связь явления с различными областями действительности. В. И. Ленин отмечал, что бесконечный процесс углубления познания человеком вещей, явлений идет «от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности».¹² Специфика явлений не есть его любая сущность. Специфическая сущность — это сущность, характеризующая отличие явления от всех других явлений. Говоря же, что сущность искусства эстетическая, мы только определяем связь искусства с другими эстетическими явлениями, но еще не определяем специфику самого искусства как одного из эстетических явлений.

В чем же специфика искусства? В отличие от эстетических свойств действительности, которые образуются объективно, искусство есть результат сознательной деятельности человека. Поэтому искусство не просто эстетическое, а *художественное* явление. *Художественное же есть не просто эстетическое, а один из видов эстетического — эстетическое, отраженное человеком и выраженное в человеческой деятельности.* Следовательно, специфическая сущность искусства не только эстетическая, но и художественно образная¹³ Непонимание объективности эстетических свойств не дало возможность А. И. Бурову раскрыть понятие художественности и тем самым определить специфическую сущность искусства.

В отношении концепции А. И. Букова настораживает следующее обстоятельство: фактический материал искусства рассматривается, как правило, очень бегло и подобран таким образом, чтобы проиллюстрировать те или иные положения книги. С тем же материалом, который противоречит концепции, поступает по принципу: тем хуже для фактов. Так поступил А. И. Буров, «отлучив» от высокого искусства архитектуру и прикладное искусство.

¹² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 193.

¹³ Критика положения А. Букова об эстетической, а не художественной сущности искусства дана обоснованно в книге В. Ванслова «Проблема прекрасного» (Госполитиздат, 1957, стр. 217—218).

В настоящей статье нет возможности обстоятельно рассмотреть вопрос о сущности архитектуры и прикладного искусства. Это тема большого самостоятельного исследования. Мы только остановимся на вопросе, прав ли А. И. Буров, не считая с точки зрения своей концепции эстетической сущности искусства архитектуру и «так называемое» прикладное искусство за собственно искусство.

А. И. Буров ссылается на авторитет Н. Г. Чернышевского, который, как известно, не считал архитектуру и прикладное искусство искусством. Мы же не можем не согласиться с теми исследователями эстетики Н. Г. Чернышевского, которые в отрицании Н. Г. Чернышевским прикладного искусства и архитектуры как искусства видели проявление не силы, а слабости эстетического учения великого революционного демократа. Н. Г. Чернышевский метафизически понимал процесс отражения действительности в искусстве только как процесс воспроизведения действительности в искусстве. Разумеется, ни архитектура, ни прикладное искусство не могли для него быть искусством, поскольку они не воспроизводят жизнь.

Подобным же образом А. И. Буров аргументирует свои положения относительно архитектуры и прикладного искусства. А. И. Буров различает обиходную эстетическую деятельность, или эстетическое творчество первого порядка, и собственно искусство, являющееся высшей эстетической деятельностью. Различие между эстетическими деятельностями первого и второго порядка состоит в том, что «в первом случае мы имеем дело не более как с ощущением человеческих сущностей в предмете, со смутным и неопределённым намеком на них, во втором же случае речь идет о ясном и отчетливом выявлении, познании их через воспроизведение самого человека или предметов его окружения». (стр. 225). Поэтому-то ни «так называемое» прикладное искусство, ни архитектура не относятся к «собственно искусству», ибо в них нет воспроизведения человека или его окружающих предметов. И в «так называемых» прикладных искусствах и архитектуре, по мнению А. И. Букова, эстетическое, хотя и имеет место, но «должно быть выражением утилитарного, следствием и проявлением совершенства предмета (наивысшего соответствия содержания и формы, назначения и исполнения)» (стр. 226).

Отрицанию архитектуры как искусства, признанию второстепенности эстетического в архитектуре А. И. Буров стремится найти подтверждение в решениях Всесоюзного совещания строителей в декабре 1954 года, направленных против излишеств в архитектуре и за внедрение в строительство индустриальных методов. А. И. Бурову кажется, что его понимание архитектуры, ликвидация «проблемы» архитектуры будет иметь большое значение, т. к. «теоретики архитектуры перестанут, наконец, ориентировать мастеров архитектуры на «собственно художественное» творчество в ней» (стр. 238—239). Поскольку архитектура не искус-

ство, А. И. Буров считает бессмысленным определять в архитектуре «реализм», «художественный образ» и даже идейность (см. 227, 237, 239 стр.).

Охарактеризованное отношение А. И. Булова к архитектуре и прикладному искусству (которые он совершенно правильно считает близкими по своей сути) является логическим следствием, вытекающим из его концепции эстетической сущности искусства. Понятно, что живой синтетичный и целостный человек, — по А. И. Бурову, специфический предмет искусства — не может быть воспроизведён в архитектуре и прикладном искусстве. Ясно, что понятие, которое, по теории А. И. Булова, должно лежать в основе художественного образа, не сформулируешь чисто архитектурными средствами.

Бесспорно, что архитектурное сооружение имеет прежде всего утилитарную функцию — это или жилой дом, или общественное здание, или усыпальница и т. д. Более того, только на основе этой утилитарной функции и возможно эстетическое значение данного сооружения. Но странным и нелогичным представляется утверждение А. И. Булова, так хорошо показавшего несостоятельность кантианского понимания сущности эстетического, о второсортности эстетического как выражения утилитарного! Эстетическое значение архитектурного произведения делает его произведением искусства, ибо это эстетическое значение получается не просто как «отход» производства, а в результате сознательной деятельности, стремящейся выразить в сооружении определённое идейно-эмоциональное содержание. Притом, это идейно-эмоциональное содержание выражается не только с помощью скульптуры и живописи, но и собственно архитектурными средствами, главным образом, через определённую архитектурную трактовку назначения данного сооружения. Конечно, идейно-эмоциональное значение архитектурного произведения отличается от идейно-эмоционального содержания других видов искусства, да и иначе и быть не может, поскольку различие форм видов искусства предполагает различие их содержания. А. И. Буров, следуя своей теории художественного образа, стремится доказать неопределённость и примитивность идей, выражаемых архитектурой, и, следовательно, отсутствие художественного образа в архитектуре. Но эмоциональная сторона содержания архитектуры даже не принимается им в расчёт. Таким образом можно было бы «отлучить» от искусства и музыку, в которой содержание художественного образа при всём желании не сведёшь к понятиям! Для понимания специфики идейно-эмоционального значения архитектуры необходим конкретно-исторический подход к архитектурному творчеству, который отсутствует в книге А. И. Булова. Если подходить с одним эталоном, скажем, к высотному зданию у Красных ворот, у которого площадь рабочих помещений составляет 28,1 процента от общестроительной площади, и к Храму Василия Блаженного, то последний тоже не выдерживает никакой критики, ибо пло-

щадь его «рабочих» помещений тоже имеет незначительный процент в сравнении с «общестроительной площадью»!

Специфика архитектуры как вида искусства состоит в том, что она использует в качестве своего материала эстетическое значение строительной деятельности человека. Показательно, что новые архитектурные формы возникают в связи с новой конструкцией, хотя впоследствии они могут обладать относительной самостоятельностью. Так, знаменитый классический ордер, по мнению многих исследователей, возник первоначально в связи с балочно-стоечной конструкцией. Относительная самостоятельность архитектурных форм часто проистекает из того, что те или иные архитектурные формы ассоциируются с общественным назначением здания, в ходе строительства которого они возникли, и затем уже используются в других строениях самостоятельно, т. е. вне связи с конструкцией, а как имеющие определенный общественно-художественный смысл. Эстетическое значение произведение архитектуры, в силу специфики архитектуры, не может получить вне связи со строительством и с общественными задачами данного строительства. Попытки рассматривать архитектуру как символично-изобразительное искусство потерпели полный провал на практике, например, театр в виде трактора в Ростове-на-Дону. Формалистические и эстетские (не эстетические!) тенденции, имевшиеся в работах многих наших архитекторов, заключались не просто в повышенном внимании к эстетическому в архитектуре, а в неверном понимании эстетического в архитектуре, в игнорировании связи эстетического значения архитектуры как искусства и новых методов строительства, в сведении архитектурного творчества к чисто внешнему украшательству. Эти тенденции и были подвергнуты резкой и справедливой критике как на Всесоюзном совещании строителей, так и в Постановлении ЦК КПСС по вопросам строительства и архитектуры. И на совещании строителей и в Постановлении ЦК КПСС корень ошибок наших архитекторов усматривался не в определении архитектуры как искусства, а в игнорировании специфики архитектуры как искусства, эстетическое в которой не может существовать вопреки утилитарному, и в дурных, мешанских вкусах ряда архитекторов.

Проблема специфики архитектуры — сложная и малоработанная проблема. Разрешить её, конечно, труднее, чем ликвидировать. От такой ликвидации, возможно, и выиграет иная концепция, но безусловно проиграет прикладное искусство и архитектура, которым необходимы художники не меньшего таланта, чем в других видах искусства.

Всё вышесказанное не означает, что в книге А. И. Букова нет правильных положений, интересных соображений и наблюдений. Они имеются даже в большем количестве, чем во многих других трудах по эстетике. Повторяем, что сама постановка вопроса об эстетической сущности искусства в книге, на наш взгляд, является единственно возможной. Но решение вопроса, выраженное в

концепции А. И. Букова, вызывает серьёзные выражения как с теоретической точки зрения, так и в практическом отношении. Деловое обсуждение вопросов, поднятых в книге «Эстетическая сущность искусства», поможет разрешению проблем сущности и специфики искусства, что может быть сделано только коллективными усилиями.

НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ВНУТРИ НАРОДА

Лин Чжень (Пекин)

На заседании Высшего Государственного Совета товарищ Мао Цзэ-дун выдвинул вопрос о правильном подходе к противоречиям внутри народа. В настоящее время это чрезвычайно важный вопрос политической и общественной жизни. Этот вопрос имеет огромное практическое значение. Здесь я хочу изложить личное понимание этого вопроса.

1. Различные типы противоречий.

Противоречия между врагами и нами и противоречия внутри народа являются различными противоречиями, имеющими различный характер. Противоречия между врагами и нами представляют собой противоречия конкретного столкновения классовых интересов угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, это — антагонистические противоречия. Противоречия внутри народа возникают не из-за коренного столкновения классовых интересов, а из-за противоречий между правильными и ошибочными мнениями; из-за противоречий между интересами, носящими частичный характер. Противоречия внутри народа, если мы имеем в виду противоречия между трудящимися, являются неантагонистическими противоречиями. У нас противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией, которая входит в понятие народ, являются сами по себе антагонистическими. Однако в конкретных условиях нашей страны, если соответствующим образом регулировать эти противоречия между указанными классами, они могут превратиться в неантагонистические, могут быть разрешены мирным путём.

Эти различные противоречия, имеющие различный характер, существуют одновременно в классовом обществе. Господствующие эксплуататорские классы всегда угнетают, порабащают и эксплуатируют трудящиеся массы всеми средствами, а трудящиеся стремятся свергнуть господство эксплуататорских классов с тем, чтобы отстоять свои интересы, освободиться от угнетения и эксплуатации. Поэтому в классовом обществе противоречия

между эксплуататорами и трудящимися являются выражением непримиримых классовых интересов, противоречиями между врагами и нами. А противоречия внутри народа (противоречия между рабочим классом и крестьянством) должны подчиняться общим интересам борьбы против врага, т. е. противоречиям между врагами и нами.

Однако до появления на исторической арене марксистской партии трудящиеся сами не могли выяснить различные противоречия, имеющие разный характер. Для того, чтобы сохранить и укрепить свои интересы, господствующие классы, кроме подавления народа, всегда провоцировали враждебные отношения внутри народа, создавали конфликты и расширяли противоречия, а причины всякого недовольства в народе объясняли наличием этих противоречий. Хотя такие происки господствующих классов не могли вполне скрыть их эксплуататорскую сущность, и борьба народа против эксплуататорского господства (восстания народа, забастовки рабочих и т. д.) никогда не прекращалась в классовом обществе, эти происки врагов были направлены на раскол сплоченности внутри народа, на смягчение классовой борьбы против эксплуататоров. После появления марксистской партии на исторической арене дело обстоит иначе. Опираясь на марксистскую теорию и свою программу, компартия ведёт пропаганду среди рабочего класса и трудящихся, вскрывает сущность эксплуататорских классов, их происки и обманы, указывает народу направление борьбы и активно мобилизует широкие народные массы на борьбу против эксплуататоров. Это означает проведение чёткой грани между врагами и нами, в ы я в л е н и е п р о т и в о р е ч и й между врагами и нами и противоречий внутри народа, сознательно смешанных эксплуататорскими классами. Партия воспитывает народ в понимании того, что разрешение противоречий внутри народа должно подчиняться общим интересам борьбы против врага.

В процессе развития китайской революции компартия Китая, опираясь на рабочий класс, создала прочный союз рабочих и крестьян, сплотила все силы в стране, которые можно было сплотить, и тем самым нанесла поражение коварному империализму, феодализму и бюрократизму и одержала победу над врагами. Победа китайской революции показала, что когда существуют враги, надо проводить чёткую грань между врагами и нами, разбираться в противоречиях между врагами и нами и в противоречиях внутри народа и знать, что разрешение противоречий внутри народа должно подчиняться общим интересам борьбы против врага. Это основной принцип, обеспечивающий победу революции. Рассматривая также международный вопрос и анализируя международные дела, мы не можем отрывать от данного высшего принципа. Статья «Ещё раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» совершенно правильно отмечает, что «мы никогда не должны забывать, что острая борьба между врагами

и нами — это классовая борьба в мировом масштабе». Нельзя отождествлять противоречия внутри народа и противоречия между нами и нашими врагами, нельзя смешивать эти противоречия, тем более нельзя ставить противоречия внутри народа выше противоречий между нами и нашими врагами. Это наш основной вопрос в отношении классовой борьбы в мировом масштабе.

2. После победы нашей революции ещё существуют противоречия внутри народа.

После победы нашей революции, в результате ожесточённой классовой борьбы (ликвидация остатков врагов, подавление контрреволюционеров и проведение аграрной реформы), социалистических преобразований в сельском хозяйстве, в кустарной и капиталистической промышленности и торговле — в конечном счёте разрешён вопрос «кто кого?». В настоящее время социалистические преобразования уже в основном завершены, уже созданы новые производственные отношения, классовая эксплуатация уничтожается. Как говорит Лю Шао-ци в политическом отчёте Центрального Комитета коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии, «период революционных бурь уже миновал». В этих новых исторических условиях политическое единство и сплочённость нашего народа полнее и крепче, чем когда-либо ранее. Под руководством компартии и народного правительства весь китайский народ развивает высокую активность, чтобы построить великую социалистическую державу. Всем известно, что социалистическое строительство отражает коренные интересы нашего народа, что каждый шаг в деле социалистического строительства означает новый рост потребностей народа. Однако это не означает, что с уничтожением, в основном, классовой эксплуатации и осуществлением социалистических преобразований в нашем обществе остается только единство, а противоречий нет и не будет дальше. По учению диалектического материализма, в вещах и явлениях существуют противоречия с начала и до конца процесса развития. Старые противоречия разрешаются, но появляются новые. В статье «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» говорится, что вследствие различного характера противоречий в различных обществах и метод разрешения противоречий будет разным, но развитие общества всегда происходит в противоречиях. В социалистическом обществе антагонистические противоречия между нами и врагами постепенно уничтожаются. Однако это — разрешение старых противоречий, а не конец противоречий вообще в процессе развития общества. В упомянутой статье указывается, что люди живут в обществе и общественные противоречия отражаются на них в различном виде и в различной степени. Поэтому даже в коммунистическом обществе не все люди будут лишены недостатков. У людей будут свои противоре-

чия, будут хорошие люди и плохие, будут люди со сравнительно правильными взглядами и люди со сравнительно неправильными взглядами. Поэтому среди людей также будет идти борьба, однако сущность и формы её будут отличны от борьбы в классовом обществе.

В настоящее время в китайском обществе все-таки остаются противоречия между врагами и нами и противоречия внутри народа. Однако благодаря изменению соотношения классовых сил в стране всё более уменьшается социальная база контрреволюции. Следовательно, уже меньше стали проявляться, отошли на второй план противоречия между врагами и нами. И теперь, когда, с одной стороны, нам надо ещё сохранять бдительность в отношении подрывной деятельности со стороны врага, а с другой стороны, мы получаем возможность ещё лучше разрешать противоречия внутри народа, могут хорошо развиваться активность и инициатива народа в деле строительства социализма.

С постепенным уменьшением и уничтожением антагонистических противоречий между врагами и нами проявляются противоречия внутри народа. Это — необходимая закономерность развития нашего общества от низшего этапа к высшему, и в этом нет ничего удивительного. Но некоторые наши товарищи никак не могут привыкнуть диалектически рассматривать этот вопрос. Они считают, что уничтожение антагонистических противоречий между врагами и нами — конец движению противоречий, что в социалистическом обществе существует лишь единство и не будут иметь место противоречия. Это не соответствует диалектическим закономерностям. Диалектика считает, что единство и противоречие неразрывны. Никогда не будет единства без всякого противоречия. Если бы противоречия уничтожились, то не стало бы и единства. Нельзя представить себе, что в социалистическом обществе Китая совпадение коренных интересов народа исключает противоречия. Также нельзя представить себе, что старые противоречия уже разрешены, а новые противоречия не будут появляться. Мы не боимся противоречий. Мы получаем высшее единство в непрерывном разрешении противоречий внутри народа. Вместе с этим мы знаем, что противоречия внутри народа в нашей стране есть не только сегодня, но существовали и раньше. Только тогда существовал ещё сильный враг, и противоречия между врагами и нами занимали главное место, а противоречия внутри народа не так ясно проявлялись, как сегодня. Поскольку антагонистические противоречия между врагами и нами в основном уже разрешены в пределах нашей страны, то противоречия внутри народа, естественно, проявляются более яснее. Те, которые рассматривают вопрос недиалектически, не могут дать правильного анализа противоречий внутри народа и правильно подойти к ним, а, следовательно, и разрешить противоречия внутри народа. А так как для них все противоречия сводятся к классовой борьбе, то они фактически смешивают противоречия между врагами и нами с проти-

воречиями внутри народа. Это наносит ущерб разрешению противоречий внутри народа, сплочению всего народа в стране, привлечению всех активных элементов к участию в социалистическом строительстве. Чтобы правильно подойти к противоречиям внутри народа, имеющимся в нашем обществе в настоящее время, мы должны серьёзно изучить этот вопрос с точки зрения марксизма-ленинизма, проанализировать характер противоречий внутри народа и разные их проявления во всех областях жизни, проанализировать источник возникновения этих противоречий и найти метод правильного их разрешения.

Когда мы изучаем противоречия внутри народа, проявляющиеся в развитии нашего общества, тогда реакционные газеты за границей клеветают на нас. Они пишут, что в нашей стране возникают теперь «серьёзные кризисы», что противоречия внутри народа у нас — «антагонистические противоречия», что наша власть не укрепляется. Реакционные элементы никогда не видят и не хотят видеть развитие нашего общества как объективный факт. Используя некоторые общественные явления, существующие в эксплуататорском обществе, они произвольно объясняют явления, возникающие в нашем социалистическом обществе. Нам известно, что в капиталистическом обществе пролетариат и буржуазия находятся в антагонистических отношениях. Противоречия между ними являются столкновением коренных классовых интересов, т. е. антагонистическими противоречиями. Они могут быть разрешены только тогда, когда пролетариат и трудящиеся ликвидируют власть эксплуататоров. В нашем же социалистическом обществе существует диктатура пролетариата. Поскольку наша власть — власть народа, постольку народ имеет право на широкую свободу и демократию. С уничтожением реакционных сил и изменением классовых отношений народ всё больше и больше пользуется свободой и демократией. Наша власть основывается на этой прочной базе. Внутри же народа в стране также имеются противоречия, но они не возникают в результате коренного столкновения классовых интересов, тем самым они не являются антагонистическими. Эти противоречия постепенно разрешаются путём соответствующего регулирования соотношений внутри народа.

3. Анализ противоречий внутри народа в стране.

В нашей стране интересы народа в основе своей являются едиными, здесь нет коренного столкновения интересов ни между народными массами, ни между народом и правительством. Однако имеется возможность возникновения противоречий между теми или иными людьми, между одними и другими товарищами внутри партии. Всё это — противоречия внутри народа, и выражаются они во многих конкретных вопросах. Так, например, существует вопрос о ножницах между промышленными изделиями

и продуктами сельского хозяйства, вопрос об уровне жизни рабочих и крестьян и т. д., внутри рабочего класса стоит вопрос о денежном поощрении, вопрос о материальных благах и т. д.; внутри класса крестьян существует вопрос о распределении доходов, есть вопрос о противоречиях между сельским хозяйством и подсобными промыслами и т. д.; в национальных отношениях имеется вопрос о противоречиях между большими национальностями и малыми и т. д.; внутри компартии существует спор по поводу правильных и ошибочных мнений и другие; имеется вопрос о противоречиях накопления государственных средств и потребностями народа, существует вопрос о демократии и централизации, имеется вопрос о занятости народа, вопрос о поступлении школьников в среднюю и высшую школу и др. Все эти противоречия внутри народа проанализированы в статье «Ещё раз об историческом опыте диктатуры пролетариата»: «Обычно это — некоренные противоречия, они возникают не из-за коренного столкновения классовых интересов, а из-за противоречий между правильными и ошибочными мнениями или же из-за противоречий между интересами, носящими частичный характер.»¹ Сейчас я попытаюсь проанализировать источник противоречий внутри народа. Они в нашей стране имеют свои социальные корни. В настоящее время в нашем обществе в основном уничтожена классовая эксплуатация. Рабочий класс в стране является тружеником, живущим на заработную плату. Крестьяне, кустари, мелкие торговцы и лотошники в значительной степени являются кооперированными тружениками, они имеют средства производства и распределяют материальные блага разными способами; среди них есть труженики, которые имеют частные средства производства. Среди этих людей ещё есть сравнительно богатые, например, богатые середняки, мелкие хозяйчики, есть и небогатые — низшие середняки, бедняки. Интеллигенты, занимающиеся умственным трудом, образуют самостоятельную прослойку. Все они поддерживают социалистическую систему и представляют собой активных участников в деле социалистического строительства. Между ними не существует столкновения коренных интересов. Однако в отношении обладания средствами производства имеется различие между ними (главное различие между всенародной собственностью и кооперативной), экономическое положение одних отличается от положения других, между ними ещё есть и классовые отношения (неантагонистические классовые противоречия). Следовательно, противоречия между ними (рабочие и крестьяне, богатые середняки и низшие середняки, бедняки) не могут не быть противоречиями классовых отношений (конечно, это не антагонистические противоречия, которые существуют между врагами и нами).

Национальная буржуазия в стране также является частью народа. Противоречия между буржуазией и трудящимся народом

¹ «Дружба», № 310, 30 декабря 1956 г.

это — в сущности, антагонистические противоречия, но ввиду особых исторических условий в стране (могучие силы рабочего класса, прочный союз рабочих и крестьян, правильность политики партии) национальная буржуазия принимает социалистические преобразования и, таким образом, эти антагонистические противоречия имеют возможность превратиться в неантагонистические. Капиталисты в нашей стране уже, как правило, участвуют в труде, постепенно превращаются в тружеников, живущих на заработную плату. Но благодаря историческим обстоятельствам их материальное положение находится на более высоком уровне, чем положение рабочих, до сих пор они ещё получают установленные проценты на свой капитал из рук рабочего класса. Поэтому существуют классовые противоречия между рабочим классом и буржуазией. Поскольку в стране имеются ещё и классовые отношения, постольку существует и идеология разных классов, тем более, что классовая идеология существует гораздо дольше, чем сам класс. Классы уничтожаются, а классовая идеология ещё продолжает оказывать своё влияние в обществе. В настоящее время в нашем обществе идеологические противоречия между рабочим классом и другими классами, борьба между мировоззрением диалектического материализма и мировоззрением идеалистическим есть отражение в идеологии противоречий классовых отношений. Эта идеологическая борьба имеет место не только между рабочим классом, капиталистами и мелкой буржуазией, но отчасти она проявляется и в среде самого рабочего класса. Нам известно, что внутри рабочего класса имеется много новых рабочих. Эти новые рабочие недавно ещё были единоличниками-тружениками, поэтому они вступили в ряды рабочего класса с мелкобуржуазной идеологией и привычками мелких производителей. Что касается мировоззрения диалектического материализма, то внутри партии не все члены партии обладают прочным диалектико-материалистическим мировоззрением, во многих конкретных вопросах они проявляют тенденцию «левого» догматизма и правооппортунистических ошибок. Поэтому среди широких масс интеллигентов (изучение и принятие ими марксизма вообще началось после освобождения Китая) ещё полностью не укрепилось мировоззрение, основанное на диалектическом материализме.

Наряду с социальными корнями, противоречия внутри народа имеют и гносеологические корни. Субъективное познание человека не может полностью и целиком совпадать с объективным положением явлений. Поэтому познание людей всегда бывает не только сравнительно правильным, но также и неправильным, даже ошибочным. Особенно вследствие слабой подготовки в области диалектического материализма существует серьёзный субъективизм в методологии некоторых людей. Субъективистская методология выражается в том, что люди, не опираясь на объективные факты, рассматривают вопрос только субъективно, односторонне и поверхностно. В статье «Относительно

противоречия» товарищ Мао Цзе-дун пишет: «При исследовании какого бы то ни было вопроса недопустимы субъективизм, одно-сторонность и поверхностность».² Субъективизм — это неумение подходить к вопросу объективно. Односторонность выражается в неумении рассматривать вопрос всесторонне. Поверхностность состоит в том, что люди не учитывают ни особенностей противоречия в целом, ни особенностей различных его сторон, отрицают необходимость глубокого проникновения в сущность вещей и тщательного изучения особенностей противоречия, только подмечают поверхностно общие черты противоречия и тотчас же пытаются разрешить его. Такой подход к делу всегда влечёт за собой печальные последствия. А внутри народа некоторые люди всегда видят только личные интересы, а не коллективные, видят только частичные интересы, а не интересы общества в целом, видят только временные интересы, а не длительные; некоторые же, наоборот, видят только коллективные, целые, длительные интересы, а не личные, частичные, временные — всё это следствие субъективистской методологии. Если руководитель допустил субъективизм в методологии, то он, следовательно, навсегда уверовал в собственную мудрость и авторитет, не хотел серьёзно заниматься исследованием и изучением сложной обстановки, не хотел серьёзно прислушиваться к мнениям товарищей и голосу масс, в результате чего принятые им некоторые политические установки зачастую идут вразрез с объективной реальной обстановкой. Тем самым этот руководитель вызывает противоречия между собой и массами. Если в работе руководитель допустил субъективистскую ошибку или голое администрирование, то в этом также проявляется противоречие между руководителем и массами. Бюрократизм и сектантство — корень возникновения противоречий внутри народа, и идеологической основой бюрократизма и сектантства является именно субъективизм. Противоречия между правильными и ошибочными мнениями внутри народа и внутри компартии имеют не только социально-исторические, но и гносеологические корни.

4. Как правильно подходить к противоречиям внутри народа.

Противоречия по характеру бывают различны, и методы при подходе к разрешению их бывают также различны. Статья «Ещё раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» дала нам формулу для правильного разрешения противоречий внутри народа: «Противоречия внутри народа могут и должны разрешаться исходя из стремления к сплоченности путём критики или борьбы, и такое разрешение должно привести к новой сплоченности в

² Мао Цзе-дун, Соч., т. 2, стр. 428.

новых условиях»³. Если эту формулу сократить, то можно сказать так: сплочение — критика — сплочение. Это — целостная формула, от которой нельзя произвольно отделить ни одну составную её часть. Так, например, если не исходят из стремления к сплочённости, не используют принципиального подхода к каждому вопросу по существу с тем, чтобы проанализировать ошибки товарищей, а применяют простые грубые методы борьбы с ошибками идеологического характера, используют метод «суровой борьбы» и «беспощадного удара», то мы тогда говорим, что критикуемые товарищи не смогут достичь новой сплочённости. Если же, только исходя из стремления к сплочённости, критикуем человека так, что по существу приспособляемся к его ошибкам, примираемся с его ошибками, боимся бороться с ошибками принципиально, то мы тоже не можем представить себе, что товарищи могут достичь новой сплочённости. Только исходя из стремления к сплочённости, опираясь на принцип «взыскивать за прошлое в назидание на будущее, лечить, чтобы спасти больного», мы по-товарищески критикуем ошибки и недостатки людей, только таким образом на новой основе мы имеем возможность достичь новой сплочённости.

Конечно, значительно труднее использовать формулу «исходя из стремления к сплочённости, путём критики или борьбы достичь новой сплочённости на новой основе» для того, чтобы разрешить противоречия внутри народа, по сравнению с использованием простых грубых методов для разрешения этих противоречий, но эта формула обеспечивает правильный и эффективный метод разрешения противоречий. Противоречия внутри народа есть противоречия между правильными и ошибочными мнениями. Если мы используем только простые грубые, административные методы разрешения вопроса о противоречиях внутри народа, то по видимости, поверхностно, вопрос разрешается как будто легче и быстрее, но на самом деле вопрос не разрешается в идеологическом отношении, ибо это не может действительно помочь людям разобраться в правильных и неправильных мнениях и вопросах, разобраться в сущности ошибок и их корнях, тем самым не может быть обеспечено и то, что люди не будут допускать в дальнейшем ошибок, носящих подобный характер. Использование простых грубых административных методов приносит только ущерб активности людей. В отдельных случаях, благодаря взаимопревращаемости противоречий, неантагонистические противоречия внутри народа могут превратиться в антагонистические противоречия.

Наша партия сначала тоже не понимала этой истины. Она расплатилась дорогой ценой за долгие годы искания этой истины, обобщения драгоценного опыта. До совещания в Цзуньи в 1935 г. наша партия четыре раза допускала ошибки в своей работе. Хотя внутри партии была борьба, руководители снимались с

³ «Дружба», № 310, 30 декабря, 1956 г.

постов, но тогда ещё недостаточно идеологически разбирались в сущности ошибок и в их корнях, мало помогали товарищам с точки зрения осмысливания их собственных ошибок. Господствовавшие в партии с 1931 по 1934 гг. «левые» оппортунисты, во главе которых стояли Бо Гу и др., применяли во внутривнутрипартийной борьбе метод «суровой борьбы» и «беспощадного удара», который привёл лишь к тому, что в партии стало невозможно отличить правду от неправды, партийная жизнь омертвела, жизненная сила партии пострадала, делу партии был нанесён серьёзный ущерб. Однако после совещания в Цзуньи в 1935 г. партия не накладывала серьёзных взысканий на совершивших ошибки, а по-прежнему, спланировала всех членов партии, терпеливо выжидала и помогала им по-настоящему осознать свои ошибки. Наряду с этим с 1935 по 1945 г. ЦК партии, возглавляемый тов. Мао Цзе-дуном, по-настоящему проанализировал совершённые партией ошибки, особенно ошибки субъективизма (догматизм), подвёл итоги исторического опыта партии, развернул во всей партии известное движение за упорядочение стиля в работе, направленное против субъективизма, сектантства и шаблонных схем в партии. Благодаря этому действительно повысился уровень марксистско-ленинской сознательности многих кадров и их способность отличать правильное от неправильного.

К 1945 г., т. е. через десять лет после совещания в Цзуньи, когда партия приняла решение по некоторым вопросам истории нашей партии, она обобщила исторический опыт партии до 1935 г. и тем самым достигла невиданного марксистско-ленинского сплочения.

Наша партия творчески применяет драгоценный опыт внутрипартийной борьбы в своих отношениях с демократическими слоями общества, в отношениях между правительством и народом, между армией и народом. Поэтому партия выдвигала лозунги: «поддержка правительства и защита народа», «сокращение и укрепление армии и управленческого аппарата» и т. д. Таким образом противоречия внутри народа были разрешены своевременно, все силы сплотились, была одержана великая победа в анти-японской и народно-освободительной войне.

После победы революции компартия стала правящей партией. Она очень умело применяет накопленный драгоценный опыт в своей практической работе, руководствуется правильной формулой о разрешении противоречий внутри народа, перевоспитывает интеллигенцию в духе новой идеологии, проводит социалистические преобразования капиталистической промышленности и торговли, укрепляет единый фронт с другими демократическими партиями, спланирует все национальные меньшинства страны. Во всех этих вопросах мы достигли больших успехов. Социалистические преобразования уже в основном закончены, эксплуатация в стране уничтожается. В этой обстановке товарищ Мао Цзе-дун и выдвинул вопрос о правильном подходе к противоречиям внут-

ри народа. Наша партия обращает на этот вопрос сейчас большое внимание. Поэтому в последнее время она провозгласила и осуществляет важнейшие принципы политики «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все учёные», курс на «длительное сосуществование и взаимный контроль», «усиление политического воспитания и идеологической работы» и т. д. Принципы этой политики являются принципами, направленными на разрешение противоречий внутри народа. Эти принципы политики разработаны на основе правильной формулы — сплочение-критика-сплочение. Если мы и дальше будем проводить в жизнь эти принципы политики, то мы можем хорошо разрешить противоречия внутри народа, тем самым выполнить ту задачу, которую выдвинула партия на VIII съезде: «. Опираясь на сотни миллионов масс освобожденного и организованного трудового народа, сплачивая все силы в стране и за её пределами, которые только можно сплотить, и полностью используя все благоприятные для нас условия, как можно быстрее превратить нашу страну в великую социалистическую державу».⁴

В целях правильной реализации многих важных принципов политики партии ЦК уже решил, что внутри партии должно быть развёрнуто движение за упорядочение стиля в работе, направленное против субъективизма, бюрократизма и сектантства. Мы вполне уверены, что через это движение за упорядочение стиля исправим субъективистские, бюрократические и сектантские ошибки, имеющиеся в партии, и тем самым сможем ещё лучше способствовать усилению идей партии в народе и сплочению народа на основе идей марксизма-ленинизма. Таким образом будет создана благоприятная обстановка, в которой мы сможем ещё лучше руководить широкими непартийными массами, успешнее проводить политику партии во всех областях жизни общества, еще лучше разрешать противоречия внутри народа, чтобы на базе великого сплочения народа вокруг компартии построить в Китае социализм.

*(Опубликовано в журнале
«Сюэси» № 7 за 1957 г.)*

⁴ Материалы VIII Всекитайского съезда компартии Китая, т. 1, стр. 14. Пекин, 1956 г.

О ПРОГРАММЕ КУРСА ЭСТЕТИКИ КАРЛА МОРГЕНШТЕРНА

Канд. философских наук Л. Н. Столович

В фундаментальной библиотеке Тартуского государственного университета хранится небольшая книжка, изданная в 1815 году в Тарту: *Grundriss einer Einleitung zur Ästhetik mit Andeutungen zur Geschichte der seblen von Karl Morgenstern*. Dorpat. 1815. («План введения к эстетике с указаниями к её истории Карла Моргенштерна». Дерпт. 1815). Это программа курса эстетики, который вёл в Тартуском университете Карл Моргенштерн — первый профессор, читавший наряду с лекциями по классической филологии и истории искусства лекции и по эстетике.

Иоганн Симон Карл Моргенштерн родился в Германии в 1700 году в семье врача. Окончив университет в Галле и защитив в 1794 году докторскую диссертацию, посвященную анализу произведения древнегреческого философа Платона «Республика», К. Моргенштерн работал приват-доцентом и экстраординарным профессором в Галле, а затем профессором в Данциге. В 1802 году К. Моргенштерн был приглашен в Тартуский университет, которому отдал все свои силы как лектор, основатель библиотеки и художественного музея, как выдающийся просветитель.

Курс эстетики К. Моргенштерн начал читать в университете с 1803 года. Вопросами эстетики он увлекся ещё в юности. Уже тогда им был опубликован в немецких журналах ряд статей, касающихся эстетических проблем. Интерес его к эстетике определился благодаря большой любви к литературе и к искусству. Произведения литературы и искусства он собирал в библиотеке и музее, сам делал творческие попытки в области поэзии и живописи. В конце XVIII — начале XIX века эстетика читалась во многих университетах Германии. К. Моргенштерн был хорошо знаком со всеми сколько-нибудь значительными исследованиями, учебниками, руководствами, программами по эстетике. Они были собраны в его личной библиотеке и хранят следы работы: пометки на полях, подчеркивания и т. п. Первоначально в своих лекциях по эстетике проф. Моргенштерн руководствовался книгой

своего учителя Эбергарда «Теория прекрасных искусств...»,¹ а затем книгой кантианца Снелля «Учебник критики вкуса...»². Но уже первый курс эстетики читался К. Моргенштерном по своему плану. Работа над курсом, изучение теоретической литературы, выработка своего взгляда на эстетические проблемы поставили перед К. Моргенштерном задачу написать свой учебник по эстетике. В порядке подготовки этого учебника и помощи слушателям своих лекций проф. Моргенштерн в 1815 году и выпустил «Grundriss einer Einleitung zur Ästhetik...» Многочисленные пометки, сделанные на авторском экземпляре впоследствии (на стр. 14 имеется ссылка на книгу, изданную в 1834—1837 гг.), свидетельствуют, что проф. Моргенштерн продолжал работать над своим курсом, но основной план его не изменил. Учебника по эстетике К. Моргенштерн так и не написал, но изданная им в 1815 году программа представляет большой интерес, показывая уровень преподавания эстетики в первой четверти XIX века в Тартуском университете, характеризуя мировоззрение Карла Моргенштерна. Сопоставление программы по эстетике К. Моргенштерна с учебниками и руководствами по эстетике, изданными в Германии в конце XVIII — начале XIX века, и с аналогичными программами курсов эстетики, читавшихся в немецких университетах,³ показывает, что работа Моргенштерна является вполне оригинальным произведением.

Во введении к своей программе К. Моргенштерн даёт определение эстетики как науки. «Эстетика, — пишет он, — философия прекрасного как вообще, так и применительно к отдельным прекрасным искусствам» (стр. 11). Это определение, в основном, правильно характеризует предмет эстетики. Оно, с одной стороны, отмечает, что эстетика изучает эстетическое в самой жизни, а, с другой стороны, отражение и выражение эстетического в искусстве. Правда, эстетическое здесь сводится им только к прекрасному. К. Моргенштерн против одностороннего понимания эстетики либо как только философии прекрасного, либо как только общего учения об искусстве (см. стр. 11—12). В соответствии с таким пониманием предмета эстетики и строился курс лекций по эстетике проф. Моргенштерна.

Вводная часть программы посвящена обзору и классификации имеющейся литературы по эстетике и теории частных видов искусства. К. Моргенштерн показал здесь свою огромную эрудицию в области литературы по эстетике, начиная с античности. Библио-

¹ Eberhard, Theorie der schönen Künste und Wissenschaften. 3-е издание, 1790.

² Ch. W. Snell, Lehrbuch der Kritik des Geschmacks mit beständiger Rücksicht auf die kantische Kritik der ästhetischen Urtheilskraft, Leipzig. 1795.

³ Например, ср. L. H. Jakob, Kurzer Abriss der Kritik des Geschmacks Halle, 1793; Chr. Fr. Michaelis, Entwurf der Aesthetik als Leitfaden bei akademischen Vorlesungen über Kant's Kritik der aesthetischen Urtheilskraft. Augsburg. 1796; Fr. Bouterwek, Grundriss akademischen Vorlesungen über die Aesthetik, Göttingen, 1797 и др.

графическая часть программы (правда, большей частью названы только авторы, а не их произведения) не имеет себе равной ни в одной книге по эстетике, изданной в это время. Мы находим здесь подробный перечень исследователей эстетики как в Германии, так и во Франции, Англии, Голландии. Приводятся имена авторов не только собственно эстетических работ, но и работ по поэтике, теории музыки, хореографии, пластики и графики, риторики, мимики и театрального искусства, садового искусства и архитектуры, в которых так или иначе затрагиваются эстетические проблемы. Особый интерес представляет раздел о влиянии художественной критики и истории искусства на развитие эстетики. Это показывает, что Моргенштерн, к чести своей, видел связь эстетической теории с художественной практикой. Он отмечал, что искусство и художественное чувство предшествуют художественной теории (стр. 13).

Первая часть программы касается вопросов, как пишет Моргенштерн, «чистой эстетики» (стр. 26). Здесь упоминаются такие проблемы, как проблема эстетического созерцания, эстетического чувства, эстетического суждения, эстетической идеи. Подчеркивается специфика эстетического чувства, в противоположность только физическому, интеллектуальному, моральному и религиозному (последнее позже дописано рукой Моргенштерна) (стр. 26), и специфика эстетического суждения, в противоположность логическому и моральному. Мы, к сожалению, из-за отсутствия материала не имеем возможности подробно характеризовать взгляды Моргенштерна на специфику эстетического чувства и суждения. Но сам факт подчеркивания этой специфики свидетельствует о том, что Моргенштерн был на уровне передовой науки своего времени, да и проблема специфики эстетического является одной из актуальнейших проблем современной эстетической науки.

В связи с вопросом об эстетическом чувстве упоминается в программе чувство прекрасного, великого и возвышенного, а также же аналитика самого прекрасного, великого и возвышенного. Здесь же идет речь об основе и восприятии шуточного, юмористического, с одной стороны, и трогательного, патетического, трагического, с другой.

Далее следует раздел, посвященный искусству как эстетическому творению. Тут намечаются такие вопросы, как вопрос об отношении искусства к природе и прекрасного в искусстве к прекрасному в природе, вопрос о художественном идеале, об отношении искусства к религии. Рассматриваются и проблемы художественного творчества, художественного гения (рукой Моргенштерна слова «художественный гений» переделаны впоследствии на «художник») К. Моргенштерн чужд теорий об исключительности художественного гения, об иррациональности художественного творчества, характерных для многих представителей романтической эстетики. Он отмечает в своей брошюре: «О человеке как вообще художнике» (стр. 28), «О необходимой связи

творящей художественной гениальности с разумом, как источником (Vermögen) идей» (стр. 29) В программе ставятся вопросы об оригинальности и подражании, о стиле и манере, о главных различиях художественного стиля и о школах в искусстве, об этике художника. В заключении первой части говорится об основах эстетического суждения, о природных предметах и произведениях искусства, а также о формировании вкуса, который, по Моргенштерну, является способностью эстетического суждения (стр. 26).

Вторая часть программы, называемая автором «прикладной эстетикой» (стр. 30), ставит проблемы теории отдельных видов искусства, а также истории искусства. К. Моргенштерн исходит из следующей классификации отдельных видов искусства, теория которых должна, по его мнению, быть предметом изучения в этом разделе курса: 1) музыкальные (исправлено позже рукой Моргенштерна на «ритмические») искусства — поэзия, музыка, хореография; 2) пластические и графические искусства — скульптура, живопись, графика; 3) риторические искусства — декламация, ораторское искусство; 4) мимические искусства — мимика в ораторском искусстве и танце, а также театральное искусство; 5) садовое искусство и архитектура. Такая классификация видов искусства, хотя и построена по формальному принципу, охватывает и группирует известные в то время виды художественной деятельности.

Наконец, заключительный раздел ставит вопрос о главных чертах истории прекрасных искусств.

Таковы основные разделы программы курса эстетики, читавшегося проф. Моргенштерном в Тартуском университете. Но возникает вопрос, с каких философских позиций подходил К. Моргенштерн к разрешению эстетических проблем?

Называя большое число исследователей эстетики, К. Моргенштерн видит в эстетике, по его словам, борьбу несовместимых философских партий (см. стр. 7). Главными направлениями в эстетике он считает объективное, связанное с лейбницевской и вольфианской школой, и субъективное, возглавляемое Кантом. В вводной части программы К. Моргенштерн даёт и более подробную картину различных направлений в эстетике. На первое место он ставит объективное направление, называемое им «эстетическим реализмом». Сюда он относит немецкого философа вольфианской школы, автора труда «Эстетика» Баумгартена, теоретика французского классицизма XVIII века Баттё, великого французского мыслителя XVIII столетия Дидро, немецкого просветителя XVIII века Гердера, английского эстетика XVIII столетия Гома (Home). К «эстетическому реализму» К. Моргенштерн относит и учение об искусстве великого древнегреческого философа Аристотеля. Всех этих мыслителей, по Моргенштерну, объединяет то, что для них действительность является источником искусства и восприятия прекрас-

ного разумом и чувствами. Но Моргенштерн не рассматривает того, как философы понимали саму действительность. создана ли она богом, идеей, духом или же существует как материальная субстанция. Иначе говоря, Моргенштерн не различает материализм и объективный идеализм в философии. Поэтому-то в направление «эстетического реализма» зачислены и такой последовательный материалист, как Дидро, и такие идеалисты, как Баумгартен и Гердер.

Следующее направление, субъективное направление, К. Моргенштерн называет «эстетическим идеализмом», представителями которого считает Канта и Фихте. И действительно, эстетика Канта и Фихте имеет ярко выраженный субъективно-идеалистический характер.

Третьим направлением является «эстетический идеальный реализм» (*Ästhetischer Idealrealismus*), куда К. Моргенштерн зачисляет объективно-идеалистическую теорию древнегреческого философа Платона и объективно-идеалистическую философию и эстетику немецкого философа Шеллинга — современника Моргенштерна. Об объективно-идеалистической эстетике Гегеля Моргенштерн не пишет, так как великий мыслитель начал читать свой курс эстетики в Гейдельберге в 1817 году, то есть через два года после того, как Моргенштерн выпустил свою программу. И лишь впоследствии на 19 странице, где перечисляются авторы учебников и руководств по эстетике, среди других дополнений Моргенштерн делает запись: Hegel.

Наконец, последнее направление определяется Моргенштерном как «эстетический скептицизм, старый и новый». В брошюре представители этого направления не указаны, а только приписано рукой Моргенштерна: софисты (стр. 13). Моргенштерн, видимо, в это направление включал философов, скептически относившихся к прекрасному и к искусству из древнегреческой философии — софисты — и из философии XVIII века (английского философа-агностика Юма Моргенштерн упоминает на 16 стр. брошюры).

Таким образом, классификация К. Моргенштерном эстетических направлений исходит из деления их на объективные и субъективные. Объективные: «эстетический реализм» и «эстетический идеальный реализм»; субъективные: «эстетический идеализм» и «эстетический скептицизм». Борьбу же материалистического и идеалистического направлений он не отмечает, объединяя то и другое, как мы видели выше, в направлении «эстетический реализм».

Какова же философско-эстетическая позиция самого проф. Моргенштерна? Моргенштерн, учась и работая в Галле, находился под влиянием философа Эбергарда — последователя лейбницевской — вольфианской философии и непримиримого врага Канта. Как уже отмечалось, свой курс эстетики в 1803 году Моргенштерн читал, опираясь на работу Эбергарда «Теория прекрасных

искусств и наук». В предисловии к своей программе Моргенштерн обращает внимание на значение немецких просветителей докантовского периода: Мендельсона, Лессинга, Энгеля. Но уже в Германии Моргенштерн испытывает сильное влияние философии Канта. Хранящиеся в фундаментальной библиотеке Тартуского университета экземпляры двух изданий «Критики способности суждения» И. Канта с пометками и подчеркиваниями Моргенштерна свидетельствуют о его большом интересе и серьезном изучении эстетики Канта. Моргенштерн знакомится с кантианцем Якобом и печатает свои статьи как в журнале, издаваемом Эбергардом, так и в журнале Якоба.⁴ Докторская диссертация Моргенштерна написана под большим влиянием кантовской философии, что и вызвало очень одобрительный отзыв Канта о его диссертации в письме к Моргенштерну от 14 августа 1795 года.⁵ О связях Моргенштерна с кантовской школой в философии и эстетике свидетельствует подаренный Моргенштерну Кр. Фр. Михаэлисом проспект его лекций об эстетике Канта, изданный в Аугсбурге в 1796 г.

Оказала воздействие на лекции Моргенштерна по эстетике и книга кантианца Снелля «Учебник критики вкуса с постоянным вниманием к кантовской критике эстетической силы суждения» (Ch. W. Shell, Lehrbuch der Kritik des Geschmacks mit beständiger Rücksicht auf die kantische Kritik der ästhetischen Urtheilskraft. Leipzig, 1795).

Но было бы неверным считать Моргенштерна последователем философии и эстетики Канта в течение всей его деятельности. Как раз в рассматриваемой «Grundriss einer Einleitung zur Ästhetik» Моргенштерн занимает открыто антикантовскую позицию. В предисловии он пишет, что еще до прочтения «Каллигоны» (произведение немецкого просветителя XVIII века Гердера, резко направленное против эстетики Канта) у него возникло сомнение «в безусловной правильности и вообще плодотворности кантовского объяснения прекрасного» (стр. 6—7), хотя и удовлетворяло кантовское объяснение возвышенного. В самой программе Моргенштерн чужд субъективистской эстетики Канта. «Прекрасное и возвышенное в природе раньше, чем мысли о них», — читаем мы на 13 странице программы. На 14 странице Моргенштерн отмечает «влияние меняющегося и образующегося действительно мира радующего прекрасного и возвышающего величия на образование эстетических воззрений века и индивида». Признавая объективность прекрасного и возвышенного, К. Моргенштерн, однако, не был материалистом, т. к. источником прекрасного и возвышенного в природе он считал бога (стр. 28). Здесь же делается

⁴ см. W. Süß, Karl Morgenstern. Dorpat. 1928. S. 41.

⁵ См. об этом в статье З. Н. Мелешенко «О письмах немецких просветителей XVIII и начала XIX века К. Моргенштерну, профессору Дерптского (ныне Тартуского) университета» («Вопросы философии», 1956 г., № 5).

и ссыла на учение Платона об идеях. Следовательно, эстетика К. Моргенштерна является объективно-идеалистической, «идеально реалистической», как он назвал бы её сам.

Переход К. Моргенштерна с кантианских, субъективистских позиций на позиции объективного идеализма чрезвычайно характерен для развития передовой эстетической и философской мысли Германии самого конца XVIII — начала XIX столетия. Объективно-идеалистическая эстетика в этот период в лице Шеллинга, а затем, особенно, Гегеля явилась наиболее плодотворным течением, много сделавшим для диалектического понимания эстетических явлений. Необходимо отметить, что в это время диалектика развивалась до Маркса и Энгельса на идеалистической, главным образом, объективно-идеалистической основе. Элементы диалектики имеются и в программе Моргенштерна, особенно в подчеркивании им единства истории и теории искусства, единства общего и особенного в искусстве и его истории. В программе Моргенштерна мы находим и зачатки того исторического подхода к искусству, который явился основой эстетики Гегеля. Так, Моргенштерн, как и Гегель в своей «Энциклопедии» (1817) и в лекциях по эстетике, считает искусство Востока (Индии, Египта и т. д.) великим и возвышенным, искусство Греции — прекрасным, а искусство средних веков (христианская живопись, рыцарская поэзия, готическая архитектура) — романтическим. В отличие от Гегеля, Моргенштерн не говорит о конце искусства, а утверждает соединение античного и средневекового искусства «с новым взмахом европейского образования» (стр. 14).

Таким образом, рассмотрение программы курса эстетики К. Моргенштерна дает основание сделать вывод о том, что изучение эстетики в Тартуском университете в первой четверти XIX века находилось на передовом уровне науки того времени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Г. Макаров. К вопросу о категории случайности в учении Ч. Дарвина	3
Т. В. Лойт. О кризисе теоретической палеонтологии в конце XIX и начале XX вв.	21
Р. Н. Блюм. Социально-экономические и политические предпосылки народно-демократической революции в Венгрии	91
Г. М. Сапожников. К вопросу об идеологической борьбе в Китайской Народной Республике	136
Б. Ф. Егоров. Добролюбов — полемист	163
Ю. М. Лотман. А. Н. Радищев и русская военная мысль в XVIII в.	194
Л. Н. Столович. К вопросу о сущности и специфике искусства (по поводу одной концепции эстетической сущности искусства)	208
Лин Чжень (Пекин). Некоторые личные соображения по вопросу о противоречиях внутри народа	226
Л. Н. Столович. О программе курса эстетики Карла Моргенштерна	237

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли 18

Редактор **Л. Столович**
Корректор **М. Марди**

Сдано в набор 28/I 1958 г. Подписано к печати 3/XI 1958 г. Бумага 60×92, 1/16. Печ. л. 15,25. Тираж 1000 экз. МВ-07498. Заказ № 350.

Типография им. Ханса Хейдеманна, г. Тарту, ул. Валликрави, 4. ЭССР.

Цена 9 руб. 15 коп.